



НАРАН ИЛИШКИН

**СОРОДИЧИ
С РАЗНЫХ КОНТИНЕНТОВ**

ОЙРАТ - КАЛМЫЦКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Книга "Сородичи с разных континентов" — вторая из серии "Калмыцкое зарубежье". Она более разнообразна, чем предыдущая, которая посвящена нашей диаспоре во Франции.

Книга состоит из коротких документальных рассказов, очерков, интервью (бесед) и зарисовок о наших соплеменниках, проживающих на разных континентах, в различных странах мира. Основой послужили переписка и личные встречи с ними, а также беседы с земляками, побывавшими в Синьцзяне и Монголии и поделившимися своими впечатлениями с автором.

Н. Илишкин предстает перед нами, как и раньше, целеустремленным и постоянно ищущим, в то же время не переоценивающим свои возможности журналистом, первооткрывателем ряда привлекающих внимание личностей, в том числе прямого потомка знаменитого Аюки Хана Мань Лин (Субсы) — ученого, полковника авиации НОАК, общественного деятеля.

Однако, на наш взгляд, ценность книги не только в удовлетворении понятного интереса читателей к жизни калмыцкого зарубежья, но и в стремлении включения и интеграции ее духовных и других достижений в культуру современного калмыцкого общества.

Уверенность в более или менее успешном решении этой задачи мы видим и в той заинтересованности и бескорыстной помощи, которую оказали в издании книги коллектив АПП "Джангар", а также С. В. Овшинов и С. П. Павлов.

*А. Т. Горяев, кандидат
философских наук,
научный сотрудник КГПИ РАН.*

СКОЛЬКО НАС, МОНГОЛОЯЗЫЧНЫХ? И ГДЕ МЫ ЖИВЕМ

Численность калмыков в СССР (ныне СНГ)

1939 год	1959 год	1970 год	1979 год	1987 год
134 тысячи	106 тысяч	137 тысяч	147 тысяч	165 тысяч

Численность монголов в мире (1987 год)

Монголы в Китае — 3 миллиона 700 тысяч (включая ойратов)
Монголы в МНР (Монголии) — 1 миллион 640 тысяч

Численность бурят (бурят-монголов) в СССР (ныне — СНГ)
— 390 тысяч по состоянию на 1987 год.

Общая численность монголов, бурят, калмыков (1987 г.) в мире:

— 4 миллиона 895 тысяч человек

По данным монгольского историка Наясамбу монголоязычных ныне (на 1996 год) в мире более 6-ти миллионов. В основном они проживают в трех сопредельных государствах: Монголии, Китае и России.

Монголоязычные есть и в Афганистане, их там около 50 тысяч. Это потомки монголов, отправленных в указанную страну внуком Чингисхана Хулаху.

В окрестностях Кабула обитает современное поколение монгольских людей, служивших в свое время империи Великих Монголов в Индии и Афганистане.

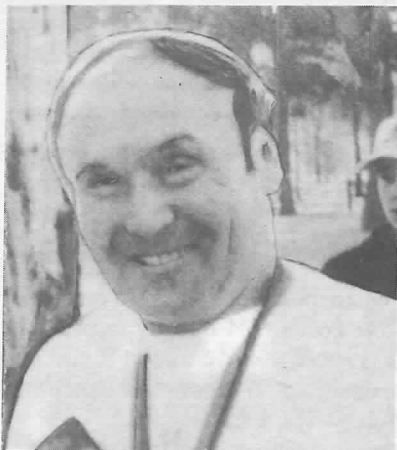
Более 2-их тысяч калмыков и монголов из Внутренней Монголии (КНР) живут в США: в городах Филадельфия, Хауэлл, Нью-Джерси, Фришвид, Паттерсон.

Около 500 калмыков проживают во Франции (их молодежь офранцузилась), Германии.

Более 10-ти тысяч калмыков-мусульман живут в Кыргызстане: в селах Чельпек и Бюло-Баш, что у озера Иссык-Куль, а также в городах Бишкек и Каракол (бывший Пржевальск).

Эта книга знакомит читателя с отдельными представителями ойрат-монголов (торгутов, дербетов, элютов) Китая и Монголии, калмыков Кыргызстана, США и других стран (в порядке расположения их названий в алфавите).

АВСТРАЛИЙСКИЙ ПОДДАННЫЙ АНГЛИЙСКОЙ КОРОЛЕВЫ



Куда только ни забрасывала судьба, играющая человеком (как поется в песне), наших земляков: в страны Европы и Африки, в Америку и даже на Тайвань.

А вот добрался ли кто из них до далекого материка в Южном полушарии, именуемого Австралией? Оказывается, да... В Австралийском Союзе, расположенном на материке Австралия и острове Тасмания, и входящем в Британское Содружество, среди 15 миллионов потомков-переселенцев из Англии и Ирландии и 100 тысяч коренных жителей-aborигенов благоденствует под защитой короны английской королевы, главы государства, ее подданный Мазан

Зодбинов, сын уроженца станицы Иловайской (Зюнгарской по-калмыцки), офицера русской армии Учюра Зодбинова, покинувшего Россию в годы гражданской войны.

Мазан живет в одном из "райских уголков" Сиднея. Того самого, который был основан в 1878 году у залива Порт-Джексон и стал ныне крупным, с 3-х миллионным населением портовым городом и административным центром штата Новый Южный Уэльс.

В прошлом году ему здорово повезло: нашел в Калмыкии своих родственников.

"Я очень и очень рад этому, — писал Мазан в Элисту из Сиднея двоюродной сестре Анне Ивановне Зодбиновой. — В августе полечу в Сибирь через Амстердам и Москву. В Омске приму участие в международном марафонском беге. И обязательно заеду к вам, в Элисту... Встречайте!"

Встреча состоялась. Трудно передать словами, какой она была радостной, трогательной.

— Тебе шестьдесят четыре? — спрашивала Анна Ивановна. — Не верится: ты выглядишь куда моложе... Пробегашь сорок верст?! О, дяркс (О, боже)... Да еще прыгаешь с самолета?

— Да, — улыбался Мазан. — Я парашотист. У меня 500 прыжков.

За девять дней пребывания в Калмыкии он перезнакомился со всеми близкими и дальними родственниками в Элисте, Улан-Эрге. Лиманском районе и Городовиковске, всталась с ними наговорилась (благо, неплохо владеет русским), изрядно повеселил их своими шутками: "В школе я учился хорошо: отец помогал мне шлеткой". "Скажите, в Калмыкии найдется еще такой чудак, как я, бегающий на старости лет на 42 километра?". "Было бы здорово организовать в Австралии колонию из земляков, поднять над ней калмыцкий флаг и объявить себя атаманом" (смеется) и т. д.

Ну, а если всерьез, то Мазан хочет помочь своей родне, которая по австралийским меркам живет неважно, а по нашим — неплохо.

Отца он здесь вспоминал часто: — Был грамотным и храбрым офицером русской армии. Эмигрировал в Югославию в годы гражданской войны. Там, в Белграде, имел вес в калмыцкой общине. В этой общине или колонии было около 400 человек. Ее члены построили с помощью югославов, хорошо относившихся к ним, первый в Европе буддийский храм.

Женщин-калмычек в Белграде было мало. И отец женился на девушке из Словении. Своих двух сыновей (меня и братишку Гавриила) воспитывал в национальном духе. Водил в хурул, где детишки учились родному языку, песням и танцам, борьбе на поясах на площадке перед храмом.

Отец гордился тем, что был российским офицером, говорил, что он, Учур Зодбинов, останется до конца дней патриотом России. И потому определил меня, а чуть позже и Гавриила, в русский кадетский корпус имени Великого князя Константина Константиновича. Он находился в 50 верстах от Белграда. В каждом классе этого корпуса учились по два—три калмычонка.

Порядок в нем соблюдался образцовый. Немецкие военные чины побывали в корпусе в 1944 году и удивились знаниям и дисциплине кадетов. Они распорядились вывезти нас в Германию. Там, в районе концлагеря Маутхаузен, я, в то время 13-летний мальчик, был потрясен жестоким обращением фашистов с югославскими пленными. Ведь мы, русские и калмыки, относились к югославам как к братьям, так же как и они к нам.

После войны мы с братом Гавриилом жили в Австрии. Работали где приходилось. А потом перебрались в Италию. Перебивались случайными заработками. Часто трудились на виноградниках.

В пятьдесят третьем — решили попытать счастья в южном полушарии. Преодолев на корабле тысячи морских, вернее, океанских миль, очутились на краю земли, в Австралии. Там "бросили якорь". И, как оказалось, надолго. Навсегда. Поначалу нам было трудно. Страна незнакомая. Климат своеобразный. Язык — английский. Мужчин по отношению к женщинам — восемь к одной. Вдобавок тоска по Европе, "старой и доброй".

Но мы не пали духом. Энергично взялись за работу, которой было много. И постепенно стали австралийцами не только по образу жизни, но и мышлению.

В 60-е годы разыскали через Красный Крест родителей, проживавших в Югославии. Пригласили к себе. Купили им землю. Помогли обзавестись имуществом и скотом. Старики привыкли к новым условиям и провели остаток своих дней вблизи своих детей, в счастье и достатке.

Отец, Учур Зодбинов из Зюнгара (Иловайской), часто вспоминал свою родину. Говорил: "Умру вдали от нее. И буду первым калмыком, чей прах примет австралийская земля".

Я должен исполнить его желание, побывать в Иловайской, взять там горсть земли и отвезти в Белград, в хурул. Вернее, в бывший калмыцкий хурул. Ныне он используется под хозяйственные нужды. И, конечно, другую горсть положить у могилы отца в Сиднее. — Обязательно повезем тебя в Зимовники, Кутейниковское и Иловайскую, — воскликнула Анна Ивановна и всплакнула: "Какое доброе сердце у тебя, Мазан. Как чтить ты память родителей! Память своего отца, моего дяди Учура!.. Теперь я понимаю, почему ты, едва успев прилететь в Элисту, поднял нас из-за накрытого стола и повез на концерт синьцзянских калмыков. И преподнес на сцене букет цветов ведущей, поздравил тепло артистов. Душа твоя прекрасная!"

— Это от отца, — улыбнулся в ответ Мазан. — Он воспитал меня в уважении к своим корням. А как вам удалось найти меня?

— Очень хотела найти. И нашла. Помогли американские земляки. И наши, здешние. А как живет Гавриил?

— Он — буржуй! — то ли в шутку, то ли всерьез ответил, улыбнувшись, Мазан.

— А ты?

— Я старший (главный) на стоянке — гараж на тысячу автомашин. Эта стоянка — суперсовременная, с новейшими компьютерами, многоэтажная. Она построена на сорокаметровой глубине под заливом и Оперным театром в Сиднее.

Мазан рассказал далее о своей многолетней службе сержантом в воздушно-десантном спецподразделении. О двенадцатимесячном участии во вьетнамской войне ("О ней вспоминать не хочу"), о дочери и сыне, которые непрочь побывать в Калмыкии.

— Не думал, что меня здесь встретят так здорово, — признался Мазан, — что родственники будут так рады мне. Я восхищен ими. Полюбил их. Вот, к примеру, племянник Виктор Лиджигорьев из Улан-Эрге. Сын моей сестры Анны Ивановны. Он возил меня по Калмыкии, Астрахани, Волгограду. Все сделал для того, чтобы я, его дядя, уехал довольным.

Пусть не обижаются другие родственники, что не назвал имен. Их так много теперь у меня.

Ну, а теперь по поводу калмыцкой колонии в Австралии. Это — страна, перспективная для молодежи. У нас больше возможностей достичь успеха, чем в США и Европе. Только нужны стремление, воля, знание английского языка.

— Я хочу, чтобы через много лет обо мне написали: "Колумб открыл Америку для европейцев, а Зодбинов — Австралию для калмыков", — рассмеялся Мазан, довольный своей очередной шуткой. Тот самый Мазан, который первым из калмыков ступил ногой на земную твердь далекого материка в южном полушарии. Тот самый, которого так долго искала и, наконец, нашла элистинка Анна Ивановна Зодбинова.

КАК ЖИВЕТЕ, ЕДИНСТВЕННАЯ КАЛМЫЧКА АВСТРИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ?



— Госпожа Убушаева, мы рады приветствовать вас, единственную гражданку Австрийской Республики калмыцкой национальности. Помнится, когда вы 20 с лишним лет назад уехали в Австрию, у нас говорили, что ваш муж — барон, и потому служанка подает вам кофе в постель по утрам?..

— Да?! (Собеседница смеется). Приготовить кофе я в состоянии сама, а мой муж Берндт Кольрус не принадлежит к знатному роду. Он доктор философии, преподаватель Грацкого университета, а также официальный переводчик земли Штирия и фирмы "Глассер и Тойрер", машины которой реализуются в 80 странах мира.

— Грац — это административный центр земли Штирия?

— Да, это второй по величине и значимости после Вены город Австрии. А Штирия — одна из восьми административных единиц (земель) страны.

— А что представляет собой страна? Небольшая. Нейтральная. Альпийская. Замечательная... Это нам известно по публикациям. И по знаменитому вальсу Иоганна Штрауса, прославившему на весь мир красоту венского леса.

— Да, Австрия — прекрасная страна. Природа Австрийских Альп и Придунайской низменности так же чудесна, как восхитительна изящная музыка Вольфганга Амадея Моцарта.

В этой маленькой стране живут трудолюбивые, дисциплинированные люди, пользующиеся благами современной цивилизации. Социальная защита ее восьмимиллионного населения равна почти шведской. Образование, в том числе и высшее, а также медобслуживание в Австрии — бесплатное. Все дети со дня своего рождения до момента устройства на работу или окончания вуза получают государственные пособия.

— Независимо от дохода родителей?

— Да. Например, наши сын и дочь — дети высокооплачиваемых родителей (я, как и мой муж, преподаю в Грацком университете). Однако и им, Саше и Тане, присылают пособия. Они положены всем без исключения. Это одна из форм заботы государства о подрастающем поколении. О его здоровье, образовании, воспитании, будущем.

— Расскажите, Елизавета Боваевна, о своих детях, о семье.

— Сын Александр — студент юридического факультета университета. Дочь Татьяна заканчивает гимназию. Уровень преподавания — высокий.

Знания в гимназиях дают глубокие. Преподают латинский, английский и французский языки. Саша и Таня знают еще и русский. Дома мы говорим только на русском языке.

Наши дети очень любят дедушку Карла и бабушку Августу. А они внуков — еще больше. Дедушке — 75 лет, а бабушке — 74. Они очень культурные, образованные люди, бывшие учителя. Живут в 30 километрах от Граца.

— Как они вас приняли?

— Приняли так приветливо, что с первых же дней своего пребывания у них, я почувствовала себя, как дома. Должна отметить, что австрийцы очень дружелюбный, спокойный народ. Нигде, никто, ни разу не проявил по отношению ко мне пренебрежения, отчужденности, высокомерия.

— Несколько слов, Елизавета Боваевна, о муже, если это вас не затруднит.

— Бент (так родные и друзья называют Берндта) — очень красивый мужчина (неудобно хвалить мужа, но я лишь фиксирую факт). Как сказала выше, он доктор философии. Владеет несколькими языками, переводит на правительственном уровне.

Бент человек скромный, простой, отзывчивый, коммуникабельный. Быстро сходится с людьми, в том числе, известными. Так, к примеру, он понравился Президенту Казахстана Нурсултану Назарбаеву, который во время повторной встречи с австрийской делегацией после официальной части дружелюбно представил Бента своим министрам как "кальмыцкого зятя".

— Как познакомились вы с Берндтом, Елизавета Боваевна?

— Случайно. На концерте, организованном обществом советско-австрийской дружбы 1 октября 1971 года, в день освобождения Австрии от фашизма "Кто это поет?" — спросил иностранец, сидевший рядом со мной. Я ответила. Австриец снова задал мне вопрос. Потом еще.

— Молодой человек, — сказала я ему. — Как-то неудобно получается: вы пришли на вечер с девушкой, а внимание уделяете мне.

— Это не моя девушка, — рассмеялся собеседник. — Она наш преподаватель... Давайте познакомимся. Меня зовут Берндтом, а Вас?

Берндт оказался стажером МГУ, где совершенствовал свои знания по русской филологии. Мы обменялись номерами телефонов. Стали встречаться А 9-го августа 1972 года поженились в Москве.

— Без осложнений? Препятствий?

— Препоны были ужасные. А на работе в Центральном доме культур железнодорожников, куда я устроилась после окончания Ленинградского института кинематографии, и в официальных органах: ЗАГСе, ВОИРе и т. д.

Виза Бента заканчивалась 1-го августа, а регистрацию назначили на 9-ое (Регистрируйтесь, мол, после отъезда его в Австрию).

Начальник ВОИРа, к которому Бент обратился с просьбой продлить визу отказал ему в этом. Тогда Бент развернул "Правду" и сказал: "Видите, какой лозунг провозглашен здесь — "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!". А мы с Елизаветой — пролетарии: австрийский и советская.

Начальник ВОИРа в ответ воскликнул:

— А это не значит, что вы должны увозить нашу девушку...

Помогли Бенту его добрые знакомые: ректор МГУ, ответсекретарь общества советско-австрийской дружбы. Визу продлили, мы зарегистрировались, побывали в Тбилиси и в Элисте.

— *Как вы живете в смысле материальном?*

— Неплохо. Имеем 4-комнатную квартиру в Граце и дачу неподалеку от города. Там каменный дом с садом, сауной, баром, спорткомнатой и т. д. В Австрии каждый работающий имеет возможность приобрести такую дачу.

— *Машины?*

— Они не роскошь, а необходимость. Сыну на следующий день после окончания школы мы купили автомобиль.

В Австрии хорошо, но родину свою, Калмыкию, не забываю. Навещаю мать (ей уже за 90, живет в Троицком) и родственников в Япкуле. Они тоже бывают у нас, в Граце.

ПЬЮТ ЛИ В АФРИКЕ КАЛМЫЦКИЙ ЧАЙ?



Нет, конечно. Там в ходу кофе. А чай предпочитают индийский или цейлонский. О калмыцком, подсоленном, с молоком чае и слыхом не слыхивали.

Но если вы, уважаемый читатель, окажетесь в Западной Африке и вдруг затоскуете по душистому калмыцкому чаю, можете позвонить в Котону, трехсоттысячный портовый город четырехмиллионного Бенина, и попросить к телефону мадам Ольгу Агофбе.

— С кем имею честь говорить, — спросят вас на чистом русском языке.

— Манджиев... или Сидоров, — представитесь вы. — Звоню вам, землячка, из соседнего Того. Страшно захотелось нашего чаю. Не могу без него, пропадаю.

— О, мне жаль вас. Я подъеду за вами. Какую машину вы предпочитаете? Французской марки или итальянской?

Это шутка, конечно. А если всерьез?

Ольге Агофбе (урожденной Улюмджиевой) — первой предпринимательнице (бизнесмену) из числа советских калмычек, директору и одной из трех владельцев фармацевтического предприятия (фирмы) по закупке и продаже лекарств в Бенине, не составляет труда выехать на собственной или служебной машине в любую соседнюю страну. А фирма (предприятие) ее пока процветающая.

Я прошу Ольгу рассказать вкратце о себе.

— У меня обычная биография, — ответила она. — Родители мои — простые люди. Отец живет в Лиманском районе Астраханской области, а брат и пять сестер — в Элисте.

В 1979 году я вышла замуж за студента, гражданина Бенина Коку Агофбе. Он из семьи, близкой к бывшему президенту страны Кереку. В 1983 году окончила Пятигорский фармацевтический институт. Выехала в Африку, но наше гражданство сохранила. Сейчас у меня оно двойное. Двойное гражданство и у детей: дочери Самире, ученицы колледжа, и сына Родрига, тоже учащегося.

— Как у них с учебой, владеют ли русским?

— Учатся очень хорошо. Владеют русским, французским и местными языками. В стране государственный язык — французский.

— Ольга, вы замечали в себе раньше склонность к предпринимательству?

— Здесь, на родине, нет. Готовилась стать знающим специалистом. Считала, что после окончания института и непродолжительной практической работы могу занять должность заведующей аптекой.

А вот в Бенине открыла свое дело — создала фармацевтическое предприятие.

— Как у вас с лекарствами?

— Слова "дефицит" у нас не знают. Медикаменты получаю из Франции, Бельгии, Германии, Швейцарии. Если вижу, что уже мало каких-то групп лекарств, посылаю заявку факсом. Ее выполняют немедленно, отправляют медикаменты самолетом.

Хочу отметить высокое качество лекарств, их отличный товарный вид.

— Скажите, Ольга, если не секрет, каков ваш личный месячный доход?

— Выше я сказала, что нас, владельцев, трое. И годовую прибыль мы делим на троих. Я получаю еще за "директорское кресло". А в месяц?.. (достает из сумочки микрокалькулятор). Получается на рубли где-то около...

— О, с таким доходом можно позволить себе поездки не только в Того, но и в Токио по нескольку раз в год!..

— В Токио еще не была. А в Элисту приезжаю с детьми каждый год. На родину тянет. В первое время сильно скучала, переживала. Сейчас привыкла. Да и делу отдаешься полностью.

— И домашняя работа, наверное, отнимает немало времени?

— Приходится иметь служанку...

— Скажите, какое дело у вашего мужа? Его доход, извините за любопытство, выше вашего?

— Муж — директор государственного аптечного склада Бенина. Но зарплата его ниже, чем мой доход.

— Вы сказали, что у вас нет слова "дефицит". Это касается не только лекарств?

— Раньше была ориентация на социализм. Сейчас развитие страны пошло по рыночному пути. В экономике господствует французский капитал. Но

товара полно американского, итальянского, японского и т. д. Если есть франки, покупай, что хочешь. В стране, естественно, есть и богатые, и бедные, и средние. Имеются и безработные. Но нищих и голодных нет.

Если сопоставить, то основная масса населения Бенина живет лучше, чем у нас.

— *Какие народности населяют страну? И что за страна эта, Бенин?*

— В Бенине живут бенинцы, аджа и другие народности. А также европейцы — французы, португальцы. Есть японцы (моя лучшая подруга — японка), китайцы, арабы. Много метисов. Кстати, мой муж частично араб.

Раньше страна называлась Невольничьим Берегом, затем Дагомеей, а с 1975 года — Бенином.

Климат тропический. На территории — саванны и тропические леса. Возделываются хлопок, арахис, кофе. Главная же культура — масличная пальма, из которой получают различные продукты.

— *С вашего разрешения, Ольга, задам вопрос детям. Кем ты хочешь стать, Самира?*

— Доктором.

— *А ты, Родриг?*

— Полицейским. Мечтаю работать в "Интерполе".

— *А калмыцкий язык знаете? Чай калмыцкий пьете?*

Ольга: Языка, к сожалению, они не знают. А калмыцкий чай в Африке не пьют. Разумеется, кроме семьи Агофбе.

НА ДАВНИХ БОЛГАРСКИХ ФОТОГРАФИЯХ

Передо мной старый, полувековой давности, но хорошо сохранившийся снимок. Судя по надписи на его обратной стороне, фотомастер из Софии Б. Колев запечатлел группу молодежи калмыцкого происхождения из эмигрантских семей.

Эту фотографию привез в Сибирь Борис Дарвикович Даваев.

Как она попала к нему? На этот вопрос дала ответ Сюджикова (Даваева) Софья Микуляевна из Шарнута, жена Бориса Дарвиковича, скончавшегося в 1983 году.

"Мой муж Борис Даваев, уроженец местечка Сал Сарпинского улуса, призванный в армию в 1939 году, прошел всю войну: защищал Сталинград, тонув в водах Дона и Днепра, был ранен, освобождал Румынию, Югославию, Чехословакию.

В Югославии один из бойцов его взвода неподалеку от того места, где они расположились, приметил калмыцкий храм. Борис немедленно отправился туда с несколькими солдатами. Когда он вошел в небольшое, но красивое здание, из внутренней комнаты вышел старый геллонг.

— В хурул с оружием не входят, — сказал он на относительно чистом русском языке.



Ребята закинули автоматы за спину, а Борис обратился к священнослужителю на калмыцком. Гелюнг очень удивился.

— Хальмг? Хальмг?— переспрашивал он.

— Да, я калмык,— ответил Борис на родном языке.— Вы здесь один? А где остальные?

— Уехали. Испугались вас, красных. А я остался: мне ведь терять нечего. Слишком стар, чтобы бояться смерти.

— Зря испугались. Мы никого не убиваем, а наоборот, спасаем от фашистов. А много калмыков в Югославии?

— Было несколько десятков семей. Калмыки живут в Чехословакии, а также в Болгарии и во Франции. Давай, сынок, прочитаю тебе молитву, чтобы ты вернулся домой невредимым. Поговорил с тобой, будто на родине побывал. На душе стало легче.

— Читайте молитву, отец. Только нам всем, а не мне одному,— ответил Борис.

Остался в живых мой будущий муж. После окончания войны еще год служил в Болгарии. Там, в Софии, на одной из ее центральных улиц имени Дондукова вдруг увидел паренька и девушку с восточной внешностью. Вспомнил слова гелюнга, подошел к ним, сказал уверенно:

— Вы, я вижу, калмыки. Мендют!..

— Да, калмыки мы,— удивленно, радостно улыбаясь, ответил юнец.— Мендют, мендют...

— Ну, тогда познакомимся. Я — Борис Даваев.

— А я Петр Дарбаков, — восхищенно глядя на советского офицера-калмыка, сказал юноша. Девушка также назвала свое имя. Муж говорил, но я забывала.

Я сохранила фотографию тех далеких лет. На одной из них Борис с Петром Дарбаковым в Софии, в сорок шестом. На другой — молоденькие болгарские калмыки.

Кто они? Как сложилась их дальнейшая судьба?..

На этот вопрос Сюджиковой (Даваевой) Софьи Микуляевны из Шарнута (совхоза "Степного"), вдовы бывшего фронтовика, освободителя стран Восточной Европы от гитлеровцев Бориса Дарвиковича Даваева, я постарался дать ответ.

По некоторым сведениям, Петр Дарбаков (видимо, родственник Балкана Дарбакова, болгарского футболиста, с радостью уехавшего в СССР в сорок седьмом и скончавшегося в Сибири) сейчас на пенсии, живет в Болгарии.

Дарья (фамилия не уточнена) — первая слева в первом ряду второго — (группового) снимка, сделанного Б. Колевым в Софии в 1943-ем переехала, выйдя замуж в 50-е годы за советского гражданина, на Украину и живет ныне там. У нее двое детей. Бембя (в белом платье) и Феня Мишкина живут в США. Там же, в Америке, жил и скончавшийся в апреле 1992 года Петр Яманов (первый слева во втором ряду). Он первым из наших зарубежных соотечественников пытался наладить культурные связи с Калмыкией, организовать гастроли "Тюльпана" за океаном. Заказал, привез (в Элисте бывал неоднократно) и подарил "Уралану" комплект красивых спортивных форм.

К сожалению, время тогда было другое, конфронтационное, и информировать общественность о помощи американца, хотя и друга СССР и Калмыкии, местная пресса не могла.

Рядом с Ямановым — сестра и брат Емгушovy, Ольга и Петр. Они, как и Феня Мишкина, окончили Софийскую гимназию и поступили соответственно в высший экономический и политехнический институты. В 1955 году переехали в СССР.

Здесь, в Союзе, Ольга работала на заводе в Махачкале заместителем начальника планового отдела, затем в Элисте на заводе "Одн" начальником отдела. Сейчас на пенсии, живет в столице Калмыкии. Ее младший брат Петр защитил в СССР диссертацию на ученую степень кандидата технических наук и работал в КГУ до своей кончины, последовавшей в 1984 году от воспаления легких. Его супруга и двое детей живут в Элисте.

P.S. Примечательно, что название улицы в Софии, где Б. Д. Даваев встретил молодых болгарских соотечественников, связано с генералом Александром Михайловичем Дондуковым-Корсаковым (1820—1893 г. г.). В этом генерале удивительным образом перемешалась русская, калмыцкая и кабардинская кровь. Он был праправнуком калмыцкого хана Дондука-Омбо и кабардинской княжны Джанет, ставшей, выйдя замуж, калмыцкой ханшей, а после смерти мужа Дондука-Омбо и крещения в Петербурге, — княгиней Верой Дондуковой.

Выпускник юридического факультета Петербургского университета князь А. Дондуков-Корсаков, поступил на военную службу, проявил большие способности, отличился в Кавказской, Крымской и русско-турецкой (1877—1878 г.г.) войнах.

Будучи назначен Верховным Российским Императорским Комиссаром после ее освобождения от многовекового османского ига, он со своими помощниками в поразительно короткий срок разработал основы гражданского управления нового болгарского государства, подготовил самый либеральный для того времени проект конституции, создал первые болгарские воинские части, перевел столицу страны из Стары Загоры в Софию и т. д.

Как пишет журналист-болгарин Васил Александров, болгарский народ любил своего правителя Дондукова, а он любил общаться с народом.

Вернувшись в Россию, Александр Дондуков стал главнокомандующим по гражданской части и командующим войсками Кавказского военного округа.

Потомок хана Дондука-Омбо князь А. М. Дондуков-Корсаков, генерал от кавалерии и член Государственного Совета России, скончался в своем имении Полонское, неподалеку от Пскова, весной 1893 г. в 73-летнем возрасте.

КАЛМЫКИ КЫРГЫЗСТАНА

Бывший начальник экспертно-криминалистического отдела МВД Киргизии полковник милиции Виктор Бальджиков, направленный на работу во Фрунзе (ныне Бишкек) после окончания в Москве Высшей школы милиции в 1968 году и оставшийся жить там, рассказывает:

“По долгу службы мне приходилось бывать в Иссык-Кульской области и встречаться с местными калмыками. Значительная часть их живет в родовых селах Чельпек и Бюро-Баш, основанных в 1885 году. По преданиям, их праотцы элюты (или олеты) в период Джунгарского (Ойратского) ханства кочевали неподалеку от озера Иссык-Куль, жили в войлочных юртах и занимались скотоводством.

В Чельпеке, который кыргызы называют “Калмыкстаном”, в тридцатые годы проживало более двух тысяч человек, а в Бюро-Баше около тысячи.

Историки в те годы писали, что “калмыки — здоровый, трудолюбивый, жизнеспособный народ. Старики у них крепкие, как дубы”.

Сейчас на калмыцком языке говорят лишь пожилые. Многие местные калмыки породнились с киргизами...

Доктор сельхознаук, профессор Морхаджи Нармаев, работавший во Фрунзе (Бишкеке) с 1945 по 1957 год, хорошо знал некоторых иссык-кульских калмыков: министра торговли Киргизской ССР Чимербая Чикеева, окончившего в тридцатые годы Калмпедтехникум в Астрахани, заместителя председателя Совета Министров Турдуходжу Исжакова и других.

— Это образованные, культурные, порядочные люди, — рассказывал Морхаджи Бамбаевич. — Старались хоть чем-то помочь своим братьям, попавшим под выселение.

Так, к Чимербаю Чикееву записался на прием Александр Магликов, снятый с работы в общепите из-за спецпоселенческого положения. Министр внимательно слушал посетителя и, видимо, в какой-то мере удивлялся чистому, безакцентному русскому произношению юноши.

— Кто вы по национальности? — спросил он.

— Калмык.

Министр, вздрогнув, откинулся к спинке стула...

Александр Невгирович остался на прежнем месте работы, вернулся на родину с многими благодарностями и грамотами...

Морхаджи Нармаев говорил, что иссык-кульские калмыки по-братски встретили после окончания войны демобилизованных офицеров-фронтовиков калмыцкой национальности, прибывавших в Киргизию: Лиджи Дорджиева, Нию Эрдниева, Замбо Хомутникова, Монгола Харцхаева, Тавра Быстрикова, Дорджи Алексеева, Саранга Баркаева, Алексея Бадмаева, Санджи Булиева, Эрдни Этеева, Лиджи Сельвина, а также направленного для продолжения службы в системе военкоматов Мутула Барванчикова и других...

— В сорок третьем, за Днепром, — вспоминал далее Нармаев, — я встретил майора Султанова, оказавшегося киргизским калмыком. Мы долго беседовали на родном языке, даже спели старинную калмыцкую народную песню. А в сорок шестом, во Фрунзе, в фойе кинотеатра, мы неожиданно столкнулись с ним, как говорится, лицом к лицу. Естественно, очень обрадовались, обнялись и направились к выходу, а не в кинозал. Султанов настоял на том, чтобы мы немедленно пошли к нему домой на чашку чая.

— Вышолняй, Морхаджи, мой приказ, — шутливым тоном сказал он. — Я теперь "очень большой человек" — зав. военным отделом ЦК Компартии Киргизии...

Многие иссык-кульские калмыки, — рассказывал Морхаджи Бамбаевич, — были грамотны, развиты, неплохо владели русским языком. Это объяснялось тем, что они жили неподалеку от города Каракола (Пржевальска), где имелись хорошие школы и первый в Киргизии сельскохозяйственный техникум. При этом больше половины населения Каракола (кстати, это название калмыцкое — Хар гол) составляли в тридцатые годы русские.

"Их молодежь учится хорошо, — писал в 1935 году ученый-востоковед А. В. Бурдуков. — В культурно-общественном строительстве каракольские калмыки производят благоприятное впечатление. В Чельпеке — наилучшая школа. После ее окончания молодые люди продолжают учение в соседнем Караколе или же во Фрунзе, Ташкенте.

Благодаря поддержке со стороны обкома партии Калмыцкой автономной республики каракольские калмыки учатся также в Астрахани, Москве и Ленинграде...

Иссык-кульские калмыки выдвинули из своей среды ряд руководителей разного ранга, ученых, деятелей культуры и т. п. Это киноактриса Роза Тавалдыева, снявшаяся в фильмах "Верблюжий глаз" (по рассказу Чингиза Айтматова), "Джура" и т. д., балерина, заслуженная артистка, лауреат молодежной премии Кыргызстана Елена Тюлякулова и др.

А вот что пишет об одном из известных каракольских калмыков наш молодой земляк Батыр Бормагнанов, который живет и трудится в настоящее время в Бишкеке: "Болот Искаков, первый кыргызский дипломат из местных калмыков, сын бывшего министра сельского хозяйства и заместителя председателя Совмина бывшей Киргизской ССР Турдуходжи Искакова, родился в 1931 году в городе Пржевальске (ныне Каракол), административном центре Иссык-Кульской области.

В 1951 году окончил среднюю школу, в 1958 — университет, в 1964 — Высшую дипломатическую школу МИД СССР, куда был направлен после трех лет работы в ЦК ЛКСМ республики.

Третий секретарь посольства СССР в Тунисской Республике, сотрудник Консульского управления МИД СССР, второй секретарь, затем первый в Посольстве Советского Союза в Гвинейской Республике, консул Генконсульства СССР в городе Оран, советник посольства Советского Союза в Алжирской Народно-Демократической Республике, советник управления кадров МИД СССР, эксперт ГУКУЗ МИД, Генеральный консул СССР в Ороне — вехи многолетней плодотворной дипломатической деятельности Болота Турдуходжасвича.

В активе этого симпатичного на внешность, способного и образованного человека, много полезных и важных мероприятий, проведенных в интересах советского государства: налаживание культурных связей с Тунисом, проведение в этой стране кинофестивалей с участием популярных артистов нашей страны и гастролей ансамблей "Березка", "Бахор" (Узбекистан) и др.; участие в эвакуации наших специалистов на территорию посольства из зон непосредственных боевых действий в период агрессии Португалии в Гвинею, а также в мероприятиях по обеспечению безопасности наших торговых и рыболовецких судов; подготовка, организация и открытие Генерального консульства СССР в г. Ороне (в него вошло 12 вилай (областей), что способствовало созданию новых отношений в политическом, экономическом и культурном аспектах на Западе Алжира.

Б. Т. Искаков принимал непосредственное участие в эвакуации сотрудников нашего посольства и специалистов после государственного переворота в Народно-Демократической Республике Йемен и известных событий в Ливане.

Будучи советником в Управлении кадров МИД СССР, непосредственно курировал дипломатические кадры в ЙАР, НДРЙ, Джибути, Танзании, Кении, Лесото и др. При Э. А. Шеварднадзе принимал активное участие в подготовке материалов по структурным изменениям в МИД.

С наилучшей стороны он показал себя как Генеральный консул СССР в г. Ороне. Даже это простое перечисление основных моментов дипломатической деятельности Болота Искакова, одного из представителей наших единокровных братьев — кыргызских калмыков, Чрезвычайного и Полномочного Посланника второго ранга, свидетельствует о его незаурядности.

К сказанному хочу добавить, что брат его, Салават, занимал руководящие должности в Кыргызстане, был председателем исполкома Фрунзенского (ныне Бишкек) горсовета, руководителем Внешнеторгового ведомства и т. д.

В Кыргызстане немало преуспевающих, влиятельных в мире бизнеса местных калмыков, в том числе, молодых. Среди них Дженисбек Мочаев, бывший министр внешнеэкономических связей и советник Президента О. Окаева, один из самых богатых предпринимателей; президент А. О. "Чельпек" Тенгизбай Джулкиев, О. Окаева; бывший помощник и советник Президента Асылбек Аюпов, ныне генеральный директор процветающей акционерной производственно-финансовой корпорации "Ала-Арча", очень влиятельный человек и другие.

Это люди, за которыми будущее страны.

*Батыр Бормагнанов,
гор. Бишкек,
май 1996 г.*

ОЙРАТЫ СИНЬЦЗЯНА (КНР) И МОНГОЛИИ

РАССКАЗ КЕКИ ГОМБЫ



Небольшого роста, круглолицый, улыбающийся Кека Гомба (или Гомба — сын Кеки) сразу вызвал к себе расположение. Мы беседовали с ним на калмыцком, и я, внимательно слушая его, время от времени просил повторить то или иное непонятное мне слово. Кека Гомба, улыбнувшись в ответ, тут же произносил синоним и продолжал свой непринужденный рассказ о себе и синьцзянских калмыках.

Привожу рассказ Гомбы в переводе на русский язык:

Родина моя — Синьцзян — Уйгурский автономный район Китайской Народной Республики. В этом районе несколько автономных областей, и в двух из них — Баингольской и Борталынской — живут

торгуты (калмыки), чьи предки были уведены из пределов России Убуши-ханом в 1771 году.

В Баингольской области торгутов около ста тысяч, а в Борталынской — более пятидесяти тысяч человек. Эти данные приблизительные, к тому же 25-летней давности — я ведь покинул Синьцзян в 1969 году, оборвав связи с близкими.

В Борталынской автономной области вместе с торгутами живут чахары, относящиеся к одному из монгольских племен, но говорящие на торгутско-калмыцком диалекте — таким сильным оказалось влияние на них калмыков, прибывших с Волги (Ижиля) двести лет назад.

Таким образом, в двух областях проживают примерно около 150 тысяч калмыков. Но численность их больше: они живут не только в Байинголе и в Борталах, но и в других областях Синьцзян-Уйгурского автономного района. Кочевья элютов, хошутов и чоросов, язык которых абсолютно одинаков с языком российских калмыков, разбросаны по территории бывшей Джунгарии, занимающей северную половину Синьцзяня.

Часть элютов живет даже в Киргизии — их называют сарт-калмыками. Это элюты, принявшие мусульманскую веру и откочевавшие в 17 веке к горному озеру Иссык-Куль с верховьев реки Или. Кстати, название этой реки — наше, калмыцкое. Оно происходит от слова "иль", то есть открытый, видный отовсюду. Действительно, на ее берегах нет ни деревьев, ни зарослей кустарника. И река, впадающая в озеро Балхаш, открыта взору, она как на ладони.

Если синьцзянские калмыки — элиты занимают местность, откуда берет начало Или, то хошуты живут у реки Байн-Гол и озера Кокенур. А дербеты, пришедшие с торгутами из России в 1771 году, перемешались с ними, образовав роды ики-чоносов, бага-чоносов и т. д. В Кебдосском же аймаке Монголии живут дербеты, предки которых не уходили из России в начале 17 века.

Должен сказать, что торгутов и хошутов, элитов и дербетов Синьцзяня китайцы называют монголами или западными монголами, а уйгуры — калмаками.

Так вот, у "калмаков" (калмыков) единый язык, заметно отличающийся от халха-монгольского, своя письменность "тодо бичиг", созданная в 1648 году выдающимся просветителем (ойратом из хошутов) Зая-Пандитой и своя жемчужина устного народного творчества — эпос "Джангар". У них одинаковый уклад жизни, одни обычаи, общие песни и сказания. Калмыки Синьцзяна очень любят петь, среди них много хороших певцов и певиц, немало замечательных джангарчей. Молодежь и дети любят слушать длинными зимними вечерами предания, сказки и песни-главы "Джангара" в исполнении стариков.

Калмыки (буду так называть синьцзянских ойратов) разводят пять видов скота: лошадей, коров, верблюдов, овец и коз. Живут хотонами по 10—15 войлочных кибиток. Постоянно кочуют, чтобы сохранить пастбища. Перекочевки, в зависимости от времени года, бывают большими и малыми на расстоянии от 10 до 50 верст и больше.

Если раньше калмыки не "царапали" (не пахали) землю, считая это грехом, и приглашали для обработки участков уйгур-таранчей, то есть "тара тярд" людей (земледельцев), то теперь шихунские, джимбинские (это название местности) и другие торгуты-скотоводы стали такими же умелыми хлебопашцами и огородниками, как и таранчи (уйгуры).

Синьцзянские калмыки любят борьбу, стрельбу из лука и ружей, скачки. Они непревзойденные наездники, в искусстве верховой езды им нет равных в Китае. Детей сажают в седло еще в 4-х летнем возрасте. Аргмж (аркан), специально сплетенный для детей, в руки мальчику дают рано, как только он научится ходить, и тренируют на ягнятах.

Замечу, что в Борталах лошади монгольской породы, небольшие, но зато крепкие и выносливые, а в Байинголе они высокие, красивые — приведенные с Волги. На них лобо-дорого смотреть. Наверное, на таких скакунах волжские калмыки ходили в походы на недругов России.

Да, синьцзянские калмыки держат в памяти некоторые песни и сказания, рожденные на Волге и в прикаспийских степях. Знают имена своих предков до пятого, шестого колена, вплоть до тех, кто жил в России. К сожалению, мне неизвестно имя моего далекого пращура, пришедшего с Убуши-ханом в Джунгарию. Но я запомнил передаваемую из поколения в поколение легенду о подвиге батыров у озера Балхаш, где калмыки были окружены врагом, когда они шли на восток.

О, как рвались изможденные калмыки к Джунгарии, обетованной по их понятиям стране, где возвышались белые гряды гор и журчали реки с изумительно чистой водой. Где, радуя глаз, цвели долины, благоухая пыльным разнотравьем. К Джунгарии, где жили ойраты, частью которых являлись калмыки. Те самые ойраты (джунгары), которые, создав могущественное государство, в течение полутора веков вели героическую борьбу с цинами и подверглись почти полному истреблению в 1758 году.

Дошли до границ Китая беглецы из России, да вот только третья часть, не больше.

Землю предков, великую Волгу (Ижилъ) синьцзянские калмыки помнят до сих пор. Не забывают прежнюю родину — Россию, откуда увел их праотцов Убуши-хан. Проявляют большой интерес к жизни оставшихся там собратьев.

Вот почему несказанно рад был я своей встрече с прародиной, с соплеменниками. Ведь я был первым калмыком, вернувшимся через 200 лет из Синьцзяна на Волгу, в Россию.

Да, жизнь моя сложилась непросто. Родился в 1934 году в семье скотовода. Был любознателен, страстно хотел учиться, овладел "тодо-бичигом", окончил семилетнюю школу в Кульдже. (Кульджа или Гульджа — от калмыцкого слова "голз", т. е. извилистый. Город расположен неподалеку от извилистого русла реки Или). Там же изучил китайский и уйгурский языки, затем окончил училище по литературе и языкам, работал в редакции газеты Синьцзянь-уйгурского автономного района, занимая ответственные должности. Но в период "культурной революции" вынужден был покинуть родину. С братом Джамсой жил в Талды-Курганской области Казахстана. Казахи относились прекрасно, создали хорошие бытовые условия. Но меня страстно тянуло в Калмыкию — это был поистине зов предков. Я добился разрешения на выезд сюда, в наш "нут".

Приехав, очень обрадовался — не передать словами. Ведь я был среди своих. Дома! Устроили меня на работу в совхозе "Ленинский". А брат — Джамса стал рабочим в карьере "Чолун-Хамур", женился. Жаль, он внезапно скончался, оставив двух детей.

Получив травму, тяжело заболел и я. И передо мной, инвалидом, встал вопрос: "Что делать дальше? Как быть?".

Устроился сторожем в пионерском лагере под Троицком. Жил там три года. Нашелся добрый человек, председатель Целинного райисполкома Квачев.

— Кека Гомба, — сказал он мне. — Я помогу тебе. Займи освободившуюся комнату в Троицком по ул. Республиканской, иди работать сторожем в детский сад...

Коллектив детского сада и соседи, калмыки и русские, приняли меня хорошо. Со временем улучшили жилищные условия, назначили пенсию, подлечили. Словом, отнеслись по-человечески. И Троицкое, где и живу много лет, стало мне, поистине, родным селом. Спасибо добрым людям, оказавшим внимание и помощь в трудное для меня время.

ТРИ НЕДЕЛИ У СИНЬЦЗЯНСКИХ СОБРАТЬЕВ



Преподаватель училища искусств Цевек Николаевич Цагадинов с исполнителем калмыцких народных песен Борисом Дорджиевичем Очкаевым побывал в гостях синьцзянских сородичей по приглашению сотрудников журнала "Ойратовидение", издающегося в городе Урумчи, административном центре Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР.

Вот его рассказ: "Нас встречали как родных, которых долго, долго не видели. Как братьев. Как замороженные слушали наши народные песни: "Цаган Сар", "Бембян-балдр", "Галзму" и другие. Восхищались. Аплодировали. Подпевали. Радовались. Проявили огромный интерес.

Знаете, такого прилива чувств, такого подъема мы давно не испытывали. Выступали каждый день. И каждый раз — на одном дыхании. Вы же знаете, как прекрасно поет Борис! Просто, естественно, с душой. По-народному... А какой у него калмыцкий язык?! Поэтический. Образный. С поговорками, шутками и прибаутками. Борис, к его чести, нисколько не уступал сородичам в острословии. Мы с ним, конечно, были рады этому. А они — еще больше.

* * *

По занимаемой площади Синьцзян-Уйгурский автономный район — самый крупный из 22-х провинций и 5-ти автономных национальных районов Китая. Как известно, раньше, до 1758 года, на значительной части его территории жили джунгары (ойраты), более ста лет боровшиеся с маньчжурской (цинской) династией, правившей Китаем. Борьба была неравной. Джунгарское ханство было завоевано китайцами (цинами), а джунгары (ойраты) истреблены в 1758 году.

Сейчас в Синьцзяне живут около 7 млн. уйгур, до миллиона казахов, а также дунгане (китайцы-мусульмане), киргизы, китайцы (их много) и др.

Наших сородичей там называют западными монголами или ойрат-монголами.

Ойрат-монголов в Синьцзяне около 13—15 тюменей (130—150 тыс. чел.) Они живут в Борталинском и Баингольском национальных штатах (областях в нашем понимании), а также за их пределами. При этом Баингольский штат, большей частью представляющий полупустыню и пустыню, занимает более трети всего Синьцзяна.

Борталинский и Байингольский ойрат-монгольские штаты, а также горная местность Ховг-Сяяр, где живут ойраты, далеко отстоят друг от друга на обширнейшей территории, протянувшейся почти на полторы тысячи километров. Наши предки, пришедшие в Джунгарию из России с Убаши-ханом, были разбросаны кочевьями по этой территории маньчжурским императором.

Думаю, что ностальгия по прежней родине на Волге объясняется неистребимым стремлением искусственно разъединенных ойратов (торгутов, дербе-тов, хошеутов) к единению, объединению.

У них удивительно развита историческая память. Знают предков до восьмого, девятого колена. Помнят предков-родственников, оставшихся в России. Надеются найти их потомков. Но, к сожалению, мы своих помним, в лучшем случае, лишь до четвертого колена.

Язык у них, я бы так сказал, истинно калмыцкий, настоящий. Мы с удовольствием слушали песни, в которых упоминались Волга (Ижль-гол) и красивую живую речь, пересышаемую йорялами, макталами, пословицами и поговорками.

Там сохраняется древний дух ойратов. Ценятся богатыри-борцы, лихие наездники-табунщики, искусно владеющие арканами (лассо), лучники и т. д. В ходу эффективные ойратские методы лечения. Встречается много довольно крепких парней.

Старики у них в большом почете. Уважение к старшим в крови. Народ очень музыкальный. Голоса чистые, сильные.

Питаются они хорошо. Любят мясо кусками, чигян, шююрмг, овощи (переняли у уйгур), хальмг ця, будан, борщики, тарус (арбузы) и т. д.

Малчир (животноводы) живут летом в кибитках высоких, белых, удобных. Держат верблюдов, крупный рогатый скот, овец, лошадей калмыцкой породы.

Власти разрешают ойратам иметь в семье трех детей, как малому народу. Но мы видели семьи и с пятью, шестью детьми. А вот китайцам можно иметь лишь одного ребенка.

Дети семь лет учатся на родном языке. В Урумчи, столице Синьцзяна, функционирует ойратский пединститут (ректор Ольга Дорджи). Выходят на зая-пандитской письменности "Синьцзян одрин зянг" ("Синьцзянские новости"). Работает отдел ойратского телевидения и радиовещания. Выпускается журнал "Утренняя заря". Издаются также газеты в Борталинском и Байингольском штатах.

Ойратская молодежь получает образование не только в Урумчи, но и в столице Внутренней Монголии Кеке-Хото и в Пекине.

В Урумчи живут около 4-х тысяч ойратов. В основном, это интеллигенция: преподаватели, журналисты, поэты, врачи, студенты и др. Нам довелось побывать в квартирах сородичей — у них красивая мягкая мебель, цветные телевизоры, магнитофоны.

Встречались мы с довольно интересными людьми: биотехнологом Бухан Цереном, окончившим аспирантуру в Англии; знаменитым джангарчи Перипин Перлэй (кстати, 550-летие "Джангара" в Китае было отмечено широко,

в том числе, и в Пекине), удостоенным Почетной медали министра культуры КНР; председателем комитета по джангароведению.

Амр Далои (он передал в дар нашему КГУ два красиво оформленных тома "Джангар"); солисткой военного ансамбля Макой; лауреатом всекитайского конкурса вокалистов Цеценом.

Беседы с ними произвели на нас приятное впечатление. А вот с певицей, красавицей Цаган, танцовщицей Буйн, музыкантом Эрдя, окончившим Шанхайскую консерваторию, встретиться, к сожалению, не успели.

Не могу не сказать лестные слова о руководителях-ойратах Баде и Тюрбаире, занимающих высокие выборные должности в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Оба они поэты. Замечательные люди — душевные, внимательные, простые.

Три недели пролетели, как миг. Нам не забыть счастливые дни, проведенные среди своих собратьев в Синьцзяне...

Надо сблизиться. Обмениваться делегациями: студентами, учеными, артистами, врачами, фермерами.

От этого будет польза. И большая.

Я — СИНЬЦЗЯНСКИЙ ДЖУНГАР...



Менкебайрин Менкеделгр — сотрудник журнала "Ойратоведение", издающегося на ойратском языке в столице Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР Урумчи.

— Называйте меня Менке, — сказал на калмыцком гость, стройный, чуть выше среднего роста, симпатичный парень. И, улыбнувшись, спросил:

— С чего начнем нашу беседу?

— С моей просьбы к вам рассказать немного о себе.

— Биография моя не богата событиями, — ответил Менкеделгр. — Родился в 1965 году в Ховгсяре, горной местности, граничащей с Казахстаном. Там проживают более 20 тысяч ойрагов, главным

образом, торгутов и хошутов. Есть в Ховгсяре и джунгары (зюнгары), но их мало. Не то, что в Дёрвльджине, находящемся неподалеку от Ховгсяра, где основную часть населения составляют джунгарские (зюнгарские) олёты.

Я — джунгар. К слову, язык джунгар, торгутов, дербетов, хошутов единый, ойратский (или калмыцкий, на котором мы с вами сегодня беседуем).

— Что вы окончили, Менке?

— Я окончил в Пекине институт, который называется народным. В этом учебном заведении учатся представители более 50 национальных меньшинств Китая: монголы, ойраты, тибетцы, уйгуры, казахи, киргизы, узбеки, таджики, маньчжуры, татары (мангд), корейцы, дунгане и другие.

В институте много факультетов: физико-математический, технический, естественный, спортивный, монгольский, тибетский, уйгурский, китайский, казахский и другие. Обучение — четырехгодичное.

Я окончил факультет монгольского языка и литературы.

— Значит, вы, кроме родного ойратского, в совершенстве владеете и монгольским языком?

— Я владею еще китайским, японским, уйгурским, казахским и киргизским языками.

Синьцзян-Уйгурский автономный район — многонациональный регион.

— А какова численность населения Синьцзяна?

— В этом автономном районе проживает около 20 миллионов человек. Из них примерно 8 млн. уйгур, 8 млн. китайцев, около полутора миллионов казахов и т. д. Ойратов всего 150 тысяч. А в период расцвета Джунгарского ханства, занимавшего в XV—XVIII веках значительную часть территории нынешнего Синьцзяна, ойратов (джунгар) было от 600 тысяч до миллиона человек. Сильное государство, ослабленное борьбой за ханскую власть, честолюбием и эгоизмом феодалов, междоусобицами, было уничтожено вместе с его населением в середине 18 века цинами.

— Менке, вы сказали, в Синьцзяне ойратов сейчас около 150 тысяч. Их, наверное, было бы значительно больше, если не эпидемия сороковых годов. Скажите, от той страшной эпидемии пострадали и другие народы?

— Нет, казахов и киргизов, живших неподалеку от ойратов, она не коснулась. А ойраты гибли от какой-то странной болезни: желтели, пухли... Эпидемия началась в сорок третьем, прекратилась в сорок четвертом. Из трех выжил лишь один. А вам откуда известно об этой беде?

— Земля, как говорится, слухом полнится. Мне рассказывал в сорок восьмом офицер-калмык, побывавший с несколькими казахами в Синьцзяне в сорок четвертом, уже после эпидемии. Он выполнял какое-то спецзадание, связанное с кавалерийскими подразделениями.

— Знаете, в то время Сталин помогал Мао Дзедуну в его борьбе с Чан-Кайши. Как раз в сорок четвертом началось формирование уйгурских и казахских частей, а также ойратского полка.

Так вот, ойратский полк блестяще проявил себя в боевых действиях. Он был передовым, ударным. Уйгурские части шли вслед за ним.

Бывший командир того полка Эрдя живет ныне в Алма-Ате. Жена у него русская, синьцзянская, хорошо знает ойратский (калмыцкий). Он вынужден был покинуть Синьцзян в 1960 году, так как его обвинили в ойратизме, сепаратизме.

Кстати, в свои юные годы, в середине тридцатых, Эрдя учился в Ташкенте по линии Коминтерна у волжских калмыков Номинхапова и Сусеева...

— Менке, раз пошел у нас с вами такой разговор, назову фамилию офицера, нелегально побывавшего у синьцзянских ойратов и казахов. Это

капитан-кавалерист Салдус Цеденов. Когда он с офицерами-казахами (все они были в итатском) выбрал в табуне лошадь, "размялся" в скачке и соскочил с седла, один из стариков-ойратов подошел к нему и сказал: "Ты не казах. И не киргиз. Ты — волжский калмык. Посадка тебя выдает...".

В Синьцзяне побывал, если не ошибаюсь, и другой наш капитан — Эльдя Кектеев. Какова была цель их пребывания там? Кому конкретно они помогали?.. Их нет в живых. И никто на эти вопросы уже не ответит. Да и стоит ли искать сейчас ответ?

— Вы правы. А вот происхождением внезапной эпидемии в сорок третьем, наверное, следовало бы заинтересоваться. Предположения разные.

— Ойратов (калмыков), начиная с 18 века преследует какой-то, можно сказать, злой рок. Так, в 1758 году цинами были уничтожены ойраты Джунгарского ханства. В 1771 году уход калмыков с Волги обернулся гибелью их большей части в пути. Выселение в Сибирь в 1943 году унесло жизнь почти половины народа. А эпидемия того же года нанесла страшный урон синьцзянским ойратам.

— Вот почему нас так мало на земле. Вдобавок мы разбросаны по разным странам.

Нам нужно духовное единение. Это естественное стремление всех народов. В перспективе — объединение желающих жить вместе.

Сохранение небольшого по численности ойратского этноса — вопрос серьезный, актуальный. У нашего этноса богатая, можно сказать, уникальная история, своеобразные традиции, великий эпос "Джангар" и т. д.

Мы должны думать о своем будущем, о том, чтобы сохранить себя, живя в мире и согласии с другими народами.

— *Согласен с Вами, Менкеделгр.*

УЧЕНЫЙ ПОЛКОВНИК АВИАЦИИ МАНЬ ЛИН (СУБСА) — ПОТОМОК ЗНАМЕНИТОГО АЮКИ-ХАНА



В Пекине живет прямой потомок калмыцкого хана Аюки Мань Лин (Субса) — ученый, общественный деятель из нацменьшинств, полковник авиации НОАК (Народно-освободительной Армии Китая).

Синьцзянский профессор Шильгин Норбо, работающий ныне по контракту в Калмыцком институте общественных наук, так характеризует ее: "Человек очень доброй души. Цаган седклта. Приветливая, гостеприимная. Близко к сердцу принимает судьбу своего народа. На внешность — симпатичная, большеглазая. В прошлые века калмыцкие ханы женились на кабардинских княжнах. И кавказская кровь дает о себе знать даже в ее поколении".

А генеалогия этой почетной женщины такова: Аюка-хан, Чак-Дорджал, Дондук Даш, Овш хан, Церн Намжл, Намжл Дордж, Цеди Дордж, Маха Баатр, Буйн Цогту, Буйн Менке, Маншг Джаб и она, Мань Лин (Субса).

А вот что рассказала о себе и своей семье сама Мань Лин в письме автору этих строк (приведу его содержание в сокращении):

''Несмотря на то, что мы живем в разных государствах, мы с Вами люди одной национальности, одного и того же корня, от одних и тех же предков. Поэтому к Республике Калмыкия я имею глубокое чувство. Я давно хотела посетить Вашу прекрасную страну. Наверное, это желание может осуществиться во второй половине 1996 года...

Мой отец Маншг Джаб умер от голода в период ''культурной революции''. Сидел он восемь лет в тюрьме и при гоминдановцах. Моя мать У Цзинбань (Гусинай), дочь знаменитого ойратского принца Гунсана Норбы, взяла на себя все заботы о семье и племени. После освобождения Китая от гоминдановцев была назначена советником народно-политического консультативного Совета Синьцзян-Уйгурского автономного района.

Ей тоже не удалось избежать нравственных потрясений и унижений, она скончалась в 1975 году.

В период пребывания отца в тюрьме ханский престол унаследовал мой старший брат Гунбэн, хотя был еще мальчишкой. После освобождения Китая он окончил Центральный музыкальный институт и в 1956 году вернулся в Баин Гол.

Во времена ''культурной революции'' его с четырьмя детьми отправили в деревню для ''трудовой закалки'', жену оставили в городе. Конечно, он сильно страдал душой, болел. Скончался в 1993 году.

Сама я родилась в 1938 году в Урумчи (Синьцзян). До 8 лет не знала китайского языка. В 1950 году выдержала экзамен в китайскую среднюю школу при Центральном национальном институте и успешно окончила ее. В 1956-ом прошла по конкурсу на гео-физико-разведочный факультет Пекинского геологического института. В 1961 году по своей инициативе вернулась в Синьцзян и стала работать преподавателем в политехническом институте.

Вскоре началась ''культурная революция'', и мне пришлось проходить ''перевоспитание'' в деревне. Работала на угольных копях, рабочей на станках, бывала в геологических экспедициях.

Короче говоря, в течение десятилетней беспорядочной ситуации находилась в среде рабоче-крестьянских масс, приобрела много житейских знаний и навыков.

В 1978 году на всекитайском научно-техническом совещании моя научно-исследовательская работа ''Электромагнитный горнодобывающий прибор'' получила престижную премию. И меня заметили. Я была призвана в армию.

Служила инженером в одной из золотодобывающих частей инженерно-строительных войск, а в 1987 году была переведена в военно-воздушную командную академию преподавателем.

В 1988 году мне присвоили воинское звание "полковник авиации". На кафедре штабной работы занимала должность научного руководителя аспирантуры по тематике "теория и техника разработки основополагающих установок Военно-Воздушных Сил". Издала труды "Серая военная теория", "Военная комбинация" и другие, выполнила научно-исследовательские работы по нескольким проблемам.

И сейчас являюсь членом постоянного Совета всекитайского научного общества по системе "серой теории". Приглашалась в Японию и США на научные конференции, но, к сожалению, высшее командование разрешения на выезды не дало.

По состоянию здоровья я недавно ушла в отставку. Занимаюсь сейчас дома чтением и "сочинительством".

Моего мужа зовут Аму Гуран. Он монгол из Северо-Восточного Китая. Окончил медицинский университет НОАК, связал свою жизнь с армией. Является старшим хирургом и заведующим остеологическим отделением главного госпиталя Военно-Воздушных Сил.

У нас трое дочерей. Старшая, Альман (ей теперь 30 лет), вышла замуж за француза и "хозяйствует" с ним на шоколадной фабрике в Новой Зеландии. Они имеют шесть союзных магазинов в этой стране.

В 1995 году их фабрика выдвинулась в ряд отличных предприятий.

Вторая дочь, Алатан (Алти) — терапевт, аспирантка по биохимии Ново-Зеландского университета.

Третья дочь, Анал, учится в университете Линкольна на факультете интуризма и отельного (гостиничного) хозяйствования.

Все три дочери приняли ново-зеландское гражданство...

Мань Лин'.

* * *

Нам небезразлична судьба потомка Аюки-хана, сподвижника великого реформатора России Петра Первого. Как говорится, не хлебом единым жив человек. Невозможно не согласиться с этой неординарной женщиной — ученой, полковником авиации НОАК в том, что мы — "люди одной национальности, одного корня...". Тяга друг к другу (российских, синьцзянских и других калмыков (ойратов), естественна. Она идет от общих предков.

Да, нам, россиянам, сейчас очень трудно. Но не взирая на это, мы,

наверняка, будем рады встрече с Мань Лин (Субсой), если она приедет к нам из далекого Китая.

...КАК МИМОЛЕТНОЕ ВИДЕНИЕ...



Эти слова великого Пушкина, как нельзя лучше, подходят к принцессе Нирджидме, знатной ойратской (калмыцкой) красавице, дочери знаменитого торгутского нойона Палты, получившей прекрасное образование во Франции и блиставшей в 30-е годы в светских салонах Парижа, интеллектуальной столицы мира того времени.

Естественно, появление в Западной Европе, в частности, во Франции, обаятельной, умной и титулованной калмычки из Синьцзяна, вызвало фурор в среде калмыцкой эмиграции, покинувшей Россию в период гражданской войны.

В 20—30-е годы в Праге, Белграде и Париже, как свидетельствует

ученый-философ Андрей Тюрбеевич Горяев, интересовавшийся во время своей учебы в аспирантуре в Москве судьбами эмигрантов, жила и творила практически вся дореволюционная калмыцкая интеллектуальная элита (ученый Б. Уланов, доктор Э. Хара-Даван, офицер А. Алексеев, писатель С. Бальков и др.).

Благодаря их усилиям в 1930 году в Париже вышел первый номер эмигрантского журнала "Ковыльные волны", в первом номере которого была описана удивительная, памятная встреча соотечественников с принцессой из китайской провинции Синьцзян Нирджидмой. Возвышенная духовность и безграничная душевная радость буквально пронизывали все ее встречи со своими, как она подчеркивала, единокровными братьями и сестрами. Об этом свидетельствуют письма и послания различных групп эмиграции, песни и стихи, сложенные в ее честь. Ими была завалена редколлегия журнала. Почти в каждом номере, как утверждает А. Т. Горяев, появлялись различные сообщения о ней — прекрасной молодой высокообразованной княжне, представительнице старинного рода калмыцких тайшей.

Последнее упоминание о ней в журнале "Ковыльные волны" относится к 1936 году. В публикации сообщалось, что на богослужении, которое совершил бакша Нимбушов, присутствовал юный князь Н. Д. Тундутов, его мать, княгиня К. Н. Тундутова (кстати, дочь адмирала, директора российского морского корпуса—Н. И.), принцесса Нирджидма и другие.

Как сложилась ее дальнейшая судьба? Вот что ответил из Парижа князь Николай Данзанович Тундутов.

“...Вы интересуетесь принцессой Нирджидмой? С упоминанием этого имени на меня нахлынули воспоминания давно минувших дней. В жизни бывают встречи, которые оставляют неизгладимый след в вашем подсознании. Такова была моя встреча, вернее, встречи с принцессой Нирджидмой. Своим острым умом, своей широкой культурой, своими обворожительными манерами и, наконец, своей удивительной теплотой принцесса легко покоряла сердца людей. Как и многие другие, я был очарован этой удивительной женщиной. К сожалению, из-за зигзагов эмигрантской жизни, я потерял связь с ней, и мне неизвестна ее дальнейшая судьба”.

— Нирджидма вернулась в родной улус из Парижа в 1937 году, — сказал автору этих строк журналист из Синьцзяна Улан-Баатр, работающий в Элисте по контракту. — После гибели мужа вышла в Пекине вторично замуж за французского консула, в 1950 году уехала с ним во Францию.

Рассказ Улан-Баатра дополнило письмо американского профессора калмыцкого происхождения Араша Борманжинова: “Сообщаю вам, что принцесса Нирджидма скончалась в Париже в 1983 году в 76-летнем возрасте... О ее отце-принце Палте я опубликовал статью в 1985 году.

Принцесса Нирджидма приехала в США за несколько лет до своей кончины и гостила у калмыков в Филадельфии... Говорили, что в 30-е годы все образованные калмыки Европы были влюблены в нее) ученые Бадма Уланов и Эрдне Николаев, полковник Абуша Алексеев и другие...).

— Нирджидма была дочерью нойона Палты, потомка влиятельного торгутского князя Бамбура, — сказал в беседе со мной историк из Синьцзяна, профессор Норбо. — Палта получил фундаментальное гуманитарное образование в Пекине и военное — в Токио.

Решив дать своим детям не только восточную, но и европейскую грамоту, он отправил дочь Нирджидму в Париж изучать языки и искусство, дочь Серцо — медицину (к сожалению, она ушла из жизни молодой), сыновей Минджура Цевн Дорджи и Цеден Дорджи соответственно в Россию и Германию.

Минджур Цевн Дорджи, ставший в С.-Петербурге отчасти русофилом и славянофилом, в 1949 году с двумя женами, калмычкой и русской, ушел в Тибет, оттуда бежал в Индию, затем переехал в США и перебрался на Тайвань, где был ряд сроков членом парламента. Его дочь Деви Нимбо от первой жены-калмычки живет с двумя детьми в США.

По словам профессора Норбо, в Париже здравствуют два офранцузившихся сына принцессы Нирджидмы от первого брака: Карл де Торгут и Бони де Торгут. (У французов апостроф “де” означает аристократическое происхождение владельца фамилии).

“...Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.” —

любили повторять образованные представители калмыцкой эмиграции, вспоминая принцессу Нирджидму. Этими бессмертными строками гениального поэта закончим и мы наш рассказ о ней.

* * *

Отцом Нирджидмы был торгутский принц Палта (1882—1920), прямой потомок ушедшего с Волги в Джунгарию в 1771 году известного князя Бамбура. Палта в последние годы правления Чина стал при дворе империи Маньчжу одним из самых влиятельных монгольских вельмож. И позже он не сошел с авансцены китайской политической жизни, даже заслужил доверие и право быть Главным управляющим (губернатором) Алтайского края (Синьцзяна).

Через полтора года после вступления в эту должность, т. е. в декабре 1913 года, он заключил договор с русским консулом Кузьминским о прекращении военных действий между Китаем и Монголией, чем вызвал подозрение в Пекине в прорусской ориентации Главного управляющего.

Покинув вскоре этот пост, он безотлучно находился в столице, а в 1917 году удостоился назначения сенатором Китайской Республики. Им он оставался до самой кончины, последовавшей в 1920 году в Японии, где раньше, с 1906 года по 1908 включительно, проходил обучение в Токийской военной академии.

Будучи образованнейшим человеком своего времени, удивлявшим пекинских ученых прекрасным знанием китайской филологии и литературы, а также японского и английского языков, принц Палта постарался дать детям знания за границей. А детей у него было четверо: от первой жены, торгутки Орлемы — сын Минджур-Дорджи и дочь Нирджидма, от второй, хошутки — дочь Серцо и сын Церен-Дорджи.

В 1915 году он обратился с просьбой к Николаю II разрешить сыну Минджур-Дорджи поступить в Санкт-Петербургскую высшую военную школу для дворян. Русский царь милостиво удовлетворил просьбу сенатора, и юный принц Минджур-Дорджи был зачислен в указанную выше школу. Через три года, в 1918-ом, он вернулся домой.

Дочь Нирджидму Палта отправил в Париж, Серцо — в Пекин, а сына Церен-Дорджи — в Берлин.

Старший Минджур-Дорджи, унаследовавший в 1920 году все высокие титулы отца, после поражения Чан Кайши уехал с семьей в Индию, откуда перебрался на Тайвань, где неоднократно избирался в парламент. Он скончался в 1975 году.

Сестра Нирджидмы Серцо, поражавшая преподавателей своими способностями и на удивление быстро овладевшая английским, французским и японским языками, внезапно умерла в семнадцатилетнем возрасте в 1930 году. Младший, Церен-Дорджи, возвратившись в Китай из Германии, преподавал немецкий язык в католическом университете в Пекине. Сейчас он на пенсии, живет в столице КНР.

Ныне в США, в штате Индиана, живет дочь принца Минджур-Дорджи Деву Нимбо. Она была замужем за американцем калмыцкого происхождения, имеет двоих детей. А сын Минджур-Дорджи, то есть племянник известной нам принцессы Нирджидмы, живет в Тайбее, главном городе Тайваня. Примечательно, что он является выдающимся тайваньским писателем, пишущим на китайском языке. (Его китайское имя Мин Хук Хюэй).

Эти сведения сообщил в своем докладе на научном симпозиуме в Тайбее историк Баатр С. Х. Хай. Некоторые моменты прояснил профессор Шильдин Норбо.

А наиболее полными данными о принце Палте и его родных и близких располагает американский профессор Араш Борманжинов.

''ТЮЛЬПАН'' В БОРТАЛЕ

Джунгария — далекая прародина калмыков, откуда они ушли в пределы России в начале 17-го столетия, благодатный уголок земли с ''возвышающимся пятидесятиглавым сокровенным Хангаем, поднявшимися вверх нагромождениями Алтайских гор, текущими, крутясь, большими и малыми реками''.

В этой воспетой народными сказителями ''всерадостной, прекрасной стране'' жили ойраты. Те самые, которые, создав в конце 15-го—начале 16-го века сильное государство — Джунгарское ханство, более полутора столетий вели героическую борьбу за свою независимость с цинским Китаем. Те самые, чья великолепная, стремительная, ''обгонявшая пыль из-под копыт своих лошадей'' конница не раз приводила в трепет маньчжуро-китайских военачальников, разбивая их многочисленные войска, а в Туркестане доходила до Ташкента, выигрывая у мусульман сражение за сражением (из шестидесяти проиграла только два).

Это они, ойраты, на земле ''прекрасной Джунгарии'' родили на свет ''Джангар'' — ''крупнейшее литературное событие в истории, значение которого первым оценил (по утверждению профессора Н. Поппе) Зая-Пандита...'', выдающийся ученый-просветитель 17 века.

Но если герои великого эпоса посвящали себя защите родины от внешнего врага, то в реальной жизни кровь многих ойратских багатуров (батыров) нередко лилась и во внутренних схватках за власть нойонов, пренебрегавших судьбами народа. И трагическим исходом их междоусобных распрей, ослабивших Джунгарское государство, явилось уничтожение его цинским Китаем в 1758 году при нойоне Амурсане. В результате ''всерадостная прекрасная страна'', занимавшая всю северную половину современного Синьцзяна, превратилась в мертвую зону.

И в эту зону, на эти просторы, ''освободившиеся'' после истребления цинами ойратов, частью которых исторически являемся мы, российские калмыки, увел с Волги в 1771 году большую часть своих подданных хан Убаши. (Неимоверные трудности, выпавшие на долю уведенных калмыков, хорошо

описаны английским историком и писателем В. Риверой в романе "Торгуты").

Ныне территория бывшей Джунгарии заселена китайцами, уйгурами (они составляют подавляющее большинство), казахами (более миллиона) и ойратами (всего 150 тысяч, их в Китае называют западными монголами). Но несмотря на малочисленность, синьцзянские ойрат-монголы сохранили свою самобытность и только им присущий уклад жизни, язык, культуру. И пронесли через века интерес, любовь и тягу к собратям, живущим на Ижль-голе (Волге), в России.

* * *

Тяга друг к другу людей одного корня, единого некогда ойратского четырехсоюзя, оказавшихся по воле судьбы в разных частях света — Европе и Азии, вполне естественна. Но раньше их стремление к взаимному общению сдерживалось различными ограничениями.

Ныне многие из препятствий сняты и поездки сонародников в Синьцзян и Калмыкию стали почти регулярными, если не сказать, обычными. Но вот одна из них вышла за рамки обычной. Это гастроль Калмыцкого государственного ансамбля "Тюльпан" в Борталинской автономной области Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая.

— Как нас встретили! — воскликнул заместитель директора ансамбля Николай Кектышев. — Когда соплеменники плакали... Когда говорили, что мы братья и сестры. Что для нас третий, то есть переводчик, не нужен. Что мы, наконец, встретились после двухсотлетней разлуки и т. д., я забыл трудности, только что перенесенные в пути из Элисты в Борталу.

То же самое скажут вам Валерий Сангаджиев и Галина Корнусова, Виктор Биткеев и Александр Бадма-Гаряев, Адьян Манджиев и другие артисты ансамбля.

Как они, оказывается, ждали нас, артистов из Калмыкии! На одном из концертов подошел к нам старик. Сказал, что два раза преодолевал на лошади горный хребет, чтобы увидеть нас, встретиться.

И. Яшкулов: Выступления наши, рассчитанные на два часа, шли дольше. А после их окончания люди не расходились. Окружали нас, беседовали. Родовались. Жали руки, целовали.

Н. Кектышев: Танцы вызвали у них восторг. "Товшур", "Чичердык", "Богатыри", "1812 год" и другие не оставляли равнодушными даже китайцев и уйгуров.

И. Яшкулов: Хорошо воспринимались и наши песни в исполнении В. Гаряевой, А. Мукаевой, Б. Очкаева.

Н. Кектышев: У них самих редкие, поразительно сильные голоса. Если бы такими голосами исполнить наши современные песни!

И. Яшкулов: Приятно, когда так тепло встречают, угощают, приглашают домой. Когда слова идут от сердца. Когда тебе улыбаются, искренне радуются. Прикладывают ладони к груди. Когда на концертах — аншлаг!

Н. Кектышев: Словом, наша поездка к своим синьцзянским братьям должна была состояться. Обязательно! И она состоялась. Мы очень рады этому.

* * *

Через несколько месяцев после поездки "Тюльпана" в Синьцзян, в июле 1995 года, у нас в Калмыкии побывали артисты ойратского ансамбля из Борталы Синьцзян-Уйгурского автономного района.

— Дигид сян (очень хорошо!). Ик байр (Большая радость!)... — восклицали они.

А гостеприимные хозяева восхищались:

— Какие голоса! А до чего хороши девушки: молодые, стройные, красивые...

В ансамбле 28 певцов, танцоров и музыкантов.

— Мы гастролируем по городам Синьцзяна и всего Китая, — рассказывали директор Шора и хореограф Шонта. — Наши юноши и девушки владеют не только родным калмыцким, но и китайским, монгольским, уйгурским, казахским языками. И для них песенное и танцевальное искусство других народов не безразлично, а хорошо известно, близко.

— А почему вапа знаменитая Дяри не исполняет здесь китайские, казахские песни?

— Она приехала к своим братьям. И потому поет на калмыцком.

— Извините, Дяри в девяносто третьем заняла 2-ое место в Синьцзяне или во всем Китае?

— Она вошла в число нескольких лучших певцов всего более чем миллиардного Китая, — ответил Шора, директор ансамбля.

Дяри — певица великолепная, с выдающимися вокальными данными. Она может свободно, непринужденно, без усилия переходить с низшего реестра на высший, и наоборот.

— Да, многим надо душу лечить, — говорит она, — а не тело. И лечить, в том числе, искусством. Песней, музыкой, красотой.

Если в пение не вкладывать душу, влиять на людей невозможно. Поэтому любить надо не только песни, которые ты поешь, но и людей, которые тебя слушают.

— Говорят были певцы, которые останавливали кровопролитие, — улыбаясь рассказывала Дяри, — помогли воплотить мир, излечивали больных.

— Песня — для души человека, — продолжала она. — И петь ее надо душой, сердцем. А что такое душа? Это "Я" человека. Она внутри тебя. Она неизменна...

Трудно не согласиться с Дяри, замечательной артисткой из синьцзянских ойратов.

В ГОСТЯХ У СИНЬЦЗЯНСКИХ ПОТОМКОВ МАЗН БААТРА

(Рассказ Т. С. Тягиновой)



Повинуясь настойчивому желанию отца, замечательного сказителя и джангарчи Сакилова Тягина, я выучила наизусть и запомнила на всю жизнь свою родословную, уходящую к поколению известного всему нашему народу Мазн Баатра.

В 1989 году в Китае побывали Давид Кугультинов, Василий Церенов и Анатолий Кичиков. Последний передал синьцзянским братьям кассету с записями моих песен и воспоминаний, в том числе и об отце.

По словам Анатолия Шалхаковича, в Синьцзяне к кассете проявили большой интерес, нашли в Баин-голе ушедших в 1771 году потомков представителей рода Мазн Баатра. Они написали мне письмо, я ответила. И завязалась переписка.

В 1994 году в Элисту приехал Нара, один из потомков рода легендарного Мазана. Он убедил меня побывать в Баин-Голе, где живут наследники славы калмыцкого героя. И я, несмотря на неважное состояние здоровья, решилась на дальнюю поездку.

Забегая вперед скажу, что пробыла в Синьцзяне два с половиной месяца. Мои же баингольские родичи уговаривали погостить у них полгода. Их оказалось много — более 80 человек. Приглашениям не было конца. Мои родственники искренне радовались тому, что я приехала к ним в такую даль с Ижль-гола, Волги, которую считают родной рекой, что мы говорим на одном языке, причем не уступаем друг другу в умении вовремя и к месту привести улгур-пословицу, произнести йорел-благопожелание или спеть песню.

Петь они любят все — и старые и молодые. Голоса у них хорошие, чистые.

Я постаралась не ударить, как говорится, в грязь лицом, благо пою в элистинском "Эрдеме". Наши песни им понравились. А та, которую я сочинила там сама в их честь на мотив "Актюбин гола", привела в восторг.

Меня приятно поразила любовь синьцзянских калмыков к русским мелодиям. Видимо, тоска по Волге, по России, откуда увел их предков Овш-хан двести с лишним лет назад, передавалась из поколения в поколение. За застольем звучали "Катюша", "Ой, цветет калина" и другие на китайском

языке. Кстати, они владеют, кроме китайского, уйгурским и казахским, а некоторые молодые люди еще английским и японским языками...

Они любят не только свои танцы, но и вальс, фокстрот и т. д. Молодежь с удовольствием слушает музыку Баха, Бетховена, Чайковского и других классиков.

Хочу особо отметить, что пьют наши сородичи мало, особенно, молодые. Вот взгляните на рюмки, которые мне подарили. Это же наперстки по сравнению с нашими.

Чем они меня угощали? Прежде всего, разнообразной зеленью, которой много даже зимой. Нежирным мясом, негустым шеллоном, приправленный редькой и морковью. Жирную пищу они считают отравой, а питанных людей — чуть ли не больными. За два с половиной месяца пребывания в Баингольской области я сбросила 8 килограммов веса, что значительно улучшило мое самочувствие.

Как они живут? Неплохо. Их юань равен нашим 540 рублям, а в долларах США — восьми. Так вот один из родственников Намжл, рабочий бумажной фабрики, получает 400 с лишним юаней в месяц. Примерно такую же сумму имеет жена.

У Намжида двое детей. Денег хватает на то, чтобы жить в достатке и более половины заработка откладывать на будущее. Ведь продукты там, кроме мяса, в несколько раз дешевле, чем у нас.

Квартирами рабочих обеспечивает фабрика. Мне сказали, что компания — владелец этой фабрики построила в первую очередь жилье, а уж потом ввели в строй предприятие. И рабочие, нанятые администрацией, сразу получили ключи от квартир.

Другой родич, Ирмча, работает в школе заместителем директора. Его месячный оклад — 640 юаней, жена — учительница, получает 560. У них двое детей. Я спросила супругов, сколько юаней они тратят на продукты. Ответили, что чуть больше двухсот. Большую часть заработанных средств переводят на счет в банке.

Убранство в их доме простое: ни стенок, ни ковров. Только самое необходимое — холодильник, телевизор, газовая плитка, столы, стулья, кресла, кровати. В домах генерального директора крупного сельхозобъединения Нары, а также 1-го секретаря аймачного (по нашему районного) комитета Боры обстановка примерно такая же. А вот еды — изобилие (овощей, фруктов, разнообразной зелени).

Сельчане, ведущие хозяйство самостоятельно, получают доход от сдачи (реализации) своей продукции. Так, в личном хозяйстве Джалсана 300 овец калмыцкой породы — черноголовых, крупных, курдючных. Шесть коров, четыре лошади, несколько свиней, более пятидесяти кур. Государство взимает с него налог ягнятами: по 30 голов осенью от каждой сотни весеннего окота.

— На жизнь хватает, — говорил мне Джалсан. — Получаю доход от продажи мяса, молока, яиц, шерсти, шкур, горчицы, кукурузы, к тому же, ни копейки не трачу на продукты: все свое. Прибыль ложу на свой банковский счет. Не транжирю, тем более, что нам государственная пенсия по старости не положена.

— А налог за выращенный на полях урожай? — спросила я.

— Отдаю государству десять процентов, а девяносто остается у меня. В Баин-Голе есть также и сельхозкооперативы, сродни нашим колхозам и совхозам.

Местность, где живут потомки Мазн Баатра, горная, живописная, с прекрасными летними и зимними пастбищами, дающими возможность содержать скот круглогодично на подножных кормах. Земля плодородная. Может, потому так дешево там овощи и фрукты.

Сердце мое дрогнуло, когда показали табун игривых лошадей и сказали: "Это потомки знаменитых коней, на коих сражались с врагами Мазн Баатр и его войны. Их предки проделали долгий и тяжкий путь от Волги до Баин-Гола. У нас хранились боевое знамя и инкрустированная серебром сабля Мазн Баатра. Их уничтожили во время культурной революции". Добрыми и отзывчивыми, гостеприимными и трудолюбивыми людьми оказались мои баингольские сородичи по богатырским корням. Прощалась я с ними со слезами на глазах. И полтысячи верст до Урумчи, главного города Синьцзяна, думала о них, не обращая внимания на крутизну высокогорной дороги, радующие взор хребты и вершины.

Да, есть чему поучиться нам у них: усердию в работе и дисциплинированности, приверженности к здоровому образу жизни и почитанию старших, уважению к памяти предков и прекрасному знанию родного языка.

Вот только не понравилась мне их система медицинского обслуживания. Она платная, дорогостоящая. Там курс лечения в больнице обходится в 10 тысяч юаней...

...Я с большим интересом выслушал рассказ Таисии Сякиловой Тягиновой, нашедшей в далеком Синьцзяне своих соплеменников одного корня, уходящего к легендарному Мазн Баатру. К тому самому герою, который с донцом Флором Миняевым и запорожцем Иваном Сирко доходил до Бахчисарая, освобождал угнанных в неволю русских и украинцев. К тому самому лучшему командиру калмыцких конников, который в сражении под Чичириньм сломал фланг турецкого войска и заслужил похвалу генерала Гардона, шотландца на русской службе. И совершив много других подвигов, увековечил свое имя в народных легендах и преданиях.

ШИЛЬГИН НОРБО О Б. ТОДАЕВОЙ И Э. БУЛУГОВЕ



Путь в науку Шильгина Норбо, вице-профессора Синьцзянского университета (в Китае ученые звания присваиваются в последовательности — ассистент, доцент, вице-профессор, профессор) был сложным и тернистым. В шестьдесят шестом, в период "культурной революции", его обвинили в национализме и ревизионизме, в контакте с советскими специалистами (в частности, с московской ученой-лингвисткой Буляш Хечиевной Тодаевой, работавшей в КНР в 1954—56 гг.), отстранили от преподавательской работы в Пекинском университете и отправили в сельскую местность, в госхоз.

Вместе с другими "интеллигентами-оппортунистами" Норбо трудился чернорабочим весь световой день, прихватывая и часть ночи. Месил глину, делал саман, рыл колодцы, копал каналы и т. д. Каялся, каялся, сгибаясь в "три погребели" на шумных митингах, организуемых патриотами-культурмейцами. Сполна изведал он горькую долю политссыльного, тяжелую участь отверженного, гнетущую тоску одиночества. Но выстоял. Выдержал 13 лет мучений. С ума не сошел. Не сломался. Не опустился. Остался верен себе, народу и в 1979 году, с началом "Ден-сяо-пинской оттепели", вернулся в науку, на кафедру синьцзянской, джунгарской истории. Опубликовал ряд работ (книг и статей) о Зая-Пандите, ханах Хо-Урлюках, монгольском племени "Татар", этногенезе ойратов, а также керейтов, народном хозяйстве Джунгарского ханства, краткой истории ойратов и т. д.

Шильгин Норбо с марта 1982 года работает по контракту в Элисте, в отделе истории КИОНа.

Мы встретились с ним, долго беседовали.

Вот некоторые из его рассказов:

О Буляш Тодаевой: "В 50-е годы, в период пика китайско-советской дружбы, в Пекине работали немало специалистов из СССР. Буляш Тодаева приехала со своим мужем академиком Сердюченко, филологом с мировым именем, для оказания помощи КНР в решении государственных проблем, связанных с реформой письменности нацменьшинств (их в Китае более 50) и др. Супруги были у нас в большом почете. Их, как говорится, носили на руках.

Тодаева читала лекции в Пекинском университете, вела занятия в Центральном институте национальных меньшинств. Выезжала к торгутам, зюнграм, дербетам в Синьцзян и Внутреннюю Монголию. Ее встречали как национальную героиню (ведь ойратка-калмычка, ученая из Москвы!)

В январе 1955 года у меня состоялся с ней разговор такого содержания: "В энциклопедии калмыков нет. На карте вместо Элисты значится Степной. Что сделали с калмыками?"

— Сталин сослал их в Сибирь.

— Как?!— вырвалось у меня.

Тодаева рассказала.

— А Городовиков?— спросил я.— В 1943 году у нас вышла книжечка "Ока Городовиков. Биография" на китайском языке. Она вызвала большой интерес.

— Городовиков живет в Москве,— успокоила меня Тодаева.

Буляш Хечиевна, невысокого роста, круглолицая, большеглазая женщина, произвела на меня приятное впечатление своей эрудицией, культурой, прекрасным знанием калмыцкого языка. В 1956 году она вернулась в Москву".

О командире ойратского полка Булгунове:

В 1944 году первыми в Синьцзяне против гоминдана восстали ойраты местности Нильхя близ Кульджи. Это восстание возглавил Эрдя Булгунов, сын амбала (чиновника). В 30-е годы Эрдя учился в Ташкенте по линии Коминтерна. Уже здесь, в Элисте, я узнал, что его учителями, в числе других, были калмыки Церен-Дорджи Номинханов и Аксен Сусеев.

Булгунов сформировал Борталинский ойратский кавалерийский полк, который выделялся высоким боевым духом. Кстати, в обучении личного состава полка принимали участие два советских офицера-калмыка. Это, конечно, тщательно скрывалось. Но, как говорят русские, шила в мешке не утаишь.

Кто они, те офицеры? Не знаю... (Оказалось, что это капитаны Эльдя Кектеев и Салдус Цеденов. Н. И.)

Эрдя Булгунов в 1960 году, то есть в начале обострения китайско-советских отношений, выехал с женой, русской по национальности, в Казахстан. Видимо, он пришел к выводу, что ему могут припомнить учебу в Ташкенте и слишком смелые высказывания в защиту ойратов и т. д.

В настоящее время Эрдя живет в Алма-Ате.

Как говорил я выше, Булгунов активно выступил против гоминдана, встав в ряды Китайской Красной Армии. А каким был конечный результат его борьбы?

Раньше земли, выделенные императором Китая прибывшим с Волги с Убаши-ханом калмыкам, являлись их вечной собственностью, считались неприкосновенными. На них не разрешалось строить ни одной землянки ни одному китайцу или уйгуру. Последние пользовались лишь правом брать участки во временную аренду на условиях, продиктованных хозяевами, то есть ойратами. И потому ойраты жили зажиточно, среди них было немало богатых.

Земельная реформа коммунистов резко изменила положение, больно ударив по ойратам. Многие из них, будучи причислены к богачам, вынуждены были уйти в горы. А их угодья и наделы перешли в собственность к "беднякам", то есть арендаторам — китайцам и уйгурам.

Немало земли было отведено личному составу так называемого китайского

военно-земледельческого корпуса, дислоцировавшегося на территории, занимаемой ойратами. Если при гоминдане "корпусники" не имели права даже забить кол в землю ойратов, то при новой власти они получили такие же, как и бывшие хозяева, права на владение ею. Кроме этого, в ойратские нутути переехало много китайцев из других провинций в голодные 1959, 1960-е годы.

Таким образом, в созданных сельхозкоммунах китайцы и уйгурцы составили подавляющее большинство. И ойраты на своей исконной земле стали, по существу, национальным меньшинством.

И теперь дилемма: сколько времени синьцзянские ойраты просуществуют как монголоязычный народ!?

...Несколько раз беседовали мы с Норбо. Немало интересного рассказал он о Зая-Пандите и Убаши-хане. О Батыре Галзме и других героях, вошедших в легенды и предания.

— Рад, что получил возможность оказать помощь своей прародине, — сказал синьцзянский ученый. — Мои корни — здесь, в Калмыкии.

МОНГОЛЬСКИЙ УЧЕНЫЙ М. ЦУРМЭЙМИН: "Я — ПОТОМОК ВОЛЖСКИХ КАЛМЫКОВ"



— Уважаемый Мухара Цурмэймин, сколько ойрат-монголов живет в Монгольской Народной Республике?

— В трех аймаках Западной Монголии — Кобдосском, Убснурском и частично Баин-Ульчинском (в последнем большинство населения казахи), живут 135 тысяч ойрат-монголов, по вашему — калмыков. Это дербеты, торгуты, хошуты, олеты, мангуты, байты. У них одинаковые традиции, обычаи, язык и т. д.

— Скажите, уважаемый гость, кем вы себя считаете? Монголом, ойратом?

— Все мы относимся к монгольским, монголоязычным народам. Но делимся на халха-монголов, бурят, калмыков.

В моем паспорте в графе "национальность" значится — торгут. А в паспорте чемпиона мира по вольной борьбе и самбо Баинмуиша — дербет. Кстати, Хорлогийн Баинмуиш, заведующий кафедрой института физкультуры, избран председателем общества ойратов Монголии, созданного в Улан-Баторе. В состав исполкома этого гуманитарного общества вошел и я.

К. П. Катусов: А у нас в Калмыкии создано общество по содружеству с соотечественниками за рубежом — "Хальмг тангч". Как председатель

совета этого общества я предлагаю сотрудничество. Наши организации — родственные.

М. Цурмэймин: Да, родственные. Я за установление тесной связи.

— Мухара, если вам нетрудно, назовите имена более или менее видных представителей монгольских ойратов.

— Их немало. Например, ученый-историк Далай, известный артист Дугара (певец и танцор), ректор института экономики Дордж, собственный корреспондент газеты "Унэн" и радиотелевидения МНР Тумендегмэрен и другие. Вы, наверное, знаете, что бывшие первые лица МНР Цеденбал и Батмунх — дербеты.

Слово "пришельцы" на монгольском звучит "оруд". Так вот ныне в Улан-Баторе кое-кто шутит: "Кончилась ордская империя, началась халхаская".

Из числа дербетов, торгутов вышли генералы, спортсмены, писатели и т. д.

— Расскажите немного о себе.

— О себе? Я врач. Ведущий научный сотрудник, руководитель отдела по организации здравоохранения научно-исследовательского института медицины. Защитил в Москве докторскую диссертацию.

Выше говорил, что в графе "национальность" моего паспорта значится торгут. Я потомок волжских калмыков, ушедших с Волги, Ижль-гола, на свою преную родину, в Джунгарию, в 1771 году.

— Вы, чувствуется, неплохо знаете историю.

— Я люблю наше прошлое, в нем много и трагического, и героического. Люблю свой язык и культуру. Эту любовь прививала мне в детстве бабушка Кеки Халга, скончавшаяся в 100-летнем возрасте. Она знала много песен, йорелов, сказаний и т. д. В том числе и предания об уходе наших предков из России во второй половине XVIII века.

Об этом тяжелом периоде в жизни нашего небольшого по численности, но мужественного народа, написал роман в двух книгах "Торгуты" английский историк и писатель В. Ривера. Роман перевели японцы, а с японского языка уже на монгольский сделали перевод в 1988 году в Китае, во Внутренней Монголии.

Герои этого произведения — Овш (Убаши) — хан, доблестный воин и батыр Субеде и другие наши предки. Любопытно, что Ривера точно и интересно описал быт, нравы торгутов. Вероятно, он жил среди них в Синьцзяне, когда работал над романом.

Вот она, эта книга. На оборотной стороне обложки — маршрут следования калмыков протяженностью почти в десять тысяч километров.

К. П. Катусов: Это уникальная книга. Оставьте ее у нас. Мы переведем и издадим на русском языке. Наверное, вы согласитесь, что она очень нужна нам и нашим потомкам.

М. Цурмэймин: Отказать вам трудно, хотя я достал ее во Внутренней Монголии. "Необходимость не знает слова нет" — есть такое изречение. Пожалуйста, берите, переводите...

— Мухара, вы впервые у нас в Элисте?

— Да, первый раз в своей жизни. Я бывал на Кубе, в Польше, в Болгарии, но нигде не чувствовал себя так хорошо, как в Элисте. Калмыкия — родина моих предков, значит и моя родина.

Один из моих шести детей — сын Амурсана (родился в 1970-ом, в год 200-летнего юбилея восстания джунгар-ойратов против китайского императора под предводительством Амурсаны) учится в Краснодаре. Я бы желал, чтобы он женился на здешней калмычке.

По нашей традиции, при женитьбе надо просчитывать до 9-го колена, чтобы не было даже малейшего признака кровосмешения. Это для самосохранения.

Надо поощрять, я думаю, контакты нашей молодежи, возможные в будущем знакомства и браки.

— Кто против? Никто. Мы — за контакты, за тесную связь. Раньше вы почти ничего не знали о нас, а мы о вас — ойратах Монголии, так же, как о калмыках американских, французских или болгарских.

— Калмыки живут и в Болгарии? Сколько их там?

К. П. Катушов: Не так много, чуть больше сорока человек. Калмыки живут и в Турции и даже в Австралии.

Нам приятно было познакомиться, побеседовать с вами, уважаемый Мухара Цурмэймин. Приятно было также узнать, что в вашей стране сформировано общество ойратов. Думаю, что нам необходимо наладить контакты в рамках Международной ассоциации ойрат-калмыков. За ее создание высказываются многие наши соотечественники за рубежом.

М. Цурмэймин: По возвращении в Монголию я постараюсь довести до сведения членов правления нашего общества о таком предложении. Что касается меня, то я всячески приветствую создание Международной ассоциации ойратов. Собственно говоря, смысл создания нашей организации заключался в том, чтобы наладить связь со своими сородичами, где бы они ни проживали. И, конечно, в первую очередь с вами, российскими калмыками.

ОЙРАТСКИЙ БОГАТЫРЬ

Монголоязычные народы делятся на халха-монголов, бурят-монголов и ойрат-монголов (или ойратов). Ойраты, волею судьбы разделенные на части, живут в разных странах: России (в Республике Калмыкия), Китае (в Синьцзян-Уйгурском автономном районе), Кыргызстане и Монголии. Если в России их (калмыков) 170 тысяч, Китае — 150 тысяч, Кыргызстане — 10 тысяч, то в Монголии их около 140.

Ойраты Монголии, придя к выводу, что им пора объединиться духовно, создали культурно-гуманитарное общество ойрат-монголов и избрали председателем исполкома этого общества прославленного на всю страну борца Хорлоо Баинменхийна (Баинмунха).

Чем же прославился он? Почему его имя так популярно в Монголии? На

этот вопрос в МНР отвечают: "Хорлоо — выдающийся спортсмен, двадцатикратный победитель соревнований по национальной борьбе и десятикратный — на состязаниях богатырей на всенародных праздниках "Надом" в Улаан-Баторе". Праздник "Надом" в стране имеет глубокие исторические корни и традиции, как Олимпийские игры в Древней Греции. На него испокон веков съезжались и съезжаются десятки тысяч людей со всех концов Монголии, выставляя лучших наездников, лучников, певцов, танцоров и т. д.

Но гвоздем программы считаются состязания борцов. До финала доходят сильнейшие из сильнейших. Победителя восхваляют как героя. О нем слагают песни. Хорлоо Овогтой Баинмунх десять раз выходил победителем в острейших поединках, что до него не удавалось никому, удивляя сограждан и специалистов силой, ловкостью и выносливостью, а главное — спортивным долголетием. Он стал единственным борцом Монголии, освоившим, наряду с национальным видом, технику и тактику борьбы самбо и вольного стиля и добившимся международного признания. В 1972 году Баинмунх завоевал серебряную медаль по вольной борьбе на Олимпийских играх в Мюнхене, в 1974 году стал чемпионом мира по самбо, а в 1975 году — чемпионом мира по вольной борьбе. При этом в финалах он победил считавшихся ранее непобедимыми советских борцов, чья школа в те годы являлась лучшей на планете. Баинмунх трижды становился чемпионом Азии по вольной борьбе, одерживая верх над техничными японцами и корейцами, а на чемпионатах мира три раза был вторым и шесть раз — третьим. Он удостоился званий заслуженного мастера спорта МНР и СССР (теперь распавшегося), является депутатом Великого Народного хурала Монголии, членом исполкома международного союза национальных видов борьбы, а также ректором созданного им же института национальной борьбы и тренером борцовского клуба "Шонхор".

Да, есть у ойратов (к коим относятся калмыки) выдающиеся спортсмены. Такие, как капитан национальной сборной Франции по футболу Жан Джоркаев, кетчист Иска-хан (Франция) и Баинмунх (Монголия). В Европе в тридцатые годы блистал выдающийся жокей Карпо Анбушинов (Франция). Родится ли у калмыков России спортсмен мирового класса? Когда? Возродим ли мы всенародный праздник "Наадн" сродни всемонгольскому "Надому"? Обратим ли самое серьезное внимание на воспитание молодежи? Сумеем ли переломить психологию многих, отвернув их от "бутылки" (несчастья нашего века) и повернув лицом к спорту, здоровой деятельности? Наверное, придет все-таки такое время, когда у нас будет больше радостей, чем огорчений.

КАЛМЫКИ США

АЛЕКСЕЯ АМЕРИКАНСКИЙ ДЯДЯ



В 1989-ом элистинца Алексея Учуровича Андреева разбудил ночью звонок междугородки. Соскочив с постели, он включил свет и поднял трубку.

— Вас вызывает Америка. Будете говорить с Соединенными Штатами...

— Америка?— удивился Алексей Учурович.— Не может быть. Видимо, произошла ошибка?"

— Аллю, Алексей? Я Джиджа Андреев, твой родственник,— послышался голос незнакомого мужчины, неплохо говорившего на калмыцком.

Взбурдаженный ночным звонком из-за океана, Алексей Учурович какое-то время не мог произнести ни слова. А американский родственник все

спрашивал Алексея, знает ли он что-либо о Лавге Андрееве, его, Джиджи, старшем брате по отцу.

— Знаю, знаю!— воскликнул, наконец, придя в себя, Алексей Учурович.

— Он в Белоруссии, в Витебской области.

— Жив?— обрадовался американец. — Жив Лавга!..

Положив трубку, Алексей задумался — ему уже было не до сна. Вспомнил Кисловодск, где отдыхал много лет назад, в середине семидесятых. Встречу в нарзанной галерее с фронтовиком-калмыком, которому он, протянув руку, сказал: "Рад познакомиться с вами, Алексей Андреев".

— Я тоже Алексей. И тоже Андреев,— улыбнулся в ответ ветеран. — Однофамильцы, значит. К тому же еще и тезки. Приятное совпадение.

Слово за слово, разговорились. Земляк, выйдя из галереи, рассказал Алексею, как он, механик-водитель танка, дошел до Берлина, а после войны со своим боевым другом уехал в Белоруссию, да так там и остался, женившись на местной девушке. Ему, сироте, потерявшему отца в гражданскую войну, а мать чуть позже, было все равно, где бросить свой якорь.

— Тебе повезло, тезка,— вздохнул Алексей Учурович.— А вот мой отец не вернулся с фронта, погиб в сорок втором. Дядька же, Лавга Андреев, пропал без вести.

— Кто, Лавга?— переспросил земляк и, как-то странно взглянув на собеседника, стиснул его в объятиях.

— Алеша! Племянник! Лавга — это же я! Я твой дядя, понял? Это на

фронте я стал Лешей, Алексеем. А калмыцкое имя мое — Лавга... Вот так встреча, вот так встреча, — все повторял он. — Надо же! Просто не верится...

Так неожиданно-негаданно, по удивительно счастливой случайности нашел Алексей своего дядю, считавшегося погибшим на войне.

И вот новый (опять-таки неожиданный-негаданный) сюрприз — звонок заокеанского родственника, о существовании которого он и не подозревал. Невероятно, но факт.

— Приеду, — кричал в трубку американец, младший брат Лавги по отцу — Джиджя. — Были бы крылья, полетел бы сию же минуту...

* * *

Алексей, родившийся в многодетной семье погибшего солдата, сполна изведавший горечь полуголодного детства в холодной сибирской дали, познавший нелегкий труд еще в раннем возрасте, работяга, человек, что называется, из "простых", не испорченный должностью, властью или чрезмерным достатком, встретил заграничного родича в кругу своей семьи в обычной, непринужденной обстановке, но по-родственному сердечно, с искренней радостью. "Вот я и моя семья. Принимай меня таким, какой я есть. А вот как я живу. По нашим меркам — нормально. Никому не кланяюсь. Ни у кого ничего не прошу. Зарабатываю на жизнь честным трудом. Давай, дядя, выпьем, закусим. Я очень тебе рад. Тому, что ты есть, что ты нашелся".

Дядя же сказал: "Я тебя понял. Ты мне понравился. И прежде всего своей прямой и естественностью. Я, как и ты, тоже многое перенес, претерпел, пережил. Немало пота пролил, прежде чем встал на ноги. И сейчас тружусь в поте лица. Иначе в США нельзя. Окажешься на обочине жизни."

Родился я в Белграде, столице Югославии, в тридцать восьмом. А на школьную скамью сел в Германии, в американской зоне оккупации, в лагере для перемещенных лиц. В начале пятидесятых пересек с калмыками океан, стал гражданином США. Но родину предков люблю. Эту любовь привил мне отец, скончавшийся в шестьдесят четвертом. Он научил меня калмыцкому языку. Часто говорил, что нет ничего на свете милей и дороже родной земли.

Я несказанно рад встрече с нею, родиной отца, по которой он сильно тосковал, как и все калмыки его возраста, оказавшиеся на чужбине в годы гражданской войны.

Теперь Калмыкия — моя слабость и любовь.

* * *

Джиджя Андреев — один из уважаемых людей муниципалитета Хауэлл штата Нью-Джерси, активный общественник, человек энергичный, деятельный, коммуникабельный, внес большой личный вклад в укрепление связи американских соотечественников с их исторической родиной Калмыкией.

В 1990 году он, выйдя на прямой контакт с тогдашним председателем

Элистинского горисполкома Н. К. Семеновым, обеспечил участие внушительной по количеству делегации американских соотечественников в праздновании 550-летия "Джангара".

Благодаря именно Джидже Андрееву, его связям, одержимости идеей оказания существенной, конкретной помощи нам, особенно после того, как ее постигла большая беда — заражение детей ВИЧ-инфекцией, стал реальностью факт приезда (причем неоднократного) в Элисту замечательных американских специалистов, посвятивших себя борьбе со страшной болезнью нашего века — СПИДом. Консультативную, практическую, научную, моральную помощь нашим врачам оказали знаменитый специалист, иммунолог с мировым именем Джеймс Олески, одна из ведущих патоморфологов США, полковник американской армии Вирджиния Андерсен, профессор и сопредседатель известного благотворительного фонда Виланда Стефан Торкельсон и другие. Они же организовали стажировку калмыцких медработников в США, доставив нашим лечебным учреждениям дорогостоящую медицинскую аппаратуру.

Какому еще региону оказана такая помощь американцами? Только нашему.

У ее истоков — Джиджа Андреев, гражданин США, наш соотечественник, принявший нашу боль, как свою, занявшийся "нашим делом" зачастую в ущерб своему, то есть бизнесу, лично встречающий и провожающий в Нью-Йоркском аэропорту гостей из Калмыкии (а их теперь немало) и т. д.

Этот белолицый, приятной внешности, высокий, приветливый и очень хлебосольный (как говорят побывавшие в США земляки) человек (конечно же, не лишенный, наверное, каких-то недостатков, ведь не ангел же он) стал в глазах многих из нас одним из тех, по ком судят в целом о соотечественниках, американцах калмыцкого происхождения.

ФОРМУЛА ДОБРА

Эти люди, прибывшие из США благодаря инициативе Джиджи Андреева, очень любят детей и надеются, что завтра им, детям, будет лучше, чем сегодня.

Посвятив себя борьбе со страшной болезнью нашего столетия — СПИДом, они делают все, чтобы облегчить участь инфицированных ВИЧ.

Немало в США, в нашей и в других странах подвижников, без которых невозможна жизнь, немыслимо человечество. И человечеству, верится, удастся все-таки избавиться от "чумы XX века" — СПИДа, благодаря им, выдающимся творцам, ищущим и создающим формулу добра и надежды.

Джеймс Олески, знаменитый американский специалист по детскому СПИД, иммунолог с мировым именем, — один из таких подвижников. Вместе с коллегами он перелетел через океан, чтобы осмотреть наших инфицированных и больных детей, оказать консультативную, моральную и другую помощь коллективу нашего центра по борьбе со СПИДом.

Они просты и улыбчивы, доброжелательны и открыты. Быстро располага-

ют к себе детей и родителей. Удивляют исключительной работоспособностью, зачастую трудятся без перерыва на обед — интересы больных для них превыше всего.

Кристиан Хансен — известный в США клиницист и Вирджиния Андерсен — одна из ведущих специалистов по патоморфологии СПИДа, Фей Зиланд — психолог и общественный деятель, лауреат благотворительной премии штата Нью-Джерси, и Мэри Маха — фармаколог компании, связанной с производством АЗТ, препарата, приостанавливающего патологическое действие вируса СПИДа. Стефан Торкельсон — профессор, руководитель делегации, сопредседатель фонда Зиланда и Вильям Джеймсон — видеооператор. Нима Чурюмов — доктор, наш соотечественник, родившийся за рубежом, и Алексей Иванчуков — тоже наш соотечественник, переводчик, владеющий восемью языками, бывший дипломат, сотрудник госдепартамента США. Все они приятно удивлены высоким уровнем медицинского обслуживания в нашем центре по борьбе со СПИДом в Элисте, возглавляемом Диной Бадмаевой, созданными в нем условиями, квалификацией врачей, достаточным количеством дефицитных лекарств, в том числе, дорогостоящего рестравира, дающего хороший эффект, а также эрудицией и подготовкой специалистов, работающих в патолого-анатомическом отделении под руководством Инессы Николаевны Келиной. И восхищены огромным объемом работ по эпидемиологическому расследованию очага без компьютеров, практически "вручную".

Калмыкия — единственный регион в России, куда во второй раз приезжают ведущие специалисты мира. И отмечают высокий уровень медицинского обслуживания инфицированных и больных детей.

Дети... Ради них прилетели в Элисту из-за океана прекрасные американские врачи, замечательные люди, гуманисты.

Пребывание их в Элисте совпало с праздником Дня независимости США. И так получилось, что, выйдя на балкон гостиницы, на улице Куибышева, они увидели группу детей. И спели им американскую песенку о Микки Маусе. Детишки попросили их спеть еще и в ответ махали ручонками, кричали: "Спасибо!".

"Спасибо!" — говорим им и мы. — Спасибо за вашу доброту и человечность, за ваш оптимизм, веру в то, что всем детям на земле завтра будет лучше, чем сегодня.

(июль 1990 г.)

* * *

В сентябре девяносто первого года 11 граждан США с Джиджей Андреевым снова перелетели океан для оказания моральной, технической (привезли с

собой дорогостоящую медицинскую аппаратуру) и другой помощи своим элистинским коллегам.

Вот их пожелания, высказанные перед отъездом.

Стефан Торкельсон, руководитель делегации, председатель совета директоров фонда борьбы со СПИДом у детей:

“Я, как и в прошлый раз, акцентирую внимание на необходимости усиления профилактической работы, направленной на предотвращение СПИДа. Эту работу среди молодежи ни в коем случае нельзя ослаблять. Общество должно защищать себя от этой страшной болезни 20-го века”.

Джек де Серс, генеральный директор медицинского центра города Фрихоула штата Нью-Джерси: “Надо помочь вашим очень самоотверженным работникам через общественные организации современной медаппаратурой, новейшими препаратами, а также в прохождении ими стажировки в лучших наших клиниках.

Нужно усилить профилактическую работу со школьниками, матерями, людьми старшего возраста”.

Джеймс Олески, всемирно известный специалист, директор детской больницы города Нью-Арк штата Нью-Джерси: “Желаю трудиться и дальше также добросовестно, с полной самоотдачей, как и сейчас. Усилить связь с нами, взаимообмен опытом. Хочу, чтобы наши отношения охватывали все новые области”.

Вирджиния Андерсен, специалист по педиатрической патологии СПИДа, консультант панамериканской организации национальной академии наук США и военного института патологии: “Я с доктором Нимей Чурюмовым, патанатомом, инструктором патологии университета и терапевтом, очень хотим, чтобы о высоком профессионализме и работоспособности калмыцких коллег знали не только мы, но и руководители, а также население Калмыкии. Ведь работа, проводимая ими в отделении, очень важна для будущего. Недавно я выступила с информацией по материалам Калмыкии на международном конгрессе в Италии. Оно вызвало всеобщий интерес”.

Джиджя Андреев, бизнесмен, председатель всемирного монгольского клуба: “Я очень хочу, чтобы в Элисте не было новых случаев выявления зараженных ВИЧ-инфекцией детей. Дай Бог этого!

Трагедия, постигшая вас, дорогие сородичи, взволновала нас, американских калмыков.

— Как помочь? Чем помочь? — спрашивал я себя и других американских калмыков. И сделал все от меня зависящее для того, чтобы организовать поездку врачей из США на родину моих предков — Калмыкию. Благо, в Америке много добрых людей, принимающих чужую боль, как свою.

Мира и радостей, благоденствия и счастья вам, мои соотечественники!”.

**ДЕЛЕГАЦИЯ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ,
ПРИБЫВШАЯ ИЗ США НА ПРАЗДНОВАНИЕ
550-летия "ДЖАНГАРА"
В АВГУСТЕ 1990 ГОДА
ВО ГЛАВЕ С ДЖИДЖЕЙ АНДРЕЕВЫМ.**

1. Аублей София, рождения 1938., уроженец — София, Болгария
2. Урубжурова Чимета, 1923, София, Болгария
3. Урубжуров Ли, 1947, Феффенхофен, ФРГ
4. Омбадикова Маргарита Кетти, 1954, Льеж, Бельгия
5. Андреев Джиджа, 1938, Белград, Югославия
6. Андреева Едмашка, 1941, Белград, Югославия
7. Андреев Петер Церен, 1973, Лейквуд, США
8. Андреева Мария, 1924, София, Болгария
9. Андреева Надя, 1960, Нептун, США
10. Андреев Рошен, 1950, Мюнхен, ФРГ
11. Хургунов Саниса, 1948, Феффенхофен, ФРГ
12. Хургунова Суссан, 1945, Восточная Вирджиния, США
13. Джамбинова Ненси, 1955, Лейквуд, США
14. Джамбинова Вера, 1929, София, Болгария
15. Бальзирев Андрей, 1932, Ростов-на-Дону.
16. Бальзирова Галина, 1934, София, Болгария
17. Саран Сэм, 1932, Перник, Болгария
18. Манжикова Эльза, 1946, Аугсбург, Германия
19. Бамбушева Долма, 1924, Белград, Югославия
20. Степанов Бадма, 1945, Феффенхофен, ФРГ
21. Убушин Надя, 1929, София, Болгария
22. Кучинов Петер, 1923, Белград, Югославия
23. Андреева Санджарма, 1963, Лейквуд, США
24. Бадмаева Болла, 1920, Россия
25. Кулар Мэтью, 1946, Пасик, США
26. Кулар Наталья, 1946, Лифка
27. Кулар Андрей, 1978, Плизент, США
28. Кулар Стефан, 1982, Плизент, США
29. Бадушева Лиза, 1946, Крумбах, ФРГ
30. Бадушев Наран, 1967, Филе, США
31. Бадушев Сэм, 1948, Феффенхофен, ФРГ
32. Оликова Кристин Карин, 1953, Мюнхен, ФРГ
33. Базарова Шукур, 1934, Белград, Югославия
34. Аникова Лифимма, 1962, Нептун, США
35. Фергоссти Майк, 1938, Джерси-Сити, США
36. Чурюмов Сэм, 1966, Филя, США
37. Балданова Мария, 1950, Мюнхен, ФРГ
38. Болдырев Лиджи, 1947, Феффенхофен, ФРГ
39. Урубжуров Давид, 1947, Феффенхофен, ФРГ
40. Иванчуков Алексей, 1933, София, Болгария

41. Урусов Радик, 1944, Лапшинг, Австрия
42. Урусова Занда, 1945, ФРГ
43. Буджалов Мазан Батр, 1965, Виниланда, США
44. Кусикова Сексан, 1949, ФРГ
45. Зодьбинова Катерина, 1924, Болгария
46. Зодьбинова Элизабет, 1950, Франция
47. Лопуш Вивиан, 1957, Филя, США
48. Татнинова Елена, 1923, Югославия
49. Татнинов Георг, 1954, Филя, США
50. Сохоров Хонгор, 1943, Днепропетровск, Украина
51. Халгинова Дорджима, 1947, ФРГ
52. Маликова Роза, 1952, Нью-Мексико, США
53. Кучинова Клавдия, 1940, СССР
54. Зодьбинова Нина, 1973, Нью-Брунсвик, США
55. Арбаков Иляма, 1948, ФРГ
56. Бугаев Борис, 1929, СССР
57. Бугаева Дина, 1932, Белград, Югославия
58. Васькина Анна, 1930, Филя, США
59. Кучинов Николай, 1932, Белград, Югославия
60. Иванова Катя, 1927, Белград, Югославия
61. Иванов Петер, 1928, Югославия
62. Ния Чурюмов

**Соотечественники, прибывшие из США по частному приглашению
(18—28 августа 1990 г.)**

1. Хонин Денис — пригласила Калачинова А. В.
2. Хонин Церен — ” —
3. Хонин Соня — ” —
4. Винцин Андрей — Самтонова Елизавета
5. Бурхинов Джап — Бадугинова З. Д.
6. Бурхинова Намджал — ” —
7. Амарханов Банко — Маглинов С. Н.
8. Цебиков Аркадий — Гочинова А. Л.
9. Цебикова Лидия — ” —
10. Ульцин Гасан — Ульцинова В. А.
11. Алдакимов Сергей — Мангашова В. Б.
12. Алдакимова Санда — ” —
13. Ульцин Шииса — Петрова Евдокия

из Франции:

14. Балюгинов Анка
15. Хамугинова Вера
16. Даржинов Борис — Халенгинова П. С.

17. Даржинов Саран — Халенгинова П. С.
18. Даржинова Анни Жаннет Марсель (француженка, супругу Сарана)
19. Вальнина Ольга — ” —
20. Юнзуков Илья — Балсаева Г. П.
21. Юнзукова Лиза — ” —
22. Балдашинов Исак — Балдашинов В. Л.
23. Кусинов Шорис — Ремелева Е. Ш.
24. Чанчинова Анастасия — Абупинова К. Б.

из ФРГ:

25. Шлюетер (Ремелева) Елена — Ремелева Е. Ш.
26. Бембеев Нимгир — Шольшукова Б. Д.
27. Иованович Катя — ” —
28. Иованович Педар — ” —

*Председатель исполкома
Элистинского горсовета Н. СЕКЕНОВ*

АПЛОДИСМЕНТЫ ЗА ОКЕАНОМ

Летом 1995 года Дж. Андреев организовал поездку группы из 12 артистов ансамбля "Тюльпан" на Тайвань.

— Мы дали 70 концертов за 49 дней пребывания на острове, — рассказывал художественный руководитель известного молодежного коллектива Петр Надбитов. — Наше искусство вызвало у тайваньцев большой интерес, удивление и восторг.

Что поражало их? Своеобразие, непохожесть наших танцев на танцы других народов Востока. Их темп, темперамент исполнительщи, пластика, невиданные ими доселе па, красивые костюмы и т. д.

— Но молодость есть молодость, — рассказывает художественный руководитель коллектива П. Надбитов. — Юноши и девушки быстро восстанавливались и адаптировались к местному климату.

Мы не ожидали такого гостеприимства, такой теплой сердечной встречи. Не думали, что наше искусство вызовет у тайваньцев столь большой интерес, восторг и удивление.

В среднем каждое выступление нашей группы посещало не менее полутора тысяч человек, а в специальных вместительных залах — до трех тысяч. Словом, везде был аншлаг.

Тайваньцам (китайцам) нравятся игровые моменты, юмор, жизнерадостность, трюки, молодость, красота. Мне говорили, что телезрители Гонконга, Японии и других стран проявляют большой интерес к концертам нашей группы. Как оказалось, передачи из Тайваня принимают в указанных выше регионах. Нас три раза приглашали на студию Тайваньского телевидения.

Вот документальные свидетельства восхищения тайваньцев нами, нашим

искусством: "Вы навсегда останетесь в сердцах тайваньских зрителей" (Дан Жуй Хе); "Молодцы, что сохранили свои корни" (Цинг Жинг Ни); "Я полюбил вас! У вас открытые души и прекрасные танцы" (Джанг Ин Нам); "Вы хороши! Так хороши!" (Се Доа); "Саглар! Тебя очень полюбили наши мальчики. Большое, большое спасибо за то, что вы дали такой замечательный концерт в нашей школе" (Ду Джиде); "Я был тронут до глубины души вашим изумительным, столь впечатляющим выступлением" (У Джа Дже); "Вы лучшие из всех, кого нам довелось до вас видеть" (Го Лю от имени рабочих компании "Тайенья"); "Хорошо! Очень хорошо! Просто здорово!" (Шин Нен); "Мы впервые видим такое зрелище. Молодежь благодарна вам за то, что вы сохранили свою культуру. Спасибо!" (Джанг Ши На); "Просто ошеломлен! Вас должны знать во всем мире!" (Шё И, журналист); "Вы покорили наши сердца!" (Ву Е Чи); "Ваши танцы — это что-то неземное!" (Ван Вень Чжань) и т. д. и т. п.

— Делайте вывод из этих отзывов, — улыбается Петр Тимофеевич. — Ну, а каков Тайвань? Это удивительная страна. Чудо XX века. Поражает техническая оснащенность. Отсутствие нищих, безработных, бездомных. Добросердечность и отзывчивость людей. Их любовь к ближним, бережное отношение к старшим.

В заключение я хочу отметить, что наша поездка состоялась, благодаря американскому соотечественнику Джидже Андрееву. По его же инициативе ансамбль в полном составе выезжал на полтора месяца в Канаду и США. В аэропорту города Монреаля нас встретила группа американских и канадских калмыков.

* * *

"Группа из Калмыкии — лучшая", "Я очарован вами", "Поражен вашим искусством", "Вы прекрасны!", "Я полюбил вас и ваш фольклор", "Никогда не забуду ваши блестящие танцы"...

— Эти признания канадцев — свидетельство того безусловного успеха, который сопутствовал "Ойратам" за океаном, — рассказывает Халга Улюмджиевна Баклапова, первый заместитель министра культуры. — Не погрешу против истины, если скажу, что интерес к нашему ансамблю был особым, всеобщим. Сотни тысяч зрителей впервые познакомившиеся с искусством нашего народа, были удивлены, восхищены и покорены "Ойратами".

Мне, официальному лицу вроде бы не пристало поддаваться эмоциям, но что поделаешь — факт есть факт.

Приехавшие на концерт из США в канадский город Друммонвил калмыки плакали от радости и гордости за своих соплеменников с далекой прародины, вызвавших фурор своими выступлениями.

— "Ойраты" же поедут к вам, в штат Нью-Джерси, — говорила я им. — Стоило ли создавать для себя неудобства? Особенно, пожилым. Ведь расстояние немалое...

— Не вытерпели, — отвечали американские соотечественники. — Вам нас

не понять. Какое это счастье — увидеть, наконец, наши танцы, услышать родную музыку. И в таком прекрасном исполнении! Душа ликует...

А калмыки Канады? Их там немного, всего три семьи. Они каждый день приезжали к нам за сто с лишним километров из Монреаля. Того самого города-порта на реке Св. Лаврентия, который известен болельщикам своей знаменитой хоккейной командой "Монреаль-Канадиенс".

Монреаль, а также вся провинция Квебек, где проходил фестиваль, заселены преимущественно французами, составляющими чуть меньше трети жителей Канады. Так что мелодичная, изящная французская речь ласкала нам слух в течение всего периода нашего пребывания там. И все это время канадские Басановы и Таргировы опекали нас. А коммуникабельная и энергичная, несмотря на возраст, Санжирма Басанова-Хахлашова, по существу, стала нашей добровольной переводчицей (Санжирма родилась во Франции, в Десине, пригороде Лиона, а ее муж Менга Басанов в юности увлекался боксом и джигитовкой, жил в Париже.—Н. И.)

Общение с заокеанскими сородичами поневоле заставило меня по-новому взглянуть на свои корни, ведь на них, древних истоках, на народных традициях и опыте зиждется современное национальное танцевальное искусство калмыков. И заслуга Петра Надбитова в том, что он сумел, опираясь на эти начала и не отрываясь от них, поставить истинно народные танцы, которые нравятся всем,— от Тайваня до Северной Америки.

А восприятие канадцами калмыцких мелодий в исполнении оркестра "Ойратов"? Оно меня удивило и обрадовало — мертвая тишина в огромном зале, затем гром аплодисментов. Французы — люди тонкие, хорошо разбирающиеся в искусстве, фольклоре, музыке. И их реакция, их высокая оценка — большой стимул для нашей работы и дальнейшего совершенствования.

Примечательно, что в Канаде знают Президента Калмыкии Кирсана Илюмжинова. А теперь, благодаря участию в фестивале, жители провинции Квебек узнали о нашем замечательном коллективе "Ойраты".

Хочу отметить, что поездка ансамбля в Качаду и США стала возможной благодаря инициативе небезызвестного в Калмыкии соотечественника Джиджи Андреева. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить его за это.

— Приятно, когда выступления наших молодых артистов сопровождаются аплодисментами, восторженными выкриками многочисленных зрителей,— говорит художественный руководитель Петр Тимофеевич Надбитов.

Но я бы не хотел задерживать ваше внимание на этом, а поделиться впечатлениями от двухнедельного пребывания в Хауэлле (США), в гостях у американских калмыков.

Свой краткий рассказ начну с признательности, благодарности американским калмыкам, принявшим нас, 40 человек, с искренней радостью и доброжелательностью, по-родственному, сердечно.

Калмыки разобрали нас по домам, доставляли на своих машинах на репетиции, организовали групповые экскурсии в Вашингтон и Нью-Йорк и т. д. Наши и американские юноши и девушки калмыцкого происхождения перезнакомились друг с другом. И теперь многие из них перезваниваются по телефону.

Естественно, наши соотечественники, от мала до велика, с нетерпением ждали концертов. Они состоялись 28 июля в Русском клубе, а 4 августа — в Доме культуры "Родина". Разумеется, зал на 500 мест с лишним был переполнен. На "уникальный концерт" (как называли его некоторые местные жители) пришли, кроме калмыков, русские и американцы, мэр г. Хауэлла, шериф (начальник полиции) и другие официальные лица.

Двухчасовая программа прошла на одном, как говорится, дыхании, под овации и крики зрителей. А когда исполнялся украинский танец, в зале стоял стон американских братьев-славян.

Я хочу еще раз поблагодарить от имени коллектива и от себя лично наших американских сородичей за их исключительное гостеприимство и щедрость, пожелать им добра и счастья. Никого из них не хочу выделять, чтобы невзначай не обидеть кого-либо. А вот канадских калмыков, так как их мало, назову по именам. Это Менгя, Санжирма и Тула Басановы (последний работает ответственным секретарем газеты на французском языке), Мишель и Серж Талгировы.

УВАЖАЕМЫЙ В ХАУЭЛЛЕ — НЕМБРИКОВ



В США живет болгарский журналист калмыцкого происхождения Кирилл Джувинов, давний друг нашей страны, несколько раз побывавший в Элисте в 70-е, 80-е годы и не раз делившийся своими впечатлениями о своем пребывании в Калмыкии в болгарских средствах массовой информации.

Благодаря ему читатели и радиослушатели Болгарии тех лет получили возможность узнать о калмыках, представителях единственного азиатского народа, имеющего свою государственность в Европе (в европейской части России).

Кирилл — сын Георгиевского кавалера полкового банта Церена Джувинова, героя 1-ой мировой войны, захватившего

в плен во время ночного налета небольшой группы казаков под его командованием 800 австрийцев. О герое Джувинове и его подвиге писали в то время почти во всех российских газетах.

В гражданскую войну он покинул с женой родину, попал в Болгарию. Там один из его сыновей, Кирилл, окончил университет в Софии, стал известным журналистом.

Вот его очерк о Н. Б. Нембрикове.

В девяносто втором Николаю Бадминовичу исполнилось 85, но седина чуть коснулась его темных волос, а сердце осталось молодым, — он жизнерадостен и мудр, хорошо себя чувствует и среди пожилых и среди молодых. Секрет его бодрости, думаю, в унаследованной им калмыцкой живучести, в здоровой философии степного человека. Он никогда не унывает, сердце и дом его всегда открыты для людей. Ему доставляет радость, когда помогает другим.

Николай Бадминович чувствует себя богатым: в США у него 12 внуков и 2 правнука, а всего (считая Калмыкию) сорок семь!

Давно отработав пенсию, он не скучает дома, когда его дочь Байярка на работе (она шеф отдела в крупнейшей американской компании (ТТ Айтити). В его библиотеке преимущественно книги о Калмыкии, газеты.

Хорошая память Нембрикова, как энциклопедия, хранит интересные страницы неписаной истории соотечественников, выброшенных кровавой волной гражданской войны за рубеж. Его судьба — это судьба противоречивого стечения обстоятельств и разделения людей.

Пацан Николай с отцом Бадмой Гендиновичем (он был преподавателем женской гимназии в Великокняжеской, знал наизусть Пушкина, имел звание коллежского секретаря) оказались беженцами в Югославии — в Дубровнике и Белграде. А в 1923 году они были уже в Германии, затем в Праге. Там Николай — один из 5-ти тысяч эмигрантов-студентов, которым правительство Масарика предоставило щедрые стипендии.

— А эти деньги имеют русское происхождение, — поясняет Нембриков. — Случай такой. Ленин предложил руководству Чехословацкого корпуса не воевать против советской власти. Вождь революции предложил сделку: вы, мол, сдайте нам главнокомандующего белой армии в Сибири Колчака, а мы вам дадим золото из его казны и отпустим домой!

Чехи приняли условия. Арестовали Колчака и передали большевикам. Погрузили золото на специально нанятый советским правительством корабль и через Японию вернулись на Родину...

На этих стипендиях учились русские и калмыки: Санжа Степанов, Бурулдунов, Нури Маглинов, Эрдне Николаев, Далантинов, Лиджа Уланов, Алексей Шурганов, Санжа Ункуров.

Но в 1932 году стипендии иностранцам прекратили выдавать, отказывали предоставлять работу. Николай Бадминович возвращается в Белград. Работает на разных заводах — здесь и в Германии знание немецкого языка помогает ему найти хорошую работу. Забота о насущном, о содержании семьи не мешает ему интересоваться жизнью калмыков в СССР и быть всегда истинным патриотом. В США он с 1951 года. Его почетный возраст согревают дети. Старшая дочь Ялмашка подарила ему внуков и правнучку. Ее муж — известный Калмыкии бизнесмен Джиджа Андреев.

О Байярке я уже упомянул. Сын ее, Басан, посвятил себя педагогике — воспитанию молодого поколения. Он преподавал по специальной методике на Аляске, в Австралии, в различных штатах Америки, был директором специ-

альной школы при ООН в Нью-Йорке, получил назначение: должность директора в Университете штата Северная Каролина.

Младшая дочь Нембрикова — Лиджма, заведует большим супермаркетом в Бриктауне. Офицер полиции господин Мантадора — ее супруг. Их счастье — трое дочерей, красивых, как степные тюльпаны.

Я был на свадьбе в Филадельфии — внучка Николая выходила замуж. Молодожены подкатили к буддистскому хурулу на белом лимузине. Невестка Дельгир, хотя ее избранник американец, решила обвенчаться по калмыцкой традиции. Два буддистских священника молитвами и благословением скрепили их брачный союз. Жених Марк с трогательным старанием выполнял весь свадебный ритуал (по-калмыцки). Он не скрывал, что счастлив, выбрав в жены такую очаровательную калмычку. А дед Николай танцевал на свадьбе наряду с молодыми...

Он немало видел на своем веку. Объездил Европу (тряхнуть стариной!), Канаду, Азию. Специально съездил в Индию, чтобы поклониться в храме в Дарма Сала и встретиться лично с Далай-ламой. Николай Бадминович считает, что вера — это духовная хранительница национального духа и традиции. И он молодеет, когда вспоминает свою поездку в Калмыкию вместе с дочерью Ялмашкой и внуком Эрдне. Жаль, что не застал в живых отца и братьев Джаба (Доба), офицера-танкиста, погибшего в боях за Берлин, Эрдне (Хамрай) и Виктор тоже не дождался приезда брата. Нембриков побывал на могиле брата Алексея в г. Черкесске. Тот был ответственным комсомольским руководителем и бойцом Красной Армии. Направляясь на новое место назначения в Кабардино-Балкарию, стал жертвой бандитского налета. (О нем подробно рассказано калмыцким журналистом Н. Илишкиным).

Сестра Нембрикова, Чимя, была замужем за командиром полка, подполковником Джиджиковым, отличившимся в войне с фашистами.

— На родной земле я был счастлив, — говорил мне Нембриков. — Я рад, что все калмыки грамотные, а молодежь прямо прелесть! Как хорошо, что сохранили наш фольклор — я наслаждался искусством ансамбля "Тюльпан". Элиста — очень зеленый город. Мне хочется верить, что Калмыкия уверенно пойдет по пути демократии и благоденствия.

Калмыки за границей свято чтут народные традиции — это их духовный мир, где они себя чувствуют недостижимыми в волнах океана чужого этноса. Здесь они обмениваются новостями на праздниках, передают детям свое уважение к обычаям и истории народа.

Каждый год американские калмыки собираются на древний весенний праздник "ОВА". Когда-то в этот день в степи, на зеленых полянах устраивались джигитовка, скачки, борьба, игры, народные гулянья.

В Хауэлле, в трех хурулах (построены на средства здешних калмыков) собираются соотечественники отметить ОВА. Как положено, устраиваются пикники. И все радостно приветствуют друг друга, обнимаясь: менд, сян гаруг! Здесь всегда бывал Николай Нембриков, которого, к сожалению не стало.

*Кирилл Джувинов.
г. Хауэлл, США*

АМЕРИКАНСКИЙ СЕРЖАНТ ДЖИРГАЛ ДЕЛЕКАЕВ



Он жилист, подтянут, чуть выше среднего роста, о таких говорят: "Военная косточка". Родился в 1949 году в ФРГ. В США переехал подростком с родителями, окончил колледж. Побывал на войне во Вьетнаме. Служил затем в Западной Германии, в Южной Корее, на территории США (в общей сложности 22 года).

Мы беседовали с ним на калмыцком. Вот что он рассказал:

О войне во Вьетнаме:

"Мы солдаты, выполняли приказ. В американской печати много писали о несправедливом характере вьетнамской войны. Называли ее грязной и т. д. Но журналисты не обвиняли нас, солдат. Критиковали Президента, сенаторов и других, пославших нас в далекую азиатскую страну.

Там было очень тяжело. Представьте себе джунгли, духоту, тропические ливни, москитов, высокую влажность. И бои, засады, кровь, гибель... Мы потеряли, по официальным данным, 55 тысяч человек. А вьетнамцы — около миллиона (видимо, включая гражданское население).

Многие юнцы не выдерживали физических и, особенно, морально-психологических нагрузок. Срывались, возвращались домой с проблемами (психическими расстройствами, влечением к наркотикам, алкоголю и т. д.).

Я выдержал, хотя мне было тогда 19 лет. Впрочем, все ребята-калмычки, попавшие во Вьетнам, устояли. Возвратились нормальными. Видимо, в наши гены еще во времена Чингисхана был заложен механизм преодоления трудностей (это я к слову).

Из солдат-калмыков во Вьетнаме погиб Хулхачинов. Он похоронен на Арлингтонском кладбище в Вашингтоне.

Да, вспоминать мне о той войне не хочется".

Об армии: "В 1970 году в армии США начались радикальные перемены, ее стали переводить на профессиональную основу. На эти цели были выделены огромные средства. Заменяли все, вплоть до формы.

Профессиональную армию стали называть "новой". В ней ввели контрактную систему набора, установили приличную оплату, создали хорошие бытовые условия, определили льготы и т. д.

И в армии исчез, как таковой, культ силы и кулака. Укрепилась дисциплина. Положительно решилась национальная (расовая) проблема. Современная армия США в принципе отражает национальный состав населения.

В ней служат белые и чернокожие, потомки переселенцев из стран Азии и Латинской Америки.

В новой армии солдат оценивают не по цвету кожи, а по тому, как они выполняют свои функциональные обязанности, свой воинский долг. К примеру, я, гражданин США калмыцкого происхождения, дослужился до сержанта высшего разряда, удостоился 18 наград. В том числе таких высоких, как "Соинт свикхе комендант", "Арну коммендацион медаль" и другие. За восемь наград, в том числе три за Вьетнам, мне, в свое время выписывали чеки на получение денежных вознаграждений: "Бери, парень, и трагь. Ты заслужил...". Эти долларовые приложения были одноразовыми, но довольно приличными".

О военной пенсии и льготах: "Я ушел в запас из армии с полной военной пенсией. Ее размер достаточен для содержания семьи на уровне американского стандарта.

У офицеров пенсия значительно выше, чем у нас, сержантов. Так, недавно, как мне известно, ушел в отставку из военно-воздушных сил подполковник Франц Бадмаев (кстати, неплохо владеющий калмыцким языком). Естественно, у него нет и не будет проблем бытового плана.

Я получаю дополнительную надбавку как участник вьетнамской войны. Имею право на льготные кредиты, первоочередное, если пожелаю, устройство на работу. Пользуюсь бесплатным медицинским обслуживанием в специальных лечебных учреждениях, а также 50-процентной налоговой скидкой.

Словом, государство, которое я оберегал 22 года, обеспечило мне нормальные условия жизни после увольнения из армии.

В США много различных благотворительных, в том числе патриотических, обществ, связанных с богатыми компаниями. Эти общества хорошо помогают ветеранам, особенно тем, у кого есть какие-то проблемы.

Я к их услугам не прибегал".

О противостоянии: "Мне довелось служить при пяти Президентах США: Никсоне, Форде, Картере, Рейгане и Буше. К слову, я здесь, в Элисте услышал такую шутку. Беседуют два приятеля. Один из них спрашивает:

— Ты знаешь о том, что каким-то по счету президентом США был американец калмыцкого происхождения?

— Да ну?! А кто? Имя его...

— Убуша Дордж... Американцы это наше калмыцкое имя произносят на свой лад — Джордж Буш.

Так вот я в период своей службы верил в то, что президенты США и советские руководители не допустят перехода противостояния двух сверхдержав в открытое столкновение. Война исключалась из-за ядерной мощи. Она в случае возникновения означала бы всемирную катастрофу, конец света.

В душе я был противником и локальных войн. Ничего, кроме жертв, крови и слез, они людям не приносят.

Вместе с тем считал, что присутствие наших войск в ФРГ, Южной Корее необходимо для сохранения стабильности. И потому служил на территориях этих стран (по три года в той и другой) добросовестно.

Из пожеланий землякам:

''Я очень рад тому, что имею возможность приезжать на родину предков, встречаться с родственниками (их нашел в Элисте и Черноземельском районе), со всеми вами. Приятно, что ваша молодежь хорошо, со вкусом одевается, стремится получить образование, думает о будущем. Что она жизнерадостна, доброжелательна, гостеприимна.

Я желаю, чтобы молодежь Калмыкии поняла необходимость здорового образа жизни (в США это давно поняли), резкого сокращения употребления спиртного (за океаном молодые калмыки равнодушны к вину и водке).

Надеюсь, что доживу до того времени, когда увижу выдающихся калмыцких спортсменов (сам увлекаюсь бегом на средние дистанции).

Я, как патриот своей страны — США, хочу, чтобы ваши молодые люди были патриотами своей страны — России, патриотами Калмыкии. И как истинные калмыки, знали свой родной язык.

Если надо, я могу оформить долгосрочную визу, приехать в Элисту и учить вашу молодежь калмыцкому языку''.

(''Это шутка американского сержанта запаса'', — улыбнулся Джиргал Делекаев).

ЭТОТ ОРИГИНАЛЬНЫЙ АМЕРИКАНЕЦ...



Интересный человек Санджа Цагадинов из Филадельфии (США). С кем бы не встречался в Элисте, производит впечатление эрудицией, прекрасным знанием калмыцкого и русского языков, образной, пересышаемой пословицами и поговорками, речью.

Свои рассуждения то и дело подкреплял афоризмами: ''Важна не позиция, которую мы занимаем, а направление, в котором мы движемся''; ''Грубость процветает при отсутствии самоуважения''; ''Надобно говорить не о том, что ел и пил, а о том, что видел и слышал'' и т. д. и т. п.

Давайте, уважаемые читатели, познакомимся с записями, сделанными мной в своем журналистском блокноте после бесед с Санджой Цагадиновым, слесарем высшей квалификации завода Форд, отцом шестерых детей (жена Геема Михайлова скончалась в 1984 г.), ценителем А. Пушкина, Л. Толстого и других русских классиков, знатоком фольклора, всю свою жизнь занимавшимся самообразованием.

С. Цагадинов об американских калмыках

Когда в начале 50-х годов калмыки-эмигранты пересекли океан и бросили якорь в США, грамотных среди них было мало. Приходилось полагаться на свои четыре конечности, делать все, что можешь, плюс сверх того еще немножко. Передышку давать себе не было возможности — ведь сидя только куры несутся.

В те годы у нас, калмыков, была на удивление сильная взаимопомощь, взаимоподдержка. Никого не оставляли в беде, жили по принципу: "Один за всех, все за одного". Оно и понятно: чужая, страшно далекая от родины страна, вокруг не наши, говорящие на совершенно непонятном для нас языке люди.

Выжили мы в Америке. Приспособились к новым условиям. Пустили корни.

Сейчас калмыков в США около 2-х тысяч, включая детей от смешанных браков. Они, в основном, так называемые средние американцы. Очень бедных или очень богатых среди них я не встречал.

Что из себя представляет средний американец? Как он живет, чем интересуется, о чем печется? Для него, среднего американца, главное материальное благополучие семьи, работа, дом, машина, наличие гарантий на случай непредвиденных обстоятельств, финансовая независимость, гарантии будущего детей (образование, профессия, благополучие) и т. д.

Дети проявляют большую самостоятельность еще в школьном возрасте, учатся (вернее, их учат) американской предприимчивости. Они независимы от родителей в вопросе выбора профессии. Сам образ жизни заставляют их быть такими.

Калмыцкая молодежь — не исключение. Но в нашей диаспоре старшие стараются привить молодым любовь к родине предков, воспитать желание познать себя, историю, культуру и язык калмыков.

Радует, что американские калмыки старшего поколения прилично говорят на родном языке, а многие — на русском.

Молодые калмыки, получив образование, уезжают из Филадельфии и Хауэлла, где живут основные группы диаспоры. Идет ассимиляция. Ничего не поделаешь, это процесс неизбежный.

Полагаю, что как национальная группа в США мы уцелеем, если будем тесно связаны с вами, с Калмыкией.

О Калмыкии

Калмыкия — ваша родина, наша прародина. Тяга к ней представителей нашего старшего поколения огромная. Большое желание побывать в Калмыкии проявляет также и молодежь.

Когда в Хауэлл или Филадельфию приезжают гости из России, наши люди, в том числе и молодые, встречают их радушно, стараются сделать им приятное, удовлетворить их интересы.

Нам надо усиливать взаимные связи. Постараться лучше понять друг друга. Не терять времени, ибо ни у вас, ни у нас нет лишних средств, чтобы расточать их безответственно. Надо способствовать контактам и взаимовлиянию, чтобы все положительное шло в обе стороны.

Элиста, я считаю, должна стать столицей всех калмыков мира. Ведь только в России есть Республика Калмыкия со своим Президентом, своим правительством, своим университетом, своими национальными школами, театром, ансамблями, газетами, телевидением и радио и т. д. И мы, американские, французские и другие калмыки, должны быть заинтересованы в том, чтобы столица республики с каждым годом хорошела.

Элиста — очень зеленый, компактный город. Вы не представляете какую радость и гордость я испытываю, когда, сойдя с самолета, ступаю ногой на калмыцкую землю. Я в Элисте уже во второй раз.

Вы счастливы, что имеете свой такой город. Счастливы и мы, ваши соотечественники.

Что меня обрадовало у вас? Прежде всего, люди. Их национальная терпимость (я не заметил ни одного признака розни). В автобусе молодой человек русской национальности уступил мне место, вежливо пригласив сесть. Меня также обрадовало желание ваших девушек модно, со вкусом одеваться, тяга вашей молодежи к образованию, к иностранным языкам, ее стремление к общению с нами, сородичами из США и других стран, усиление внимания к родному языку, (кстати, язык журналистов вашего радио и телевидения прекрасен), высокий дух, оптимизм элистинцев, несмотря на трудности переходного периода.

Пожелания

Калмыки — люди безусловно способные (я российский и американские). Но меньше бы нам взаимного несогласия, больше уважения к мнению других.

Объединительная идея должна быть и жить в нас. Я бы хотел, чтобы Элиста стала для калмыков такой же, как Мекка для мусульман. В связи с этим скажу, что я сторонник создания ассоциации калмыков мира с центром в Элисте.

Я желаю усиления связей молодежи Калмыкии и США, поощрения браков, организованного изучения калмыцкого языка в нашей диаспоре с помощью ваших учителей, дальнейшего обогащения и без того богатой научной библиотеки КИОНа, обучения в вашем университете калмыков из США, Синьцзяна и других стран, издания общими усилиями хотя бы части трудов по калмыковедению профессора Н. Н. Поппе. Кстати, он полушутя говорил: "В том, что я очутился в США, виноват И. К. Илишкин, директор Калмпединститута. В сорок первом меня приглашали буряты, монголы, а Иван Кузнецович взял и перетянул из Ленинграда в Элисту. Летом сорок второго я с семьей попытался ударить от немцев на полуторке. Но не тут-то было. Машину догнали мотоциклисты, повернули назад. Узнав, кто я, отправили в Берлин. А в сорок пятом американцы увезли за океан."

Стоило бы заинтересоваться и работами американского востоковеда шведского происхождения Боссена, ученика Поппе, который хорошо говорит и пишет на калмыцком.

Не следовало бы забывать Рамстедта, издавшего большой калмыcko-немецкий словарь и его ученика Пенко Аамо, который с помощью калмыков-эмигрантов перевел ряд калмыцких песен.

А вас я попросил бы разыскать Александру Басанову. Ее судьбой до сих пор интересуются многие американские соотечественники, на коих она произвела большое впечатление своей смелостью, решительностью, патриотизмом.

Басанова, вызволенная из немецкого лагеря эмигрантами, агитировала их вернуться на родину. Отказавшись остаться в американской зоне оккупации, она добилась выезда в Союз. Одни считали ее попавшей в плен танкисткой, другие — парашютисткой.

Что же с ней случилось после возвращения на родину? Арестовали? Расстреляли? Или не тронули? Тогда почему никто ничего не знает о ней?

Да, нелегкую задачу поставил перед собеседником С. Цагадинов, этот оригинальный американец.

* * *

Судьба женщины, которой интересовался С. Цагадинов, сложилась (удалось узнать) трагически. Александра Егоровна Басанова, 1913 года рождения, учительница начальных классов, дочь участника русско-японской, 1-ой мировой и гражданской (на стороне красных) войн Егора Андреевича Басанова, 25 июня 1941 года была взята в плен немцами, когда отступала в составе нашей воинской (танковой) части. (Одним из подразделений этой части командовал ее земляк, за которого она должна была выйти замуж).

Три года содержалась она в лагере для военнопленных, в Вильнюсе, в тяжелейших условиях. В июле 1944 г. была вызволена из концлагеря, так называемым "калмыцким комитетом", вывезена в Германию, где работала у немца-хозяина.

Будучи освобождена американцами, повела агитацию за возвращение калмыков на родину, в СССР.

4 ноября 1946 г. А. Басанова была арестована в Новосибирске, органами МГВ "за пособничество врагу в годы войны, антисоветскую пропаганду, восхваления строя фашистской Германии". Следователи МГВ вменили ей в вину еще то, что "она не дождалась в немецком концлагере прихода советских войск, поставив тем самым свои личные интересы выше интересов родины".

Три с лишним месяца держали обвиняемую во внутренней тюрьме МГВ в Новосибирской области, добиваясь признания "вины", которой у нее не было.

Суд был скорым, формальным, несправедливым, бесчеловечным. Прокурор — женщина потребовала определить Басановой высшую меру наказания — расстрел. Адвокат попросил суд не лишать подзащитную жизни.

Суд приговорил А. Е. Басанову к 10-ти годам лишения свободы без конфискации имущества из-за неимения такового с последующим поражением в правах на 5 лет.

Так женщина, три года томившаяся в немецком лагере для военнопленных, была отправлена "своими" в концлагерь на далекую Калыму. Она, оклеветанная и оболганная до непреходящей боли в душе, униженная и чудовищно несправедливо наказанная, была посмертно реабилитирована — то есть признана невиновной после ухода в небытие.

СЭМ (ПЮРВЯ) САРАН: "Я БЫЛ НА ВОЙНЕ В КОРЕЕ"



Гражданин США калмыцкого происхождения Сэм (Пюрвя) Саран живет в штате Нью-Йорк, в районе Лонг-Айрленда ("Длинного острова"). Он типичный среднеамериканец, имеющий собственный офис (дом), приличную пенсию (ему за 60 лет и т. д. Но американец с примечательным штрихом в своей биографии, связанным с участием в корейской войне 1950—53 гг. В войне, которую наша пресса освещала в то время односторонне, "дозированно", в рамках дозволенного. А что дозволялось нам знать, решали "верхи", идеологи разного уровня.

В пятидесятом, обвинив Южную Корею в провокациях, войска маршала Ким-Ир Сена вторглись на ее территорию и,

преодолевая сопротивление южнокорейских частей, двинулись к Сеулу. И если бы не вмешательство Вооруженных Сил США (как писали тогда в наших газетах), Южная Корея потерпела бы сокрушительное поражение. Американцы разбили Северо-корейскую армию и двинулись по направлению к Пхеньяну. И тут в бой вступили, как сообщала наша пресса, "китайские части, составленные из добровольцев." Китайские народные добровольцы" принудили отступить американцев, которые закрепились на 38-й параллели, где продолжительное время шла позиционная война.

Примерно так информировала нас в тот период наша печать. Ну, а как выглядела та война в глазах ее американского участника?

— *Давайте, Пюрвя, в нашей беседе коснемся темы войны в Корее, сорокалетней давности, Вы не против?*— спросил я собеседника.

— Не против,— ответил он.— Только не будем слишком улубляться в политику. В вашей прессе нас называли интервентами. Но мы сражались под

флагом ООН вместе с турками, англичанами, французами, латиноамериканцами и другими против агрессора — Северной Кореи (такое решение было принято ООН).

— Но основную ударную силу все же составляли вы, американцы?

— Да, костяком сил ООН были флот, авиация, мотопехота США, обладавшие огромной огневой мощью. Например, я командовал экипажем танка "М-46", имея звание сержанта 1-го класса. Снарядов не жалели.

Там, в Корее, столкнулись войска развитых стран, оснащенных новейшей по тому времени техникой, а с другой — китайская пехота слабо вооруженная, но многочисленная.

— В наших средствах массовой информации китайских бойцов называли "народными добровольцами". Как они воевали?

— Хорошо. Их командиры жизнь солдат не ценили (так считали мы тогда). Несли страшные потери от шквала огня с воздуха, моря, земли. Но держались. Бывало, даже контратаковали по ночам.

Однажды, в ночную темень войны из монгольской дивизии (видать, отборные молодцы), зайдя в тыл пуэрториканской части, разгромили ее внезапным ударом, часть солдат захватили в плен.

— В китайских войсках были и монгольские части?

— Как я сказал выше, монгольская дивизия. Нам говорили, что в Китае есть одна монгольская провинция. И дивизия — оттуда.

— Скажите, Пюрья, китайцы сдавались, вернее, попадали в плен? Ну и монголы?

— Конечно, попадали. Война есть война. Мне несколько раз довелось видеть пленных китайских солдат. Они не выглядели испуганными или морально подавленными. Скорее, уставшими. Видел комиссара. Держался, как мне показалось, высокомерно. Что-то кричал. А вот пленных монголов увидеть не довелось. Если бы встретил хоть одного, обязательно поговорил бы. Ведь наши языки сходные.

— А ваши солдаты попадали в плен?

— Наверное, попадали. Выше я рассказывал, как монголы взяли в плен пуэрториканцев. Но наши потери были несравнимы с потерями китайцев и северокорейцев. Китайцы людей не жалели, а мы не жалели технику, боеприпасы. Людей берегли. Через каждые пять месяцев нас вывозили в Японию на отдых на транспортных самолетах. Там, в курортном местечке Тагикавы, мы весело проводили положенные десять дней отдыха, развлекаясь в барах, ресторанах и других увеселительных заведениях. За 13 месяцев своей службы в Корее я побывал в Тагикаве дважды.

— Извините, Пюрья, вернемся к пленным. Как с ними вы обращались?

— Повторяюсь, мы воевали под флагом ООН. Каждый из нас знал, что мы должны обращаться с пленными в соответствии с Женевской конвенцией.

— Пюрья, каких наград Вы удостоились и какими льготами пользуетесь, как ветеран войны?

— Награжден медалями ООН и США. А как ветеран войны освобожден от

всех налогов (в Америке они значительны). Имею право на бесплатное медобслуживание и учебу. Получаю военную пенсию.

— А размер ее?

— О, это важный военный секрет (смеется). Знаете, у нас в США не принято говорить о доходах, расходах и т. д. Скажу, что пенсии мне хватает на жизнь. На поездки в разные страны. Видите, я прилетел в Элисту к родственникам.

— Ваши впечатления и пожелания, Пюрвя?

— Впечатления незабываемые. Вы удивительно гостеприимны и дружелюбны — и калмыки и русские. Я искренне рад тому, что у вас спокойно. Нет конфликтов, как в некоторых других местах. Мы дома в США смотрим телепередачи и знаем, что в вашей стране происходит. Беспokoимся. И очень хотим вам мира, благоденствия, лучшей доли.

Я в молодости был на войне. И знаю ее цену. Цена — выше золота, выше всего на земле: человеческая жизнь. А ведь жизнь человека — бесценна. Поэтому война должна быть исключена на нашей планете. Я — убежденный сторонник мира, дружбы людей. И от всей души желаю вам сплоченности, согласия, счастья!

БАБУШКА АМЕРИКАНСКОГО ПОЛИЦЕЙСКОГО



73-летняя американка, уроженка Турции Леля Далантинова живет в Филадельфии с внуком Андреем, сыном старшей дочери. А детей у нее шестеро: Земя — налоговый агент, Байрка — парикмахер, Бармака — фармацевт, Надя — полицейская, Жаннет — почтовый работник и сын Будда — служащий телефонной компании.

Андрею, внуку, 27 лет. Это высокий, крепкого телосложения парень, связавший свою жизнь со службой в полиции. О нем писали в газетах, как о храбром и решительном полицейском, задержавшем опасных преступников.

— Да, он и смелый и сильный, — рассказывает бабушка. — Но если бы вы знали, как он плакал после той схватки? Бандиты убили его напарника, и ему было очень и очень жаль своего друга...

Беседовать с Далантиновой было легко: она хорошо говорила на калмыцком и русском.

— Родилась в 1922 году в Турции, в Константинополе, — рассказывала гостя. — Затем жила с родителями в Сербии, в Белграде, где калмыки создали свою колонию. Возглавлял ее полковник Абуша Алексеев.

Училась в русской школе, а три года — в Пражской русской гимназии на калмыцком отделении. (Как известно, гимназия для детей российских эмигрантов в Чехословакии была открыта благодаря фонду, созданному знаменитым норвежским полярником Ф. Нансеном, а калмыцкое отделение в ней — усилиями известного общественного деятеля Бадмы Уланова. Н. И.)

В 1940 году связала свою судьбу с Садманом Далантиновым.

МУЖ

Садман Лиджинович, 1908 года рождения, был интересной личностью. Окончил Пражскую гимназию, Карловский университет и вошел в число трех ведущих инженеров-градостроителей довоенной Югославии. Он был известен как специалист по сейсмоустойчивым зданиям и мостам.

Его высокую квалификацию оценили позже в Германии, где высокомерные баварцы доверили ему должность директора технического училища в городе Ингелштадте.

Эмигранту, к тому же азиату, в Германии, да еще на такой земле (провинции), как Бавария, и думать нельзя было о том, чтобы возглавить училище, причем техническое. А вот мужа назначили. Что значит имя!

К нам в Ингелштадт иногда приезжал князь Николай Тундутов, приятной внешности, культурный и вежливый человек. Он считался родственником мужу — был одной с ним кости, кажется, "дород". Двум образованным землякам было о чем поговорить. Тундутов, если мне не изменяет память, владел русским, немецким, английским и французским языками, а муж — еще сербско-хорватским и чешским. Правда, французского он не знал.

Приятно было их слушать. В беседах они не касались политики, а больше говорили о прошлом, истории калмыков, судьбе эмигрантов и т. д.

Князь Николай Тундутов в то время уже был женатым. Его супруга, дочь знатного калмыка, находилась в Париже (Александра, дочь ульдучинского зайсанга Гари Балзанова, владельца Лолы. Н. И.)

Мужа ценили не только в Сербии и Германии, но и в США, куда мы переехали в 1952 году. К нему тянулась молодежь. И не только калмыцкая.

Его настоящая фамилия была Мангатов. Далантиновым его записали в двадцатом году, чтобы он смог попасть на пароход, отплывавший с эмигрантами в Турцию.

МАНГАТОВЫ

Мангатовы были защитниками Отечества, храбрыми офицерами русской армии. Старший брат моего мужа Батыр командовал полком, имел звание полковника. Пропал в начале гражданской войны. Его портрет я привезла в Элисту. Отдаю Вам, только с возвратом.

Если вам что-либо известно об офицерах Мангатовых, прошу рассказать. Я своему внуку Андрею и дочери Наде, тоже полицейской, часто говорю: "Не

подавайтесь. Побеждайте! Ведь вы — потомки российских Мангатовых. Потомки героев!..”

— Да, действительно два офицера Мангатовы стали героями 1-ой мировой войны,— ответил я американке.— В октябре 1914 года сотник Николай Мангатов с казачьим разездом 19-го Донского полка вырубил германский эскадрон “бессмертных гусар”. Об этом подвиге донцов писали во многих российских газетах.

19-й Донской полк, которым командовал полковник Батыр Мангатов, двоюродный брат отличившегося сотника, вскоре навестил князь Данзан Тундутов, адъютант Верховного Главнокомандующего русской армией Великого князя Николая Николаевича (дядя царя).

Теперь, после беседы с вами, понятно, почему Данзан Тундутов (отец Николая, котоый наезжал к вам время от времени в Ингелшгадт) благоволил к братьям Мангатовым: он был “одной кости” с ними.

Николай погиб позже в одном из боев, Батыр вернулся с фронта в свою станицу Денисовскую (Богспранхи) с боевыми наградами. В начале гражданской войны он был убит красногвардейцами. Газета “Донская волна” поместила его портрет и опубликовала сообщение: “Погиб полковник Батыр Мангатов, краса и гордость донского казачества...”

— Выходит, правильно поступаю я, говоря внуку: “Ты, Андрей, потомок Мангатовых. Гордись своими предками, родом!”

Признаюсь, очень волнуясь, когда он выезжает на патрулирование. Молочко, прошу Бурхана смилостивиться над парнишкой.

Андрей хочет побывать в Элисте. Может, здесь встретит девушку, которая ему понравится, а он — ей. Со мной в Элисту приехала внучка моей младшей сестры. Зовут ее Николь, работает в ювелирном магазине. Ах, как ей тут у вас понравилось! Она в восторге от вашей молодежи, — и калмыков и русских. Желает снова посетить Элисту.

Здесь, в Калмыкии, у нас оказалось столько родственников, что просто голова идет кругом от радости. Николь, моя внучатая племянница, — нарахват. Когда будем уезжать, наверное, не избежать слез. (Действительно, покидая Элисту, Николь рыдала.)

...Вот такая встреча и беседа состоялась у меня с соотечественницей из-за океана, полушутя, полусерьезно представившейся:

— Бабушка полицейского. Будем знакомы... Знаете, в США полицейских уважают,— продолжала она.— Они защищают граждан. Но не имеют права превышать свои права. Ведь у нас в стране превыше всего — Закон. И преступать его невозможно, даже Президенту.

Закон не писан лишь для тех, кто занимается черными делами в темную ночь. Вот с ними и борется мой внук. А также моя дочь Надя, которая тоже находится на опасном участке, связанном с наркоманами и грабителями.

Я горжусь ими, потомками славных офицеров русской армии Мангатовых.

ПОЭТ ЕГОР БУДЖАЛОВ об американских сородичах:

Калмыцкая диаспора США численностью более полутора тысяч человек сосредоточена в основном в городах Хауэлл (штат Нью Джерси) и Филадельфия.

Живут наши соотечественники в достатке, имеют собственные многоквартирные дома, машины и т. д.

Меня приятно удивили и обрадовали их трудолюбие, дисциплинированность, чувство ответственности, добросовестность, профессионализм.

За несколько месяцев пребывания в США (там гостил дважды) я не встретил ни одного бездомного или очень бедного, опустившегося калмыка, по нашим понятиям, разгильдяя, бродягу, пьяницу.

Хочу особо подчеркнуть, что употребляют спиртное они редко, в меру, в ограниченных дозах. И что отрадно, их молодежь равнодушна к винно-водочным изделиям.

Главное для наших сородичей — работа, а также учеба, приобретение специальности, материальное положение семьи.

Подчеркну еще раз: на первом плане у них — работа. Приведу пример. Бригада строителей Ними Урубжурова из 20 человек во главе с инженером Очиром Кутиновым за 3 месяца сдала под ключ целый городок из 60 сборных домов (коттеджей). Причем, разных, не однотипных. Разумеется, на фирме Ними Урубжурова ручного труда, как такового, нет.

Среди калмыцкой молодежи есть юристы, врачи, военные, полицейские, программисты, бизнесмены и т. д. Нашли свое достойное место в разных сферах деятельности Борманжиновы, Абушиновы, Бурхиновы, Иванчуковы, Кульдиновы, Андреевы, Мушаевы, Чурюмовы и многие другие представители молодого поколения.

Отмечу, что ни один американский калмык пока не попал, как у нас говорят, "за решетку", т. е. в тюремную камеру. Поразительно, но это факт.

Но не хлебом единым ведь жив человек. Переехавшие в начале 50-ых годов из Европы в США калмыки заботились о возрождении своей духовности. Построили 3 хурула в Хауэлле (инициаторы Норон Адыанов, Самбу Бадушев, Джиджа Андреев) и один — в Филадельфии (руководили его строительством Очир Кутинов и Гавриил Буджалов).

Примечательно, что по инициативе доктора Степанова, Содмана Кульдинова, Петра Яманова, Данары Баяновой, Петра Джевзинова и других создали в диаспоре калмыцкий культурный комитет, открыли воскресные школы для обучения детей родному языку (С. Цагадинов), организовали выпуск местного калмыцкого Букваря и учебных пособий, возродили детскую художественную самодеятельность (в Филадельфии руководителем была Надежда Буджалова).

Восстановление автономии калмыцкого народа в СССР вызвало неописуемую радость диаспоры: "Калмыки сохраняются как народ. Возродят культуру, язык, искусство..."

Американцы стали получать книги из Калмыкии на родном языке, Буквари, пособия от родственников. И потому надобность в "своих" самодельных учебниках отпала.

Прошло более четырех десятилетий со времени переезда калмыков из стран Европы в США, и возвращения их основной массы на родину из Сибири. Ныне калмыцкая молодежь Америки уже плохо знает свой язык, частично ассимилируется, выезжая после получения образования и специальности в другие штаты. Но интерес к родине предков по-прежнему проявляют, растет число юношей, желающих связать судьбу с девушками из Калмыкии. Уже более 30 калмычек из Элисты и районов пересекли океан, выйдя замуж за молодых американских соотечественников. Они прижились там, рожают и воспитывают детей, научились английскому языку, водят машины и т. д.

— Завидую вашему богатству! — воскликнул как-то американец Аркадий Цебигов. — Ваше золото — это девушки! Они продлят существование нашей диаспоры в США, вливая в нее свежую кровь...

Да, калмыцкая диаспора США — по своему уникальное явление для такого небольшого по численности народа, как наш.

ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК КИМ ШОВУНОВ О ПРОФЕССОРЕ АРАШЕ БОРМАНЖИНОВЕ:

"Это ученый в подлинном смысле этого слова. Высокообразованный, высококультурный, эрудированный, отлично владеет кроме английского, русским и немецким языками. Хорошо говорит на родном, калмыцком.

Араш Борманжинов — специалист по филологии, истории и культуре монгольских (и не только их) народов. Участник и автор научных докладов на многих десятках международных симпозиумах. Его авторитет как знатока мировой научной литературы непререкаем.

Интерес и познания ученого в области истории калмыцкого народа не могут не вызывать уважения. Он истинный патриот. Благополучие, счастливое будущее своего народа, этноса для него превыше всего.

Хотя Борманжинов живет вдали от нас, за океаном, он душой и сердцем с нами, российскими калмыками, имеющими свою государственность в составе России.

Впрочем, таковы и многие другие американские калмыки: Николай Ремелев и Темча Шовгуров, Содман Кульдинов и супруги Василий, Полина Халгиковы и т. д., с которыми мне довелось встретиться и беседовать в США".

АМЕРИКАНЕЦ ЦЕРЕН ХОНИН О СМЫСЛЕ СВОЕЙ ЖИЗНИ:

"Я живу в поселке Клод Снек, неподалеку от Нью-Йорка. Мне уже 67. С высоты своего возраста обзираю пройденный путь, и прихожу к выводу, что родился на свет не зря. Воспитал трех дочерей — Церенку, Дорджиму и Дельджию, которые выросли хорошими людьми, добрыми и отзывчивыми.

Жена, Булгун Ачканова, родившаяся во Франции, родственница профессора Араша Борманжинова, прекрасная портниха, душевный человек, скончалась в 1996 году.

Что мне ныне надо? Себе — ничего. Живу в достатке. Детьми, как сказал выше, доволен. А вот родственникам в Калмыкии надо помочь. И основательно.

У меня 3 племянника и 3 племянницы. Я помогаю им. И буду дальше. Хочу, чтобы они окрепли материально. Проявили инициативу, характер, волю.

Трое из шести (все они туктунские Кетченеровского р-на) теперь живут в Элисте. Помог им построить дом. (Двухэтажный, красивый — Н. И.) Хочу, чтобы и остальные трое переехали в город.

Пока ноги меня несут, буду приезжать, оказывать помощь.

Люди должны поддерживать друг друга. Подставлять плечо тем, кто слабее. Без этого никак нельзя. Если ты живешь хорошо, а твой близкий плохо, счастье твое будет далеко не полным. Потому помогать надо людям. И не уставать это делать. Ведь добро добром к тебе потом вернется.

Я доволен и горжусь тем, что у калмыков есть своя республика. И очень хочу ей процветания. А народу — блага и здоровья.

В этой связи я приветствую Указ Президента Кирсана Илюмжинова об утверждении здорового образа жизни.

В США давно борются против злоупотребления спиртным и табаком. И ведущую роль в пропаганде здоровых начал играют телевидение и газеты. Это дает хорошие плоды.

У нас среди калмыцкой молодежи пьяниц нет. А у вас, к сожалению, многие пьют азартно.

Надеюсь на скорые изменения в этом вопросе, в лучшую сторону. Уверен также, что ваша молодежь завтра будет проявлять больше интереса к своему языку, обычаям и культуре, чем сегодня.

Ведь как этнос, как калмыцкий народ сохранитесь только вы. А поддерживая связь с вами, как диаспора в США, дольше сохранимся и мы”.

МАЙКЛ ФЕРГЮССОН, МЭР ХАУЭЛЛА:

”Я друг Калмыкии”.

На праздновании 550-летия эпоса ”Джангар”, в августе 1990 года в составе делегации наших соотечественников, возглавляемой Джиджей Андреевым, в Калмыкии побывал Майкл Фергюссон, мэр города Хауэлл, где проживает около тысячи американских граждан калмыцкого происхождения.

После праздничных мероприятий, встреч с нашими горожанами и сельчанами он признался тогдашнему председателю исполкома Элистинского горсовета Николаю Секенову:

— Ехал к вам с предубеждением — результатом нашей пропаганды, ”холодной войны”. Потребовалось немного времени, чтобы мое превратное мнение о вас в корне изменилось. Вместо ”осторожных, оглядывающихся на

свое начальство работяг" увидел жизнерадостных общительных, приятных, одетых по-современному, а не в униформу горожан, проявлявших к нам искренний интерес и внимание: дружелюбие, гостеприимство, душевная щедрость, не могли не тронуть наши сердца.

Невозможно было не полюбить таких хороших, радушных, открытых людей, как вы. Я вернулся домой другом Калмыкии, ее народа...

В 1995 году Майкл Фергюссон, страдавший неизлечимой болезнью крови, попросил друзей отвезти его на концерт ансамбля "Ойраты". Тот самый, который произвел фурор в Хауэлле и был назван американцами уникальным.

Он смотрел на выступления полюбившихся ему еще пять лет назад в Элисте артистов, и плакал.

Вскоре его не стало.

ФРАНЦУЗСКИЕ СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

ЗАПАХ СТЕПНОЙ ПОЛЫНИ.

В мае 1991 года в исполком общества по сотрудничеству с соотечественниками за рубежом "Хальмг тангч", на имя его председателя К. П. Катушова пришло письмо от исполнявшего обязанности, в то время президента калмыцкой общины в Париже Николая Чонджинова с просьбой принять в августе группу французских калмыков, примерно в 50 человек.

— Многие из них давно хотели побывать в Калмыкии, на земле предков, восстановить прерванные родственные связи, ознакомиться с жизнью, бытом, культурой народа, к коему имеют честь принадлежать, — рассказывает Ким Петрович. — Естественно, мы в обществе не могли не пойти навстречу этому, вполне понятному, чисто человеческому желанию своих зарубежных сородичей.

— Состав группы по возрасту был разным, — рассказывает далее К. Катушов. — Среди них были и те, кто родился в России до революции и попал на чужбину в малолетнем возрасте (Натали Бембикова, Коси Балдашинова, Анка Балюгинов, Николай Докуров), и те, кто родился за рубежом (Баязет Манжигов — в турецком городе Баязет, Николай Чонджинов, Леонид Чанчинов — в Болгарии, Шиля Кучинов — в Югославии, Намча Бембинова, Алекс Бембиков, Мишель Балдашинов, Мишель Итаков, Игорь Саргинов и другие — во Франции).

Прием столь многочисленной делегации потребовал немалых усилий организационного характера. Была создана специальная рабочая группа во главе с заместителем председателя совмина Б. У. Ильиным, разработаны мероприятия, утверждена программа пребывания гостей в республике, распечатана по дням и часам. В ней (программе) с учетом пожеланий сородичей предусматривалось посещение Городовиковского, Черноземельского, Кетченеровского, Юстинского, Ики-Бурульского, Яшкульского районов и города Волгограда.

Была намечена большая культурная программа.

Наши соотечественники из Франции, решившие посетить свою прародину с чистыми, благородными намерениями, были встречены исключительно тепло, по-братски. Гостеприимство и радушие юстинцев и кетченеровцев, черноземельцев и ики-бурульцев, городовиковцев и яшкулян, элистинцев и других удивило и растрогало их. Они пролили немало слез, впервые в жизни ступив на землю предков, казавшуюся ранее для них недостижимо далекой, недоступной.

Следует отметить, что наши французские собратья приехали к нам не с пустыми руками, как говорится, привезли с собой "белг" (подарки) престарелым, больным, детям-сиротам, медучреждениям (дефицитные лекарства и др.). Мы же постарались, чтобы посещение своей прародины запомнилось им навсегда, на всю оставшуюся жизнь. В этом нам хорошо помогли руководители

республики, Элисты, районов, ведомств, совхозов и колхозов: В. М. Басанов, Б. Ч. Михайлов, Н. К. Семенов, А. Б. Очиров, Б. И. Янжинова, И. Э. Бугдаев, И. Н. Басанов, Н. С. Прокуроров, Е. Ф. Кувакова, Г. К. Ким, И. М. Шевченко, А. Б. Баулкин, В. В. Зотов, В. Г. Салдусов и другие, а также наше население, труженики полей и предприятий, независимо от их национальной принадлежности.

Приезд соотечественников из Франции способствовал установлению дружеских контактов, восстановлению прерванных родственных связей, чему мы были, естественно, рады.

Думаю, что нашим французским собратям у нас понравилось, — закончил свой рассказ Ким Петрович Катупов, благодаря которому и созданному по его инициативе обществу стал возможен приезд в Калмыкию столь многочисленной группы соотечественников из Франции.

* * *

...Да, понравилось у нас сородичам. И очень. Вот как выразил настроение гостей в своем письме из Испании Николай Кучинов: "Дорогие!.. Вы не можете себе представить, как хорошо, как приятно нам было в Калмыкии. Не буду описывать, как нас встречали! Не хватает слов, чтобы выразить наши чувства. Жалко, что 15 августовских дней нашего пребывания в Калмыкии так быстро пролетели. В Москве, в гостинице, где мы остановились на обратном пути, вспоминали Калмыкию, плакали от радости и боли разлуки.

Хонгор Петрович Хомутников, провожавший нас, тоже расстроился.

Наш полет из Москвы до Парижа был сплошным разговором о родине. Все мы с восхищением вспоминали радостные встречи с нашим народом. И за такими беседами незаметно прилетели в Париж. Но и там, в парижском аэропорту, продолжались наши горячие и сердечные беседы о родине. Нам было грустно от того, что расстались с Калмыкией, где вместе провели столько приятных дней.

Да, сейчас наше пребывание в Калмыкии кажется чудесным сном: ведь все мы мечтали попасть на родину еще с юных лет. И в конце концов наше желание исполнилось. Жаль, что нашим родителям не удалось повидать свой родной край, насладиться сладким запахом полыни. Но зато мы, их дети, осуществили мечту старших.

В парижском аэропорту мы прощались очень долго, никто не двигался с места. И мы решили пойти в бар. Там, за кружкой пива, долго сидели, не желая расставаться. А разговор продолжался на одну и ту же тему — о родной Калмыкии.

Мы с энтузиазмом делились впечатлениями с друзьями и родственниками, ожидавшими нас в аэропорту. Время шло, но мы продолжали оживленно беседовать. Но надо было разъезжаться по домам. И мы нехотя, с нежеланием стали потихоньку уезжать.

Вот как прошел наш полет Москва—Париж... Да, сладок запах полыни!..

Я бы хотел еще раз от имени калмыков западноевропейских стран поблагодарить всех наших соотечественников за внимание к нам, братское отношение и неопишемое калмыцкое гостеприимство!

Обнимаю нашу милую родину, всех наших дорогих соотечественников!

Николай (Шивильдя) Кучинов''.

Р. С. Николай (Шилия) Кучинов родился в 1932 году в Болгарии. С 1944 года жил в Германии. Переехал в 1952 в США. В 1964 году перебрался в Испанию, завел собственное дело по торговле на фирме в Барселоне. Владеет калмыцким, русским, английским, испанским, немецким, сербско-хорватским, болгарским и чешским языками.

Жена Мария-Тереза (Майте) — испанка. Дочь Вероника — инженер. Сын Дэвид — специалист по индустриальной экономике, а дочь Сильвия — специалист по истории искусств.

Николай (Шивильдя или Шилия) Кучинов вместе с Николаем Чонджиновым был одним из инициаторов поездки французских калмыков на родину предков в августе 1991 года.

СПИСОК ФРАНЦУЗСКИХ ГРАЖДАН, ВЫРАЗИВШИХ ЖЕЛАНИЕ ПОСЕТИТЬ КАЛМЫКИЮ (в августе 1991 года)

Ф. И.	Год рождения и место рождения
Думалин Надя	18.01.22 г. Константинополь
Иванова Норма	10.01.29 г. Белград
Дакава Мари	29.06.20 г. Париж
Итаков Мишель	13.04.25 г. Сурон, Франция
Доржинов Борис	01.02.22 г. София, Болгария
Ванькина Ольга	20.09.26 г. Ромба, Франция
Чулькина (Бембикова) Жаннет	04.05.34 г. Лоре, Франция
Бембинова Намча	21.03.31 г. Пэрэй ле Мариал, Франция
Доржинов Цаган	22.02.31 г. Женин Шарфо, Франция
Вердьё Анни-Женнин-Марсель (жена Цагана)	28.11.37 г. Лион, Франция
Саранова Лиза (жена Ильи)	09.01.28 г. Нант, Франция
Юнзуков Илья	24.01.23 г. Константинополь
Балдашинов Мишель	08.01.40 г. Пончара
Манжиков Баясет	01.04.19 г. София
Чонжинов Николай	13.03.26 г. София
Ванькина Жизель	08.01.50 г. Монтажи, Франция
Фульженци Мари-Граци	31.10.41 г. Калацио, Италия
Бембикова Натали	24.05.13 ст. "Денисовская", Россия
Чанчинов Леонид	18.06.25 г. София

Ф. И.	Год рождения и место рождения
Диделон Жерар Антуан	30.05.28 г. Оран, Алжир
Чанчинова Анастасия	29.04.33 г. Париж
Доржинов Домба	03.10.28 г. Амневиль, Париж
Балдашинова Коси	19.10.15 г. Дон (Россия)
Бембиков Алексей	05.07.36 г. Луарье, Франция
Балдашинова Паси	08.12.80 г. Париж
Кателин Антуан	19.02.74 г. Орлеан, Франция
Кателин Александр	27.06.70 г. Орлеан, Франция
Лоранс Реми	11.02.49 г. Манш, Франция
Лоранс Элина	15.11.48 г. Кретель-94, Франция
Галан Синтия	13.05.50 г. Меру, Франция
Галан Жан Клод	26.09.49 г. Сен Муар, Франция
Янкина Муриэль	11.08.48 г. Лион, Франция
Докуров Николай	12.02.16 г. Сталинград (Россия)
Янкина Соня (жена Николая)	28.02.24 г. София, Болгария
Кучинов Николай	18.09.32 г. Белград, Югославия
Бембинова Марина	28.05.50 г. Нант (Луарье), Франция
Ле Рош Морис	31.03.47 г. Париж, Франция
Ункурова Соня	06.11.47 г. Сен-Мори
Каптанова Надя	25.08.34 г. Ле Круссо, Франция
Чонжинов Андре	23.03.30 Десин, Шарпо
Кателин Моника	29.08.49 г. Монтарж, Франция

К. П. Катушов, председатель общества

“Хальмг тангч”,

июнь 1991 г. г. Элиста.

ПОСОЛ ФРАНЦИИ — КАЛМЫЦКИЙ ЗЯТЬ

В 1995 году Чрезвычайным и Полномочным послом Французской Республики в Эстонии стал господин Жак Фоор — опытный дипломат, работавший ранее в Улан-Баторе, Москве и Тиране (Албания), а также в аппарате Министерства иностранных дел Франции.

На это назначение мы обратили внимание неслучайно: господин Фоор — калмыцкий зять. Его супруга, Намча Басанова, — дочь второго поколения российских эмигрантов, времен гражданской войны. Она ученая, ориенталист, окончившая в 60-е годы знаменитый Сорбонский университет в Париже. Именно ее научные изыскания предопределили тот интерес, который проявляет муж к Монголии и монголоязычным народам, в том числе, калмыцкому.

У четы Фоор растут две девочки, девяти и пяти лет. Родители, Жак и Намча, а также дедушка Алта и бабушка Надя уделяют их воспитанию большое внимание.

— Детишек не одергивают, обращаются с ними как с равными. — рассказы-

вает Роза Зуфировна Сармуткина, побывавшая с мужем Валерием Сергеевичем у его двоюродной сестры, Нади Басановой (Сармуткиной), матери Намчи. — В семье все деликатны, предупредительны по отношению друг к другу. Считаются с интересами и вкусами каждого. Словом, манера общения — французская.

Надя, двоюродная сестра Валерия, родилась в Болгарии в 1925 году, а ее муж, Алта — в Турции, в 1922-ом.

— До 1990 года, то есть до празднования 550-летия "Джангара", — продолжала Роза Зуфировна, — мы не ведали, даже и мысли не допускали, что за границей, в Европе, у нас могут быть родичи. И были очень удивлены и сбродованы, когда нам сказали (в частности, французские граждане калмыцкого происхождения Доржиновы), что во Франции живет Надя Сармуткина, по мужу Басанова. Что ее отец часто вспоминал оставшегося в России брата Сетю. (А Сетя — отец мужа).

Мы заказали переговоры с Парижем. Не передать словами, что испытали мы в Элисте, а они во Франции, впервые в жизни услышав голоса друг друга. Оказывается, Надя предполагала, даже была уверена в том, что в Калмыкии есть, живут ее родственники. Но не предпринимала попыток найти их, дабы не навлечь неприятности. Ей сказали, что граждане СССР, имеющие родных за рубежом, могли попасть в число неблагонадежных.

Времена изменились, мы встретились — сначала у нас в Элисте (Надя плакала и плакала от переполнявших ее чувств), затем у них, во Франции.

Поездка наша в эту страну была просто сказочной. Навсегда в памяти остался Париж, "интеллектуальная столица мира", с его музеями и "Гранд оперой", островом Сите (историческим центром города) и Елисейскими полями, Собором Парижской богородицы и т. д. Наши близкие (Надя и Алта, их дети) приняли нас тепло, с искренней радостью, по-родственному сердечно.

С тех пор прошло три года...

— Да, живут они хорошо, что там говорить, — заметил Валерий Сергеевич. — Мы не забываем друг друга, время от времени перезваниваемся. Они, конечно, выходят на нас чаще: у них возможностей больше. На днях беседовал с нами Жак (хорошо знает русский). Благо, связь с Таллином нормальная. Не то, что с Албанией, где он был послом раньше.

Разумеется, приятно, что Жак — ныне посол Франции в Эстонии. Но для нас он, прежде всего, зять, а уж потом — дипломат.

МЫ РАДЫ... ИК БАЙРТА...

Пенсионеры, супруги Анка и Вера Балюгины — парижане, а журналистка Катрин Болдырева живет в Брюсселе, столице Бельгии. Они прилетели в Элисту, в понедельник, 12 августа 1991 года, на четыре дня раньше основной группы калмыков из Франции.

— На каком языке удобнее будет беседовать? — спросил я их.

Анка: Я владею французским (живу-то во Франции), немецким, чешским и некоторыми другими славянскими языками. Но беседовать, конечно, лучше на родном, калмыцком или русском.



Катрин: Я живу в стране, где пять миллионов жителей говорят на фламандском (диалекте немецкого) и четыре миллиона — на валлонском (диалекте французского). Знание этих языков обязательно для государственных служащих.

— *В Европе журналисты должны знать и английский?*

Катрин: Конечно. Это профессиональная необходимость. Например, мне по роду своей работы приходится общаться и с англичанами, и с японцами и с американцами.

— *Бизнесменами?*

Катрин: Не только с ними, но и с министрами иногда. Так, на встрече с четырьмя министрами из КНР произошел

забавный случай. Один из китайцев, ответив на мой вопрос, улыбнулся и спросил: "Ваши предки, наверное, выходцы из Китая?"

— Вы почти угадали, — ответила я. — Мои предки — калмыки — жили по другую сторону Великой китайской стены.

— А, монголка, вынудившая нас построить эту стену, — шутливо погрозил пальцем министр.

Присутствовавшие (а их было более 300 человек) заулыбались, засмеялись.

— *На какие темы, на каком языке вы пишете? И в какой газете?*

Катрин: Я работаю во франкоязычном ежедневном издании "Журнал ла мегес". Освещаю вопросы экономики, финансов, социальной политики.

Анка: Катрин — журналист высокого профессионального уровня. Лет пять назад она удостоилась высшей журналистской премии (первого приза) за ряд своих статей по социальным проблемам.

Катрин: Это было в 1985 году.

— *Вы, Катрин, довольно сносно говорите на родном языке, хотя в Брюсселе калмыков, наверное, мало?*

Катрин: Учили родители, отец требовал дома, в семье, говорить только на калмыцком. Его уже нет. Нет и матери, она скончалась давно.

— *А муж у вас?*

Катрин: Фламандец.

Анка: Цаган хальмг (белый калмык). Мы во Франции европейцев, женившись на калмычках, называем "цаган хальмг".

Наша молодежь изрядно "побелела". Офранцузилась, онемечилась. Полностью приняла европейский уклад жизни.

Что поделаешь? Нас, калмыков мало, всего 400—500 человек. Разбросаны по Франции, Германии. Кое-кто добрался даже до Австралии.

Вера: Вот я живу в Париже, а мой брат Марсель — в Лионе, на юге Франции. Это вы здесь, на родине, живете вместе, рядом, в своей Калмыкии.

Анка: Вам и карты в руки. Вы, а не мы, сохраните, конечно, свой язык, культуру, обычаи. Вы, а не мы, сохранитесь, как народ. Вот почему мы так уважаем вас, так тянемся к вам.

— *Что вы почувствовали, ступив на родную землю?*

Анка: Чувства, ощущения не передать словами. Знаете, 25 лет назад в Париж приехала небольшая группа молодых калмыков. Возглавлял ее Ким Катупов, комсомольский секретарь, как нам сказали. Мы, парижские калмыки, собрались, пригласили земляков. Какая это была радость для нас — встретить братьев с далекой Родины! Недосыгаемой для нас Родины. И всю ночь провести с ними.

Сколько после этой встречи было звонков из других городов, расспросов!

И вот теперь я здесь, в Калмыкии, откуда ушел, вернее, меня "ушли", увезли десятилетним мальчиком в годы гражданской войны. Меня встретил тот самый Ким Катупов, которого четверть века назад я приветил в Париже. Конечно, он теперь не тот молодой вожак молодежи, а солидный, набравший вес мужчина. Вот как в жизни бывает!

Ну, а что я чувствую, что испытываю, ступив на родную землю после более чем 70-летней разлуки с ней? Повторюсь — не передать словами.

Вера: Я родилась в Болгарии. Но испытываю те же чувства, что и мой муж, Анка. Волнение. Радость...

— *Вы прекрасно, без акцента говорите по-калмыцки?*

Вера: Это зависит от человека. От его желания.

— *У вас в Калмыкии есть родственники?*

Вера: У мужа нашлись. Они встретили нас в аэропорту. Может быть и у меня есть, найдутся? Моя девичья фамилия — Хамутинова.

Катрин: Я родилась в послевоенном сорок шестом в Германии, под Мюнхеном. Училась в Бельгии. Окончила Брюссельский университет, по специальности "журналистика".

Живу и работаю в стране, где калмыков — единицы. Не могу объяснить, почему мне вдруг захотелось получить ответ на вопрос: "Кто я? Откуда?" Я загорелась желанием побывать в Калмыкии. И вот я здесь.

Что испытываю? Мое калмыцкое имя Байрта (Радость). Я испытываю радость. Байрта баянав. А что касается родственников, то они живут в Яшкуне.

— *Анка, вам 82, а выглядите гораздо моложе своих лет. Вы бодрь, энергичны.*

Анка: Должен сказать, что был трезвенником. С малых лет дружил со спортом. Занимался футболом (кстати, в составе калмыцкой команды пражской русско-чешской гимназии в 1933 году завоевал Кубок средних школ, гимназий и университетов Чехословакии), большим теннисом, плаванием.

— *А работали?*

Анка: В Чехословакии занимался бизнесом, а во Франции работал кройщиком.

— *Быть кройщиком в Париже? В городе — законодатель мод? Это далеко не просто.*

Анка: Не просто и жизнь-то прожить. В Европе манна с неба на голову не сыплется. Даже мало-мальский успех достигается упорным трудом. Если хотите, борьбой, волей, характером, физическим и моральным напряжением.

Катрин: Анка прав.

— *Работа у вас не из легких, Катрин?*

Катрин: Да. Приходится много трудиться, много читать.

— *Чтобы быть на уровне?*

Катрин: Да, на уровне требований, на уровне друзей, знакомых.

— *Кто они у вас?*

Катрин: Журналисты, бизнесмены. Есть и депутаты.

— *Спасибо вам, Анка, Вера и Катрин-Байрта за беседу.*

(Беседа состоялась в 1991 году в Элисте.
Ныне Анки уже нет, скончался в феврале 1995 г.)

НИКОЛАЙ ТУНДУТОВ ИЗ ЗНАТНОГО РОДА



— Тундутов, князь? — воскликнул мой собеседник, парижанин Анка Балюгинов. — Я хорошо знаю его...

Ну, а что знал о Николае Тундутове я, журналист из Калмыкии? То, что он — единственный на Западе князь калмыцкого происхождения. Сын Данзана Тундутова, того самого, кто был воспитанником Пажеского корпуса, корнетом лейб-гвардии Гродненского полка, затем в первую мировую войну адъютантом Верховного главнокомандующего русской армии, великого князя Николая Николаевича (дяди царя), а в гражданскую — полковником, атаманом Астраханского казачьего войска.

Знал также, что парижский Тундутов — потомок в пятом поколении героя Отечественной войны 1812 года, командира 1-го Калмыцкого казачьего полка Джамбы Тайши Тундутова, а в шестом — наместника калмыцкого хана Чуче Тайши Тундутова.

— Можно ли встретиться с ним, Николаем Данзановичем? — спросил я Анку (разговор шел в его квартире в 1991 году).

— Вряд ли, — ответил Балюгинов. — Со здоровьем у него не ладится, а у жены — постельный режим. Попробую соединить вас по телефону.

Николай Данзанович прекрасно, без акцента, говорил по-русски. На вопросы отвечал вежливо. Посетовал, что из-за обострения астмы не сможет

встретиться со мной, гостем из Калмыкии. Сказал, что у супруги Александры Балзановой со здоровьем тоже неважно.

Чувствовалось, что Тундутов не хочет акцентировать внимание на своем знатном происхождении. Тактично дал понять, что он такой же, как все.

На следующий день мы поговорили по телефону еще несколько минут и попрощались, пожелав друг другу всего доброго.

— Жена его тяжело больна, — сказал Анка. — Николай сам ухаживает за ней. Ему сейчас трудно.

— Тундутов, — продолжал Анка, — очень воспитанный, культурный человек. Получил фундаментальное европейское образование. Владеет кроме французского, русским, английским, немецким, немного калмыцким языками. До ухода на пенсию работал парижским корреспондентом английской газеты "Аш Геральд Трибюн".

— А дети есть у него?

— Дочь Мария, — ответил Балюгинов. — Живет с мужем, дочерью Софией и сыном Сержем в Лондоне.

— Мать Николая Данзановича была дочерью полковника Бригера? — спросил я.

— Не знаю, — ответил Анка. — Откуда вам это известно?

— Читал где-то. Кажется, в военно-историческом журнале. Помню, полковник Бембя Кадушев рассказывал мне о ней в Кисловодске.

— А что именно? Кадушев — врач?

— Да, он один из первых советских врачей, человек довольно интересной судьбы. В войну был главным терапевтом одной из наших общевойсковых армий, а после войны — заведующим генеральским отделением санатория Министерства обороны. А рассказал он о чете Тундутовых вот что: "Полковник князь Данзан Тундутов эмигрировал в 1919 году в Германию. Как патриот России и Калмыкии возвратился на родину, поступил на службу в кавалерию.

Князь с женой встретился с нами, студентами-калмыками, учившимися в Москве. Светлолицый, с зачесанными на пробор темными волосами, с прямым, чуть с горбинкой носом, стройный, с военной выправкой, он произвел на нас хорошее впечатление. Супруга худенькая, белолицая женщина, держалась в тени.

— Мы с вами еще не раз встретимся, — обещал Тундутов. Но повторной беседы не суждено было состояться: князь исчез при загадочных обстоятельствах. Слухи ходили разные: "Казнили в застенках ЧЕКа", "выбросили из вагона поезда" и т. д.

Жена вернулась в Германию. Перед отъездом пришла попрощаться с нами. В моей памяти она осталась хрупкой, остроносенькой, с заплаканными глазами, женщиной потрясенной гибелью мужа. В том, что он убит, она не сомневалась.

— Да, — покачал головой Анка, выслушав меня. — Нельзя было ему возвращаться в Россию. Знаете, — продолжал он, — жена Данзана Тундутова,

мать Николая, осталась верна памяти мужа. Воспитала сына в уважении к его роду, к калмыкам, их традициям. Кстати, она хорошо владела калмыцким языком. Взгляните на этот снимок. На нем мать с повзрослевшим сыном в национальной одежде.

Николай Тундутов мог жениться на немке или француженке, англичанке или голландке. Но, как видите, соединил свою судьбу с дочерью калмыцкого дворянина Гари Балзанова. И прошел с ней по жизни длинный путь, отнюдь не усыпанный розами. Кстати, в Элисте живет сейчас внук бывшего владельца Лолы Гари Балзанова, племянник Александры Балзановой, заслуженный тренер Таджикистана и России по боксу Церен Санджиевич Балзанов.

Несколько лет прошло с той поры, как мне довелось побывать у Анки Балогоинова в Париже, переговорить с Николаем Тундутовым, последним носителем древней фамилии нойонов Цороского дома, род которых, по утверждению ученого А. Ш. Кичикова, калмыки до революции называли "тенг йозурта", то есть "небесным" по происхождению... (По отцовской линии Тундутовы являются хутабекидами, правившими ойратами в 12 веке, а по материнской — чингизидами)...

Теперь уже нет супруги Николая Данзановича — Александры Гаряевны, скончался и Анка Балогоинов. Самому же князю уже за восемьдесят. Но несмотря на возраст и недуги, он продолжает аккуратно отвечать на письма, причем на безукоризненно грамотном русском языке.

В одном из своих писем Тундутов сообщил, что его дед с материнской стороны (отец матери) был не полковником, а адмиралом и занимал должность директора морского корпуса России.

Николай Данзанович с благодарностью воспринял приглашение Президента Калмыкии К. Н. Илюмжинова посетить Отечество. "Для меня большая честь получить это приглашение, — написал он, — так как я всегда испытывал желание посетить нашу страну, о которой я слышал столько хорошего от моих родителей, но где, к моей великой печали, я никогда не был".

Высказав далее сожаление, что возраст и состояние здоровья не позволяют ему более совершать путешествия, он признался в том, что "...всегда думал о Калмыкии, как о своей родине, и о ее жителях, как о своих родных братьях", которым желает "величайшего процветания, мира и всего самого наилучшего..."

Бегут годы. Меняются идеологизированные представления о российских эмигрантах, времен гражданской войны. По достоинству оцениваются ныне заслуги князей Тундутовых, внесших свой вклад в защиту Отечества в 1812-м и в 1914—1916 годах.

ВОТ ЧТО РАССКАЗЫВАЮТ:

1. Надежда Шолдаева из завода "Арсчи" и Нина Унгарлинова из Лига женщин мира о всемирной ярмарке в Париже, в апреле 1996 г.

" В Париже — Мекке изящества и красоты, изделия "Арсчи" получили сертификат.

— Ваш стенд — самый красочный, самый броский и эффектный на ярмарке, — говорил Мазан Никитин, наш соотечественник, парижанин, крупный, представительный пожилой мужчина.

— Какое своеобразие! Какая прелесть! — восклицала Надя Каптанова, художник-реставратор знаменитого Лувра. — Какой уютный, теплый, небесно-космический колорит в картинах вашего художника Александра Поваева! И воздушная легкость в работах по шелку Елены Манджиевой...

Возле нашего стенда остановилась женщина с восточными чертами лица. Узнав, что мы из Калмыкии, радостно воскликнула: "Я тоже калмычка — Илона Чонова, художница. Может слышали эту фамилию? Дед мой был известным человеком... А это мой муж, парижанин Оливье. Знакомьтесь..."

Посетителям выставки понравились не только картины, но и прекрасные изделия народного умельца Григория Васькина, резьба по кости Виктора Дорджиева, украшения Галины Ушановой и Николая Галушкина.

Хотим отметить и поблагодарить наших французских соотечественников за их внимание к нам, заботу и помощь в Париже: Мишель и Мадлен Чанчиновых, Намчу Бембинову, Клода и Мишель Жулен, Веру Балюгинову, Жоржа Кусинова и ее супругу, Николая Болдаева, Жозефину Доржинову и других".

2. Елена Воронова, журналист, о французской гуманитарной помощи:

"С 17 июня по 7 июля в республике находилась делегация из Франции во главе с Президентом ассоциации "Франция—Калмыкия" Мишель Жулен. На этот раз наши французские друзья привезли гуманитарный груз, примерно на полмиллиарда рублей: медоборудование, больничную мебель, препараты, одежду и т. д.

Нелегко было собирать, но еще сложнее оказалось вывезти их. Ассоциация, являющаяся общественной организацией, где объединились в основном пенсионеры со своими семьями, естественно, не имела возможности выплатить за аренду многотонного грузовика огромную сумму. Помог постоянный спонсор ассоциации господин Тьерри. Бензин закупили члены ассоциации, а сами делегаты приехали за собственный счет.

Подобная помощь по линии созданной Мишель Жулен ассоциации приходит не в первый раз. Однако теперь у сопровождавших груз было время собственноручно раздать его. Исколесили почти всю республику, побывали в Яшалте и Башанте, Приютнсм и Малых Дербетах, Садовом и других населенных пунктах.

Спецоборудование и косметика для косметологического кабинета при больнице, инструментарий для травматологических операций, функциональные кровати, дорогостоящее стоматологическое оборудование, два дифибриллятора и онитора, используемые для вывода человека из состояния клинической смерти и многое другое попали из рук в руки по назначению.

"Кроме того делегация привезла многим школам и организациям разнообразную помощь", — сообщает читателям Е. Воронова.

В составе делегации были кроме супругов Мишель и Клода Жулен, Марсель Ванькин, Намча Бембинова и ее муж. Мишель Шарль Дудиви.

**БЫВШАЯ СОТРУДНИЦА РАДИО "СВОБОДА"
Е. РЕМЕЛЕВА ИЗ ФРГ
"НА ВАС ВОЗЛАГАЮТ НАДЕЖДУ ОЙРАТЫ МИРА"**



Елена Ремелева с 1964 года работала в библиотеке, затем в архиве радиостанции "Свобода", известной передачами, которые скрытно, прячась от "сторонних глаз", ловили и слушали многие граждане бывшего СССР.

Если "Голос Америки" информировал советских слушателей о событиях, происходивших за рубежом, а "Свободная Европа" вела передачи на страны Восточной Европы, то "Свобода", находившаяся в Мюнхене (ФРГ), рассказывала о Союзе ССР.

На этой радиостанции работали (и пока еще работают) русские, украинцы, белорусы, прибалты, казахи, представители наших бывших среднеазиатских и

закавказских союзных, а также многих автономных республик. В их числе калмычка Елена Сарановна Ремелева.

Вот что она рассказала о себе, об эмигрантах: "Родилась я в Бельгии в 1931 году. Отец, Саран Ремелев, и его брат, мой дядя Дорже, окончившие Великокняжескую гимназию, имели звание есаулов, командовали сотнями в годы 1-й мировой и гражданской войн.

Эмигрировав из России, они на французском пароходе добрались до Туниса, оттуда перебрались в Болгарию, затем в Югославию, где король Александр II принимал российских эмигрантов, как своих. Русские в этой стране жили, как дома. Открыли кадетский корпус, институт благородных девиц и т. д. Калмыцкая же диаспора в Белграде, построила с помощью югославов хурул. В конце 80-х журналисты югославской газеты "Политика" рассказали своим читателям о калмыках (кто они такие) упомянули и о храме, построенном ими в столице страны.

Говоря о русской эмиграции периода гражданской войны, следует отметить, что ее также очень хорошо встретили в Чехословакии и Болгарии. Так, по инициативе Президента Масарика в Чехословакии была организована образцовая колония для русских детей-сирот, открыта чешско-русская гимназия. В этой гимназии училась и калмыцкая группа. Она прославилась футбольной командой, завоевавшей кубок средних школ, гимназий и университетов страны.

Мой отец, казачий офицер, лихой наездник, собрал первую в Европе

группу джигитовщиков-казаков: донцов, кубанцев, терцев. Эта группа пользовалась большим успехом, так как демонстрировала сложные номера.

В 1937 году отец привез меня из Бельгии в Белград, к брату Дорже. В сорок третьем мы попали в Прагу, а в сорок пятом — в Мюнхен. Жили там в лагерях для беженцев, в бывших военных казармах.

Мюнхен был разбит. Но мы, дети, учились. Часть прибалтийцев, русских, украинцев уехала за океан, в США. Калмыков же не брали: американцы отрицательно относились к азиатам из-за войны с японцами.

Дядя и некоторые образованные представители нашей диаспоры обращались к американцам, писали, но они не давали положительного ответа. Предлагали переехать в Уругвай, Парагвай, на Аляску. И тут решил помочь калмыкам один из опытных американских адвокатов. В высшем апелляционном суде США он доказал, что калмыки не имеют ничего общего с японцами. И в 1952 году более тысячи человек выехали из ФРГ в США. Прибывшим, вернее, прильзшим туда калмыкам первыми оказали помощь русские из фонда Л. Н. Толстого.

В США я работала в издательском отделе медицинского центра. В 1963 году вернулась в Германию. Во время Олимпийских игр в Мюнхене была гидом монголов. На груди у меня висела табличка с перечислением языков, которыми я владела (русский, сербско-хорватский, украинский, немецкий, английский). Ко мне обращались спортсмены многих стран. А вот монголы и русские (их держали в строгости) "раскрывались" лишь в отсутствие своего начальства.

Выше я говорила, что с 1964 года работаю на радиостанции "Свобода". Сейчас ее архивом интересуются бывшие союзные советские республики.

Мною собран большой материал по казачеству и калмыкам-эмигрантам. Надо его обработать.

Много времени я потратила на восстановление рукописи "Девичьей чести", переданной мадам Бальковой. Автор этой повести — Санджи Бальков писал ее большим.

Рукопись 40 лет "таскали", как говорится, по "белу свету". И восстанавливать ее было непросто.

"Девичья честь" вышла наконец, в свет на английском языке в штате Индиана. Помог издать ее в серии монгольских произведений, известный американский профессор Крюгер. Перевел текст грузин, а пояснения с поправками дал профессор Арап Борманжинов.

Мое калмыцкое имя — Долма. Оно понравилось калмыкам Синьцзяна, у коих мне довелось побывать в 1988 году в связи с празднованием юбилея эпоса "Джангар".

В Бортале меня все время окружали калмыки-торгуты, задавали массу вопросов, удивлялись, восхищались тем, что я, живя в Европе и в США, не забыла родной язык. А язык наш, я это поняла там, в Синьцзяне, очень красивый, отшлифованный, богатый.

Меня радовало хорошее здоровье синьцзянских калмыков. И трогало их внимание. Нигде, никогда ранее к моей скромной личности не проявлялось такого интереса, как в Бортале.

Там, в Синьцзяне, живет около 150 тысяч калмыков (ойратов). Во Внутренней Монголии КНР и у озера Кеке Нура — около 100 тысяч (как мне сказали). В Монголии — тоже около 150 тысяч. В США и Франции — более 2-х тысяч. В Германии, где я живу, всего-навсего 30 человек (включая балдыров).

Таким образом, в Китае, Монголии, Европе и США проживает более 400 тысяч калмыков (ойратов), а в Республике Калмыкия мне известно, калмыков около 170 тысяч, то есть в два раза меньше, чем за рубежом. Но именно на калмыков Республики Калмыкия возлагаются надежды всех ойратов мира на возрождение их культуры, языка, традиций, на духовное единение, потому что российские калмыки имеют свою государственность в составе России.

Живя компактно, имея свои школы, университет, институты и т. д., обладая интеллектуальным потенциалом, вы должны и обязаны сделать все, от вас зависящее для того, чтобы сохранить наш этнос.

Вот почему мы, калмыки зарубежья, душой и сердцем тянемся к вам. Стараемся бывать в Калмыкии, на родине предков, невзирая на большие материальные затраты.

Я уверена в счастливом будущем калмыков”.

* * *

Из тех 30-ти граждан ФРГ калмыцкого происхождения, коих упомянула Елена (Долма), мне довелось встретиться и побеседовать с Тамарой Боваковой и Цереном Манжиковым.

Тамара — танцовщица. Она чуть выше среднего роста, подвижна, пластична, улыбчива. Знает калмыцкий, русский, французский, слабо итальянский, неплохо английский и, конечно, немецкий — ведь родилась в Германии, в Мюнхене, в пятьдесят первом году.

— Родному научилась у матери, — улыбается она. — Зовут ее Ногала, девичья фамилия — Чурюмова. Ей семьдесят.

Я приехала в Элисту с нею и дочерью, которой недавно исполнилось десять лет.

Отец у нее немец. А я калмычка, танцовщица. Сейчас — танцовщица телевидения. Раньше выступала во Франции (Канны) в Гран-театре, потом в Италии (Милан), в Швейцарии (Базель) и городах ФРГ.

Образование получила в Германии. Восемь лет училась в балетакademии.

Меня всегда тянуло в Калмыкию. И вот я в Элисте, на празднике “Джангара”. Я так рада, так рада!..

Я на родине предков. Кругом — калмыки. Столько калмыков я никогда в жизни не видела (смеется).

Меня и маму очень трогают внимание, вежливость, тактичность элистинцев. Я выражаю искреннюю благодарность им за доброту.

Мы должны жить в согласии, мире и дружбе, уважать и ценить друг друга. Ведь Берлинской стены уже нет.

— Тамара, вы — артистка. Что можете сказать о наших художественных коллективах? — спрашиваю ее.

— Это прекрасные коллективы с неповторимым, только им присущим национальным колоритом. Чудесные костюмы, превосходные танцы. Словом, прекрасно. Многие их номера на Западе имели бы безусловный успех. Это мое личное мнение.

Желаю вам процветания, мира, прогресса.

P. S. Сестра Тамары, Наталья, замужем за известным немецким кинорежиссером, киноактером, критиком Харком Бомбом. Она чуть ли не единственная калмычка Европы, вхожая благодаря супругу в "высший свет".

* * *

А вот что сказал в беседе со мной капитан запаса, менеджер Церен Манжиков: "В Западной Европе нас, калмыков, немного. Поэтому мы тянемся друг к другу. Встречаемся, перезваниваемся. Съездить в Париж или побывать в Америке — не проблема.

В последнее десятилетие калмыки Европы и США встречались во Франции, Германии и Голландии. На этих встречах бывало до ста человек. На одной из них, в Гааге, я познакомился с гостьей из Элисты Любовью Батутемировой. Это знакомство переросло в дружбу. Мы со временем поженились.

Вы интересуетесь моей биографией? Она у меня обычная. Родился в 1952 году, в семье эмигранта Андрея Манжикова. Окончил колледж. Служил в армии, в военной полиции. Стал офицером. Имею звание капитана запаса.

Мне, как офицеру, хорошо платили. И я уволился в запас в 1976 году, с приличной суммой денег. Решил совершить кругосветное путешествие. Побывал в Таиланде, на Тайване, в США, Канаде и других странах. Увидел, как говорится, свет. Встретился с соотечественниками-калмыками, живущими на разных континентах.

Вернувшись домой, помогал отцу, державшему магазин промышленных товаров (при этом сдал экзамен, положенный при допуске к торговле). Без отрыва от производства окончил высшую инженерно-экономическую школу, а также курсы по бизнесу. Перешел на работу в крупный магазин, сам стал обучать других торговому делу.

С 1988 года работаю в компании "Макдональд" в Мюнхене с оборотом в миллион марок в месяц. Начинал с ассистента менеджера, потом стал первым ассистентом, сейчас являюсь менеджером.

Мы в "Макдональде" работаем по 12 часов в сутки. Обеспечиваем идеальную чистоту, высший уровень обслуживания. Не дай Бог жалоба клиента — реакция фирмы в этом случае однозначна: наказание работника марками, а то и понижением в должности.

Словом, хочешь жить хорошо, трудись хорошо.

В ФРГ работать не в полную силу просто невозможно. Не позволяют порядки, традиции, образ жизни. Аккуратность, педантичность, чистоплотность, трудолюбие у немцев, как говорится, в крови...

— Есть в стране безработица?

— Есть. Но в ФРГ высокая социальная защита граждан. Потерявшим

работу оказывается помощь в течение 2 лет в размере 80-ти и 60-ти процентов заработка, а дальше (если человек не находит работу по специальности) оплачивается занимаемое им жилье, соответствующие расходы на питание и одежду.

Если, к примеру, в семье 10 детей, то эта семья может жить полностью за счет государства, получая пособия на каждого ребенка.

Но немец не может не трудиться. Такова его психология. Сидеть без дела — для него сущее наказание. Поэтому государство стремится обеспечить занятость населения...

Я родился в Германии. Учился в немецких школе и колледже. Служил в бундесвере (армии ФРГ). Немецкий для меня является родным... Кем же я себя считаю? Конечно, гражданин ФРГ. Но при этом — калмыцкого происхождения. Калмыком. Меня всегда тянуло на землю предков. На родину. И я безмерно рад, что имею возможность приезжать в Калмыкию, навещать родственников, встречаться с соотечественниками.

Р. С. К сказанному добавим, что Ц. Манжиков должен был выступить за ФРГ в толкании ядра на Олимпийских играх в Мюнхене, но травма, полученная накануне, вынудила его покинуть, к сожалению, большой спорт.

ЧЕШСКИЙ КАЛМЫК "С БИОГРАФИЕЙ, ЗАНИМАТЕЛЬНЕЕ МНОГИХ ДЕТЕКТИВОВ..."



"Я сегодня единственный в Праге калмык, оказавшийся здесь не по своей воле", — писал о себе Санджа Ункуров. Тот самый Саджо (так чехи переименовали его имя), о котором "Социалистическая индустрия" писала в мае 1988 года: "Его биография интереснее многих детективов. Это одна из удивительных судеб, в коих перешлетаются все большие события века..."

Действительно, С. Ункуров, скончавшийся в 1992 году в Праге, — городе, в котором прошла почти вся его долгая жизнь, был человеком необычной судьбы. Сын степного кочевника-табушника, мальчиком выброшенный волей русской эмиграции на турецкий берег: в годы гражданской войны, он в столице Чехословакии окончил русскую гимназию, где преподавали лучшие профессора-эмигранты из Москвы и Санкт-Петербурга, а затем технологический институт и стал инженером-химиком и фармацевтом высшей квалификации, руководителем одного из передовых предприятий.

Будучи юношей любознательным и неординарным, Саджо (Санджа) увлек-

ся в гимназии марксистской литературой, трудами В. И. Ленина и вступил в находившийся на нелегальном положении чешский коммунистический союз молодежи (забегая вперед, скажем, что он отошел от коммунистического движения в 1968 году после ввода советских войск в Чехословакию).

Состоялся Санджа и как спортсмен, войдя в группу ведущих игроков знаменитой столичной "Спарты", ворота которой защищал легендарный Планичка (он удостоился пожизненного пропуска на бесплатное посещение любых футбольных матчей на стадионах страны).

В годы оккупации гитлеровцами Чехословакии Ункуров вступил в подпольную группу Сопротивления и обеспечивая переброску антифашистов по "горному коридору" в Советский Союз через Польшу, изготавливал взрывчатку (ведь инженер-химик). А в майские дни сорок пятого, когда войска немецкого генерала Шернера ворвались в Прагу, был в первых рядах восставших. (Уникальная фотография калмыка, защитника Пражского моста с трофейным автоматом в руках, хранится в архиве...).

Простое перечисление этих отдельных фактов из жизни Санджи Ункурова подтверждает справедливость утверждения корреспондентов "Социалистической индустрии" о том, что "его биография интереснее многих детективов".

Жаль, мне удалось выйти на него лишь в конце 1988 года через газеты "Социндустрия" и "Руде право". А ему, Саджо (Сандже), оказывается, не предоставляли право въезда в Элисту из-за ограничений, связанных с вызовом и другими формальностями.

"...Дать вызов мне было некому, — писал он в восемьдесят девятом. — Из родственников помню лишь Авдея Доржинова. А моей бабушки по матери, жившей в Чоносах, давно нет в живых. Отца звали Чимя, а также Харник (второе имя). В революцию он со мной (мать умерла от родов), малолеткой, вынужден был уйти с белыми на юг, где скончался в Сочи. Я с беженцами попал в Новороссийск, потом в Туапсе и Евпаторию. Оттуда пенком с группой в 50—60 калмыцких детишек добрался до Джанкоя. Там нас хорошо приняли крымские татары. Они жалели, кормили нас...

Через некоторое время нас отправили на пароходе в Турцию, где жили полтора года и учились в русской школе. Затем повезли в Чехословакию. Там я попал в русско-чешскую гимназию в Праге.

В гимназии нашим воспитателем был Басан Кушлынов. Это он, заядлый ленинец, дал мне основы научного коммунизма. Кушлынов вернулся на родину с группой своих учеников: Доржиновым (или Дарминовым), Маглиновым, Тепкиным, Трупкиным и другими. Они, как и я, были за социализм, за советскую Россию.

Группа во главе с учителем, как мне стало известно позже, была расстреляна ГПУ... (Басан Кушлынов, вернувшись из Чехословакии, успел до своей гибели в застенках ЧК исполнить роль секретаря парторганизации в фильме "Очир").

"...Знаете, кто помог нам, детям-беженцам, получить образование, вжить-

ся в европейскую среду?— писал Санджа Харникович в другом письме.— Это знаменитый норвежский полярный исследователь Фритъеф Нансен. Оказывается, мы жили в интернатах, и учились за счет средств фонда, основанного этим великим гуманистом...”.

“...Весной сорок пятого, мой товарищ, инженер Войцех, был на радиостанции,— писал он в третьем своем послании.— Мы, коммунисты, приняли решение поднять восстание в Праге 7-го или 8-го мая. А народные массы начали его раньше, 5-го. И Прага оказалась в тяжелом положении, так как недалеко находилась многочисленная немецкая армия генерала Шернера.

Из радиостанции пошли призывы о помощи советскому командованию... Неожиданно помощь нам оказали власовцы. Об этом в вашей прессе не сообщают. Но факт есть факт — они частично помогли восставшим. А 9-го мая в Прагу ворвались советские танки.

Я разговаривал с власовцами. Спрашивал: “Почему вы восстали против своих?”. Ответы были разные. А один молодой власовец сказал: “Нас голодом морили немцы в лагере”.

После освобождения Праги советскими войсками я был переводчиком. Как-то в трамвае увидел офицера с монголоидным типом лица.

— Вы калмык?— спросил я его.

— Да,— ответил офицер.— А ты кто?

— Тоже калмык,— обрадовался я земляку.

— Ах ты... Эмигрант! Белогвардеец! Дали мы вам!..— понес офицер на меня.

— Эх, вы!.. покачал я головой.— Я к вам как к родственнику, а вы?.. Коммунист я, участник Сопротивления. Поняли? И сошел на остановке. Не обглянулся. Так обидно мне стало...”.

* * *

...В январе 1989 года в пражской гостинице “Юнион” С. Х. Ункуров встретился с молодыми туристами из Калмыкии, в их числе артистами ансамбля “Джангар”. Седого, небольшого роста, чуть сгорбленного старого человека, не скрывавшего своего волнения, тепло приветствовали художественный руководитель ансамбля Петр Надбитов, студент КГУ Слава Коокуев, преподаватель музучилища Ц. Цагадинов и другие. Артисты, к его радости и восторгу обслуживающего персонала гостиницы, исполнили калмыцкие песни и танцы. Земляки подарили ветерану национальные сувениры, рассказали о своей республике — Калмыкии.

С. Ункуров был тронут. Вспомнил кое-какие моменты своей “довольно трагической”, как он выразился, жизни на чужбине. Рассказал о детях: дочери Тамаре, докторе биохимии, живущей с мужем-врачом в США, о второй дочери Татьяне, инженере-строителе. О внуках. А их, внуков, у Санджи Харниковича Ункурова, человека удивительной судьбы, трое.

ПОЛЬ ТАЗГИРОВ ИЗ ШВЕЙЦАРИИ: "СЧАСТЬЯ ВАМ"...



— Поль, я вижу, вы довольны?

— О, не то слово. Я так рад, так рад! Побывать на родине предков — это такое счастье! Вы не представляете.

— А что вам у нас понравилось?

— Многое. Очень многое. Элиста — это оазис в прериях. Не ожидал, что это такой зеленый город. Небольшой, тихий.

Мне очень понравились люди. Такие они гостеприимные, хорошие. Я ходил по вашим улицам, по аллее. Подходил к старым и молодым. Мужчинам и женщинам. Калмыкам и русским. Знаете, мне приятно было с ними говорить, беседовать.

Элистинцы дружелюбны, просты, общительны. Вот жена подтвердит. Да, Приска?

Приска, супруга Поля: О да. Ваши люди — приятные. Мне понравились. Я довольна, что приехала в Калмыкию. Своими глазами увидела, какие вы есть. Убедилась: такие же, как и мы.

Поль: Вы читали, наверное, о Швейцарии? Это небольшая страна. Расположена в центре Европы. Территория — 42 тысячи квадратных километров. Население — более шести миллионов человек. Из них каждый второй — немец, каждый пятый — француз, каждый восьмой — итальянец и т. д.

В Швейцарии три официальных языка: немецкий, французский и итальянский.

Мы живем в немецкой части Швейцарии. Моя жена Приска — немка.

Страна живописная: Альпы с зелеными лугами и ледниками и швейцарское плоскогорье в центре, леса и красивые озера — Женевское, Боденское и другие, реки Рейн, Рона и Тичино.

В стране развиты банки, наука, туризм, промышленность — особенно приборостроительная и электротехническая. Не случайно наши два сына Эрих и Александр выбрали профессию электронщиков. А дочь Андреа — секретере (секретарь).

Приска: У нас производят часы, бумагу, лекарства, обувь, трикотаж...

— Где вы работаете, Поль? Как вы стали швейцарским гражданином?

— Я работаю техником-специалистом в национальной авиакомпании. А жена — учительницей в начальных классах.

А вот когда я принял швейцарское подданство? Давно, в начале 60-х годов.

Родился я в Париже в 1937 году. Окончил там школу. В пятьдесят седьмом

был призван в армию, направлен в Африку, в экспедиционный французский корпус.

Вы знаете, что в то время шла война в Алжире — бывшей колонии Франции. Алжирцы боролись за свою независимость.

Мне, сержанту-шефу, было нелегко. Физически и главное, морально. Мать (она родила девять детей), воспитывала нас в послушании. Внушала, что надо быть честным, справедливым, не обижать других, не трогать чужое, уважать старших, учить свой язык...

А в Алжире — кровь, насилие. Моя душа противилась войне.

Видимо, служба в Африке повлияла на мое решение переехать в нейтральную страну. Швейцария давно не знала, что такое война. Какое это все-таки благо — мир, нейтралитет...

О, как я был рад, когда де Голль вывел французские войска из Алжира!

— Вы сказали, что ваша мать воспитала девять детей. Как сложилась ее судьба?

— Мать (ее зовут Потака) говорит на французском, турецком, калмыцком и хуже на русском языках. Послушайте, как она поет на калмыцком. (Поль включил портативный магнитофон).

— Ну, как?

— Поет прекрасно. Это старинные калмыцкие песни... Вы сказали, что она владеет и турецким?

— Не удивляйтесь. Мать несколько лет жила в Турции. Туда она попала восьмилетней девочкой в гражданскую войну. А оттуда была вывезена во Францию. Также, как и мой отец, который был старше ее на шесть лет.

Родители поженились в Париже в тридцать первом году. В годы войны немцы угнали отца в неволю. От тяжелой работы он занемог, заболел. И умер в сорок седьмом.

— Значит, отец ваш — жертва оккупантов?

— В какой-то мере, да. Многие из эмигрантов, русские и калмыки, служили во французской армии. Воевали. Некоторые погибли в боях. Часть попала в плен. А часть из них сражалась в рядах армии освобождения генерала де Голля до самой Победы.

— А вы слышали о подпольщике-калмыке по кличке "Нукус"?

— Слышал. Говорят, отважным был. В Бухенвальде оставил здоровье. Умер после войны. Похоронен с почестями. Дарбаков его фамилия...

— Вернемся, Поль, к вашей матери...

— Я уже говорил, что мать воспитала девять детей. Трех дочерей и шесть сыновей. Знаете, как она тосковала по родине. Не раз говорила, что были бы крылья — полетела. Видимо, ее любовь к своей степи передалась и нам, детям.

Я побывал во всех концах света — ведь работаю в авиакомпании. Поверьте, не волновался ничуть, даже подлетая к Бразилии. А вот когда подлетал к Элисте, разволновался. Гены, ничего не поделаешь.

Нигде я не чувствовал так хорошо, так приподнято, как в Элисте. Мне хотелось разговаривать с каждым встречным. Жать руки. Улыбаться.

Все, все мне понравилось у вас. Степь и город. Музей и концерты. Дотур и махн шелтягян, берики и хальмг ця тоста. И, повторяю, люди — калмыки и русские.

Вот вернемся с женой домой, соберутся родственники. Мы расскажем как тут нас встретили.

— *Поль, несколько вопросов желает задать Гренада Сариевна Биткеева. Не возражаете?*

— Мы с женой восхищены ее прекрасным немецким языком. Произношение, как у коренной немки. Пожалуйста...

Гренада Сариевна: Меня интересует такой факт. Недавно в журнале "Огонек" был опубликован материал о знаменитом "Елисеевском магазине" в Петербурге. Нам стало известно, что один из сыновей Елисеева живет ныне в Париже. Он ученый-востоковед, женат на калмычке.

Поль: Найти Елисеева будет сложно. Но я постараюсь помочь вам через брата. Он живет в Париже.

Гренада Сариевна: До войны известная русская поэтесса Марина Цветаева перевела на французский язык часть песен "Джангара". Вам это известно?

Поль: К сожалению, нет. Я многого не знал. Многое узнал здесь, у вас. Спасибо вам всем за внимание. Доброту.

УЧАСТНИКИ БОРЬБЫ С ФАШИЗМОМ В ГОДЫ 2-ой МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Франция: Очир Боваев, сын малодербетовского зайсанга; Джалса Бородин, офицер французского легиона, отстреливавшийся, предпочтя смерть плену, из ручного пулемета до последней возможности с протяжной калмыцкой песней на устах, чем удивил окруживших его немцев; Николай (Эрди) Докуров, вывезенный мальчишкой за границу из Догмакин в годы гражданской войны; Самбу Захаров, Одю Мангашов, Кирилл Манжиков, Бата Мухаринов, Нарни Саранов, удостоенные чести сфотографироваться с генералом де Голлем в годы войны; Бадма Хахлашов, 20-летним юношей, пробравшийся из Франции в пустыню Сахара через Испанию, Алжир, Марокко и сражавшийся с гитлеровцами до полного освобождения Франции; его брат Очир Хахлашов, Манджи Янкин, офицер французского легиона Шаршиков, героически погибший в одном из сражений (ему прочили большое будущее).

В Бухенвальд был заточен подпольщик Дарбаков по кличке "Нукус". Он скончался вскоре после освобождения из концлагеря, союзниками, и похоронен с воинскими почестями.

Чехословакия: Санджа Ункуров, инженер, подпольщик, участник Пражского восстания в мае 1945 года.

Югославия: Анатолий Картаев, гражданин Югославии и бывшего СССР, награжденный 4-мя орденами "За храбрость". Живет в Словении.

ЛАРИ ИЛИШКИН О ФУТБОЛИСТАХ ЕВРОПЫ КАЛМЫЦКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Имя капитана сборной Франции, футболиста калмыцкого происхождения Жана Джоркаева, известно в нашей республике, пожалуй, всем. В 60-е, 70-е годы Джоркаев блистал на полях Европы и пользовался популярностью в спортивном мире.

Но, наверное, наши читатели будут удивлены, если узнают, что еще три представителя калмыцкого народа в разные годы, с успехом выступали за различные сборные.

А началось все в двадцатые годы, в Чехословакии. Команда русско-чешской гимназии, составленная в основном из детей калмыцких эмигрантов (за команду выступали еще двое русских парней, чьи имена, к сожалению, неизвестны), в финале Кубка Чехословакии для юношей выиграла упорнейший поединок у футболистов Пражского университета со счетом 2:1. До этого "экзотичная" команда повергла коллективы средних учебных заведений и гимназий.

Техничные и быстрые ребята сразу понравились болельщикам. А после успешного финала калмыцкие подростки стали желанными гостями в разных городах страны. Матчи с их участием, как рассказывает Анка Балюгинов, проходили при заполненных трибунах. Многочисленные афиши гласили: "Единственная возможность увидеть игру потомков Чингисхана".

Позже из этой команды выйдут два первоклассных футболиста. Санджи Ункурова пригласят в пражскую "Спарту", в ту самую, где выступал легендарный вратарь Планичка. Кстати, во время второй мировой войны Ункуров был в рядах Сопротивления.

Другой игрок Наран Уланов, также выступавший в "Спарте", пошел, как говорится, еще дальше. Молодому азиату доверили место в основном составе сборной страны.

А Саран Иванчуков в сороковые годы играл в сборной Болгарии.

В послевоенные годы футбол был любимейшим развлечением в полуразрушенной Европе наряду с кино. Потому матчи полупрофессиональных команд всегда проходили при полных трибунах.

В Западной Германии, куда в конце войны перебрались калмыки-эмигранты, жившие в странах Восточной Европы, так называемые "перемещенные лица" создавали свои команды, в основном, по национальному признаку. Среди них выделялся калмыцкий "Джангар", в составе которого играли Михаил Папинов, прозванный немцами "черным бомбардиром", Пата Перборов, Петер Кучинов и другие. Именно Папинов в матчах с очень сильной югославской командой "Белые орлы", за которую выступали известные, в то время в Европе, профессионалы Цветкович и Стаич, забил решающие голы.

В 1948 году на интернациональной олимпиаде в финале "Джангар" вновь встретился с "Белыми орлами". До него калмыцкие футболисты обыграли поляков и украинцев. Встреча и в этот раз завершилась победой "Джангара" — 3:1. Два мяча провел Папинов.

В различных турнирах "Джангар" редко испытывал горечь поражений. Им были повержены и русская "Русь", и югославская "Беска" и литовский "Гинтарас".

Об этом нам поведал и Банко Амарханов и Петер Кучинов, побывавшие в Элисте, в 1990 году.

В 50-х годах большинство калмыков переехало в США. Молодое поколение "Джангара" продолжило победный марш, теперь уже за океаном. Обновленный "Джангар" завоевал первое место в первенстве штата Пенсильвания. Тренировал тогда ребят, всем нам известный Джиджа Андреев. Кстати, команда города Хауэлла, за которую выступали семь калмыков, позже завоевала первое место в чемпионате Атлантического побережья. Из этой команды вышел Санджи Иванчуков, игравший затем в составе олимпийской сборной США, которая добилась права выступать на Олимпиаде-80. Как известно, американцы по политическим мотивам не смогли приехать тогда в Москву.

В 1947 году в профессиональную команду "Виши", выступавшую в чемпионате Франции, пригласили техничного футболиста из числа детей калмыцких эмигрантов послереволюционной волны. Им оказался Илья Юнзуков. Позже он стал капитаном этой команды. Также во Франции в пятидесятые годы за команду "Монтаржи" выступали Кароль Ванькин и Жан Танушев.

Имя Танушева не сходило в 60-е годы со страниц газет Монтаржи, Орлеана и других городов. Любители футбола обожали этого красивого азиата за то, что он дарил им радость своей великолепной игрой, техничной и темпераментной.

''Жан Танушев — талантливый, эффективный, полусредний,— писали о нем журналисты.— Он — номер один в команде, то есть лучший. Его присутствие придает особый блеск игре, определяет ее ведение всеми футболистами''.

''Этот полусредний, обладает в самом деле всеми качествами, чтобы быть основным, базисным игроком, в любой команде,— утверждали они.— Жан хорошо видит поле, действует быстро и решительно, превосходит передвигается с мячом и без мяча, отлично выполняет длинные передачи...''

''Жана Танушева ждет блестящее будущее в нашем футболе,— писали спортивные обозреватели и специалисты.— Удивляет его умение обращать в свою пользу любые малозаметные, на взгляд, погрешности соперников. Присутствие этого замечательного полусреднего на поле дает его друзьям по команде высокую моральную поддержку...''.

К сожалению, из-за тяжелой травмы Танушев перестал блистать на футбольных полях Франции. ''Любимцу публики'', ''кумиру болельщиков'' пришлось перейти на тренерскую работу, обучать детей.

— Жаль, что ушел из большого футбола Жан,— говорят наши французские соотечественники.— Если бы не травма и последующая болезнь, быть ему звездой первой величины французского спорта.

В 1992 году, в Элисте побывал племянник Жана, Патрик Танушев, сорокалетний житель местечка Кастелоны, экономист и финансист, руководитель международного отдела банка, разыскавший через ''Известия Калмыкии'' свою родственницу Екатерину Бадминову Доржинову. В беседе с ее сыном К. П. Катуповым, Патрик высказал пожелание, чтобы журналисты Калмыкии рассказали читателям о Жане Танушеве.

— Он — представитель калмыцкого народа, хотя родился за рубежом,— сказал Патрик.— Такие, как Жан, должны войти в историю калмыцкого спорта, ибо своими достижениями способствовали повышению престижа и чести калмыков.

С этими словами нашего соотечественника нельзя не согласиться.

Да, прекрасно играли в Европе калмыки в футбол. Четыре представителя столь малочисленного народа выступали за сборные стран, где они жили. В бывшем Союзе, где калмыков больше, раз в сто, чем на всем Западе, лишь один Иван Котенов сумел ''добраться'' до высшей лиги. Кто знает, может, мы сумеем воспитать игрока сборной России?! Такого, как Юрий Джоркаев, одного из ведущих игроков национальной сборной Франции, блеснувшего высоким мастерством на чемпионате Европы-96 в Англии.

СОПЛЕМЕННИКИ В ФОТОГРАФИЯХ

СИНЬЦЗЯНСКИЕ СОБРАТЬЯ

Конгрин Бада, один из наиболее известных
йират-монгольских общественных деятелей.
Писатель.



Деву Нимбо, племянница
принцессы Нирджидмы. Ныне живет в США.
Фото 90-х годов.



Принцесса Нурджида Торгутская (1907 — 1983) со своим охотничьим орлом. 1931 г.
Снимок прислан из США проф. А. Борманджиновым.



Канадские калмыки Басановы, Таргировы и другие. Франкоязычная провинция Квебек, г. Монреаль, 1995 г.



Выступление "Ойратов" на фестивале в канадской провинции Квебек. 1995 г.

УЧАСТНИКИ БОРЬБЫ С ФАШИЗМОМ

Отважный офицер французского легиона Шаршиков. После его гибели жена — румынка уехала с сыном на свою родину.



Сержант-шеф французского легиона Бадма Хахлашов (второй слева) с боевыми товарищами в пустыне Сахара. 1942 год. Ныне живет неподалеку от Парижа.

ного
1995 г

Чешский подпольщик Санджа Ункуров
в период Пражского восстания против
гитлеровцев в мае 1945 года с трофейным
автоматом в руках.



Николай Докуров, сержант французской армии, попал в плен к немцам. В конце 1944 года
был освобожден из лагеря советскими солдатами и прошел с ними с боями до Эльбы.
На снимке 1991 г. он с женой Топой Янкиной. Супруги скончались в 1995 году.



**Храбрый югославский партизан Анатолий
Куртаев из Наинтахина Троицкого улуса.
Живет в Словении. Снимок 1990 года.**

Ученый, полковник авиации НОАК в отс.
дочери Альман, Алатан и Ала...



Валерий Боваев (Россия), профессор Шильгин Норбо и Хотир Бада (КНР),
Геннадий Амминов (Россия). 1995 г.

Ученый, полковник авиации НОАК в отс.
дочери Альман, Алатан и Аппа



Валерий Боваев (Россия), профессор Шильгин Норбо и Хонг Бада (КНР),
Геннадий Амнинов (Россия). 1995 г.

... их числе мэр Боргалы Байн Кишг
"Гюльпан" Н. Кектышев (второй справа)
... ансамбля в Синьцзяне.



Артистки ансамбля "Бортал". 1995 г.

Лауреат Всекитайского телевизионного
конкурса вокалистов певица Дяри. 1995 г



Бизнесмен Оюн Герл.



На предгорных пастбищах Байнгольской национальной области Синьцзяна.



Лошади Байн-гола. Родоначальниками их были скакуны калмыцкой породы, увезенные с низовьев Волги в Джунгарию в 1771 году.

АМЕРИКАНЦЫ



Дж. Андреев с внуком Алексом. Слева от него сыновья Эрдни и Церен, дочь Сара и внучки. Справа жена Ядмашка и сноха Нина с матерью. 1996 г.



Двоюродная сестра Андрея — Николь.
1995 г.



Манекенщица Соня Васькина. Переснимок
с американского журнала. 1984 г.

Джиджа Андреев из Хауэлла, известный
благотворительной деятельностью.



Профессор Араш Бориманджинов с коллегой — ученым, 1993 г.



Полицейский Андрей Джугнинов на ночной улице Филадельфии. 1995 г.



Инна Абушинова (Джамбинова ныне) из Элисты со своими детьми, родившимися за окном.
США, 1996 год.



Эти наши девушки живут в США, выйдя замуж за американцев.



Веселятся заокеанские соотечественники. Справа — Дорджи Малунов.



Геннадий Амнинов из Калмыкии с американцами Иванчуковым, Ямановой и Гориповым в Филадельфии.



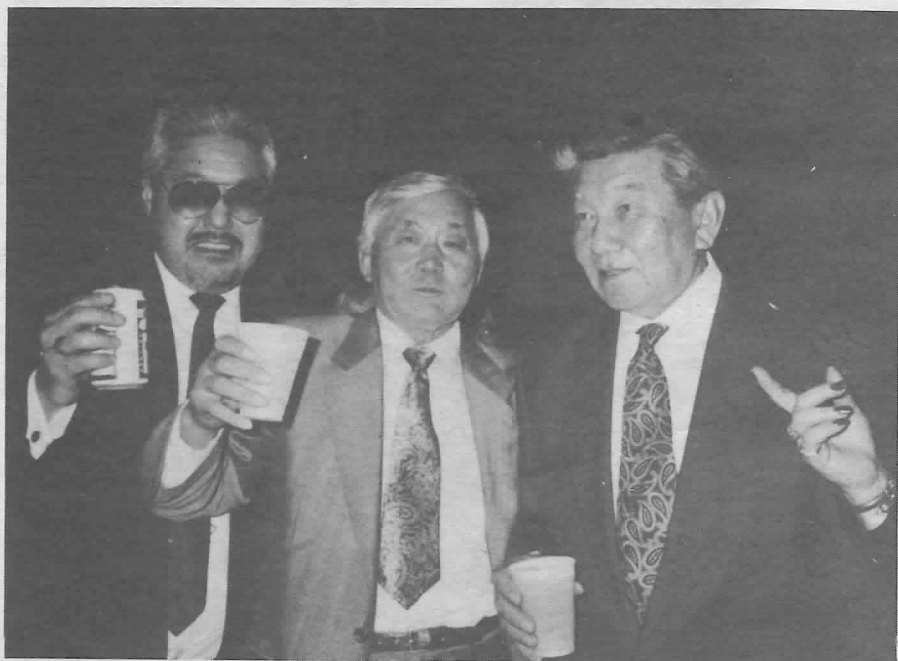
Первым у сородичей США побывал поэт Егор Буджалов в 1989 г. и удостоился чести освящения в Калмыцком хуруле.



Американцы с поэтом из Калмакии. Сидят: Д. Арбаков, Г. Ульцинов, Н. Буджалова, О. Кугинов, Егор Буджалов, Г. Буджалов, Н. Адьянов. Стоят: Э. Кугинов, Н. Урубжуров, А. Горипов, С. Горипова, Н. Урубжурова, Н. Ремилев. 1989 год.



Один из организаторов переезда калмыков-эмигрантов из Европы в США доктор Санджа Степанов с гостей из Парижа Надей Кушиновой (1989 г.). Степанов был также инициатором постановки вопроса о положении высланных в Сибирь калмыков на Бандунгской конференции.



Тюмид Цагадинов, Норон Адьянов и Василий Халгинов: "На счастье"



Мипель Жолен, президент ассоциации
"Франция — Калмыкия", с дочерью Катрин.



Надя Каштанова, художник ресторатор Лурра.



Анастасия Савойе-Чанчинова
(муж — известный архитектор)



Намча Бембинова, вице-президент
ассоциации "Франция — Калмыкия".
Фото 50-х годов.



Лиза Чурюмова (скончалась в Женеве в 1996 г.), Ольга Доржинова (по мужу Ванькина) — живет в г. Монтаржи, Санжирма Жахлашова (Басанова) — живет в Канаде, Надя Сармуткина (Басанова) — живет близ Парижа.
Город Десин, Франция, 40-ые годы.



Художник-пейзажист Илона Чонова.
1995 г.

ILONA TCHONOVA



Мари, сестра Жана Джоркаева,
в молодые годы.



**Жизель Ванькина, медицинский работник.
Обладает способностями экстрасенса и
художник-пейзажист.
г. Монтаржи, 1991 г.**



Лилиан Ладу-Балогонова, владелица магазина модной женской одежды в Париже, 1990 г.

**Натали Доржинова, первая из калмыцкой
диаспоры Франции, побывавшая в Элисте.
1989 г.**



**Кати Плаза-Юнзикова, гид музея, супруга французского архитектора испанского
происхождения.**

**Школьница Наташа Ванькина, дважды
побывавшая в Калмыкии,
которую очень любит. 1995 г.**



**Валери, дочь французского дипломата
Жака Фоора и ученой ориенталистки
Намчи Фоор-Басановой. 1990 год.**

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ ИЗ АВСТРИИ, КАНАДЫ И ДРУГИХ СТРАН

Сержант австралийской армии Мазан Зодбинов
готов к прыжку с самолета. 80-е годы.



Анатолий Карпов в гостях у преподавателей университета, супругов Бердта Кольруса и
Елизаветы Кольрус Убушаевой. Город Грац, Австрия. 1981 г.



Сын супругов Кольрус Александр и дочь Татьяна с дедушкой Карлом и бабушкой Августой.



Ольга Агофбе-Уломджиева с дочерью Самирой и сыном Родригом.
Африка, государство Бенин (бывший "Невольничий берег"), 1991 г.

Встреча в Софии в 1945 году советского
офицера Бориса Даваева с юным
соотечественником Петром Дарбаковым.



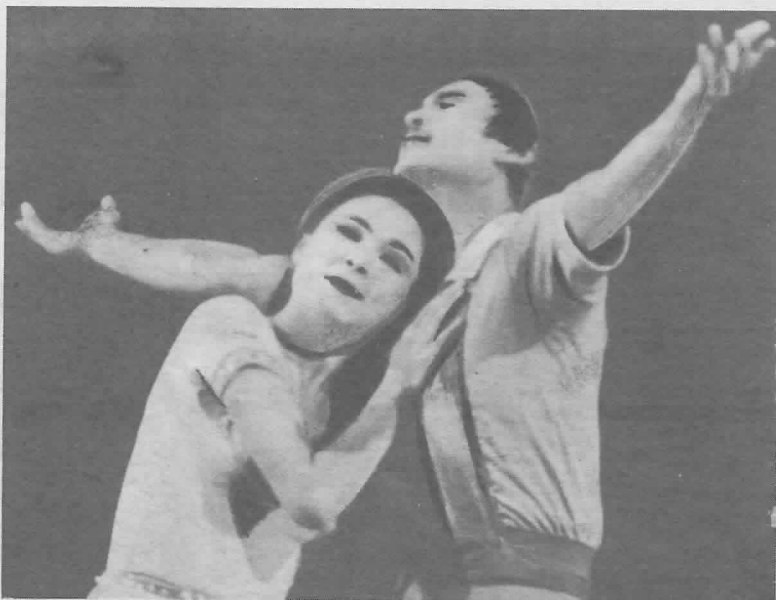
Шивильда Кучинов с дочерьми Вероникой, Сильвией и сыном Давидом.
Испания, Барселона. 1994 г.



Болот Искаков, Чрезвычайный и Полномочный посланник второго ранга (соответствует званию генерал-лейтенанта), Кыргызстан (фото подарено им элистинцу Батыру Бормагнацову)



Полковник милиции Виктор Бальджиков. Бишкек, Кыргызстан. Снимок 80-х годов.



На сцене заслуженная артистка и лауреат молодежной премии Кыргызстана, балерина Елена Тюракулова, дочь киргизского кадмыка и элистинки Зинаиды Дорджиевны Алексеевой. г. Бишкек, 80-е годы.



Известный в Чехии журналист Санджа Санджинович Степанов принимает гостью из Элисты, свою двоюродную сестру Л. Мацакову (на снимке справа). Рядом с ним сестра Занда, ниже — супруга, выше — зять, муж Занды. Прага, 1992 г.



Эмигрировавшая в 20-е годы часть дореволюционной калмыцкой интеллигенции была сосредоточена в Праге, Белграде и Париже. На снимке: "Цаган-Сар" в Праге. Поэт учащийся Пражской гимназии Анка Балюгинов. В центре — Доржа Ремелев. 1926 г.



Встреча элстинцев с французскими соотечественниками в кафе "Айс" в 1991 году. Поэт бывший пражский гимназист Анка Балюгинов.

ОФИЦЕРЫ, ЭМИГРИРОВАВШИЕ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Полковник князь Данзан Тундутов, адъютант Верховного Главнокомандующего Русской армии в годы первой мировой войны Великого князя Николая Николаевича (дяди царя) и атаман Астраханского казачьего войска в годы гражданской войны.



Жена Д. Тундугова, княгиня К. Н. Тундугова с сыном Николаем в калмыцкой национальной одежде. Франция, 30-е годы.

Полковник Азман Батырен. Скончался в
Сербии в годы второй мировой войны.



Офицер Цагада Бембинов с женой Ульяной. Его потомки живут во Франции и Бельгии.



Герой первой мировой войны сотник Церен Джувинов. Воспитал в Болгарии пять сыновей, в их числе журналиста Кирилла и ученого Василия.

В годы гражданской войны Россию покинули, как и Ц. Джувинов, полковник Абуша Алексей, братья Ремелёвы, Учур Зодбинов и другие офицеры калмыцкой национальности. Потомки некоторых из них живут в разных странах мира.

СПОРТСМЕНЫ



Жан Джоркаев, блиставший во французском футболе в 60-е, 70-е годы.

Капитан сборной Франции Жан Джоркаев в игре.



Arrière et Capitaine : Jean DJORKAEFF

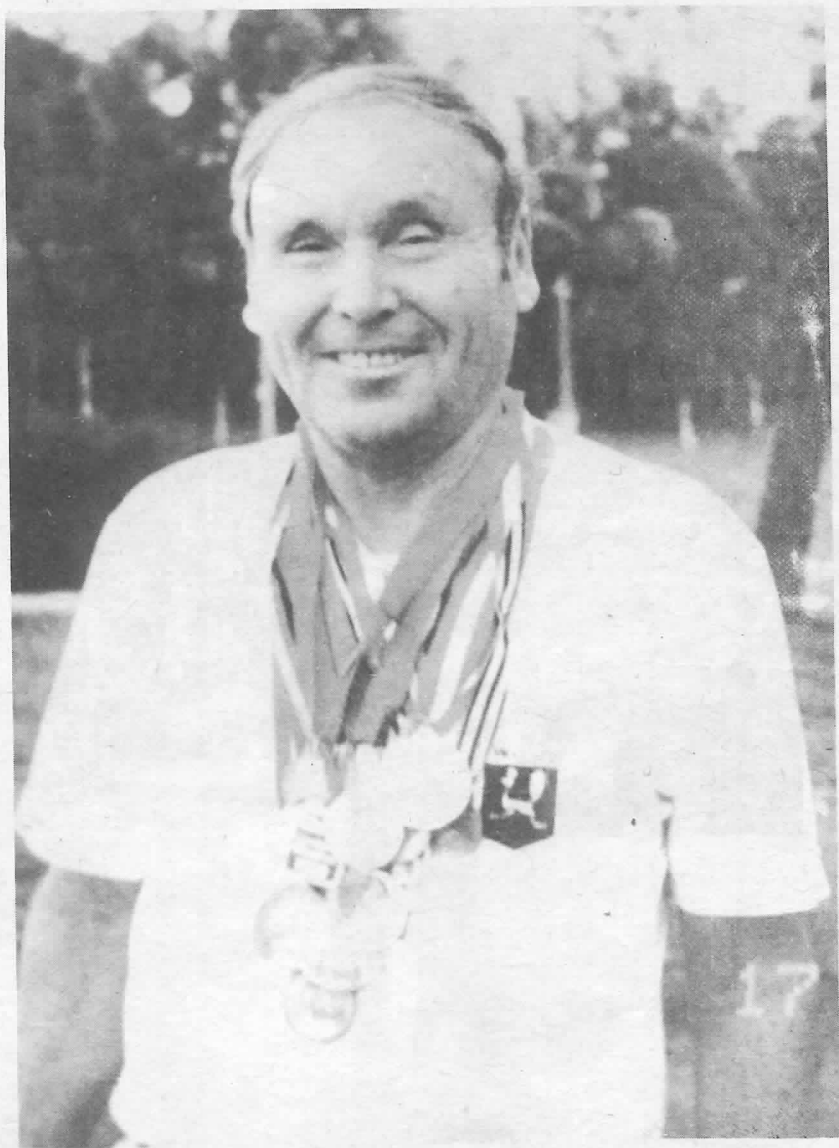


Сын Жана Юри Джоркаев. 1991 год. Он вошел в число лучших футболистов чемпионата Европы — 96 в Англии.



TANOUTCHEFF PHOTO J. GERMAIN

Замечательный французский футболист Жан Танушев. Болельщики обожали его. Снимок из французского спортивного журнала 70-х годов.

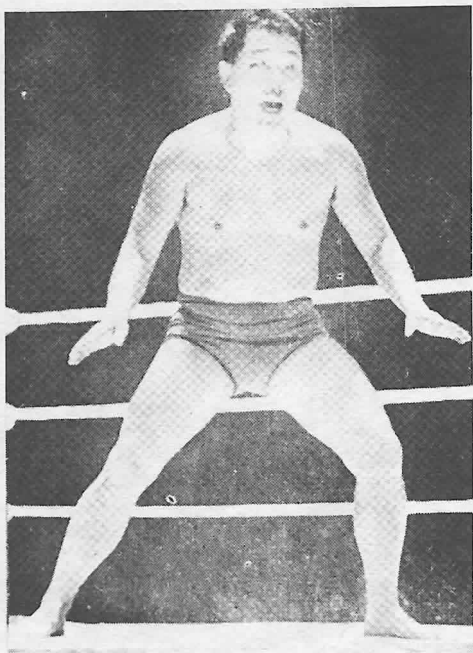


Марафонец и парашютист из Австралии Мазан Зодбинов. Сидней, 1995 год.



Мазан Зодбинов на дистанции марафонского бега.

**Дзюдоист и кетчист из Франции Иска Хан
Бурхинов на ринге. Снимок 50-х годов.**



**Иска Хан с Катрин Денев в фильме "Дневная красавица". Он снялся в более чем
60-ти кинофильмах.**



Команда кальмацких гимназистов, завоевавшая в 1930 г. Кубок Чехословакии среди школ, гимназий и учебных заведений. 5-й справа — Санджи Ункуров, игравший позже в пражской «Спарте». В «Спарте» выступал и Наран Уланов (2-й справа).



Пражская "Спарта". Стоит 1-м слева Сандла Ункуров. Снимок 30-х годов.



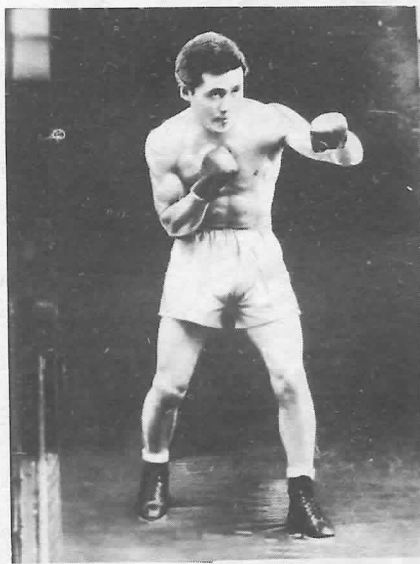
Калмыцкая команда "Джангар", завоевавшая Кубок на международной Олимпиаде в Мюнхене в 1948 г. В 1-ом ряду: Церен Трушкин, Темча Шовгуров, Бекет Басанов. Во 2-м ряду: Наран Васькин, Михайл Папинов, Борче Амарханов, Чеда Аников, Василий Давданов, Менько Абушинов, Никита Нахошкин и Яманов.



Чемпионы Парижа по мини-футболу среди любителей с Кубком, 1952 год.



Команда футболистов города Виши. Стоит 2-м слева капитан Илья Юнзуков, племянник доктора наук Церен-Дорджи Номинханова. Фото 50-х годов.



**Французский боксер Менгя Басанов.
1946 г. Ныне живет в Канаде.**



**Ойратский богатырь Хорлою Байанмух.
Вольник, самбист, мастер по национальной
борьбе. Улаан-баатор. 80-е годы.**



Джигитовщики: русский казак, Домба Ульчинов (тренер), Борис Чонжинов, Макс Хохлов, Мэнгя Басанов,
Жан Чонжинов, Марсель Басанов. Франция. 1960 г.

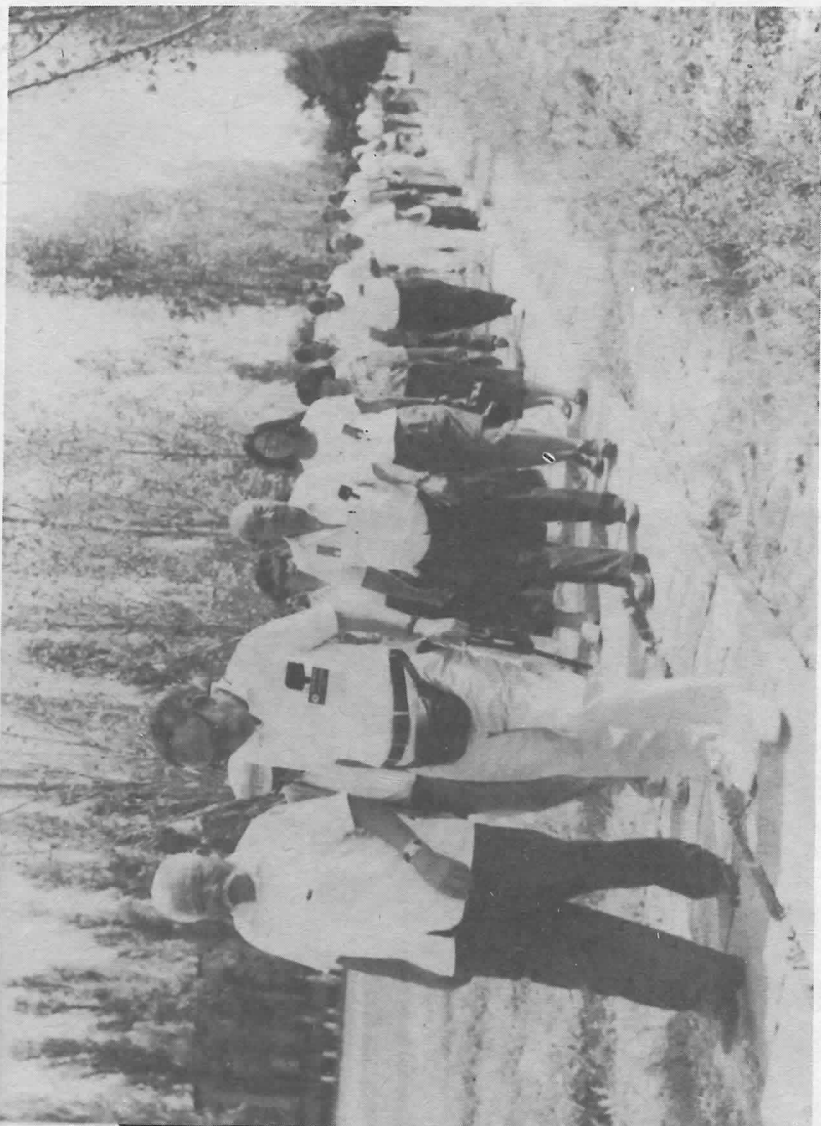


Игрок олимпийской сборной США по футболу С. Иванчуков, 1980 г.

НА РОДИНЕ ПРЕДКОВ, В КАЛМЫКИИ



Американская делегация, прибывшая в августе 1990 г. в Элисту на празднование 550-летия "Джангара".



Американцы в Городовиковском районе. Август 1990 года.



Александр Борисович Очиров с гостями из Франции в Цаган-Амане (Н. Бембинова, М. Дакова, А. Чанчинова, Р. Доржинов, Б. Доржинов, О. Ванькина, А. Очиров, Р. Лоранс). 1991 г.



Жан Джоркаев с сестрой Мари в Элисте (И. Басангов, К. Катушов, Х. Хомутников, Ж. Джоркаев, О. Манджиев, М. Джоркаева, Т. Бембеев, В. Садусов, А. Болтыров, Н. Илишкин). 1991 г.



И. Шарапов принимает почетного гостя Ж. Джоркаева. 1991 г.



Катрин Болдырева (Бельгия), Эмилия Насанкаева (Калмыкия), Вера и Анка Балогоиновы (Франция), Элиста, 1991 г.



**Мишель Жулен-Ванькина и ее муж Клод Жулен с Александрой Буригаевой
(ныне телеведущей ОРТ) и ее подругами. Элиста, 1992 г.**



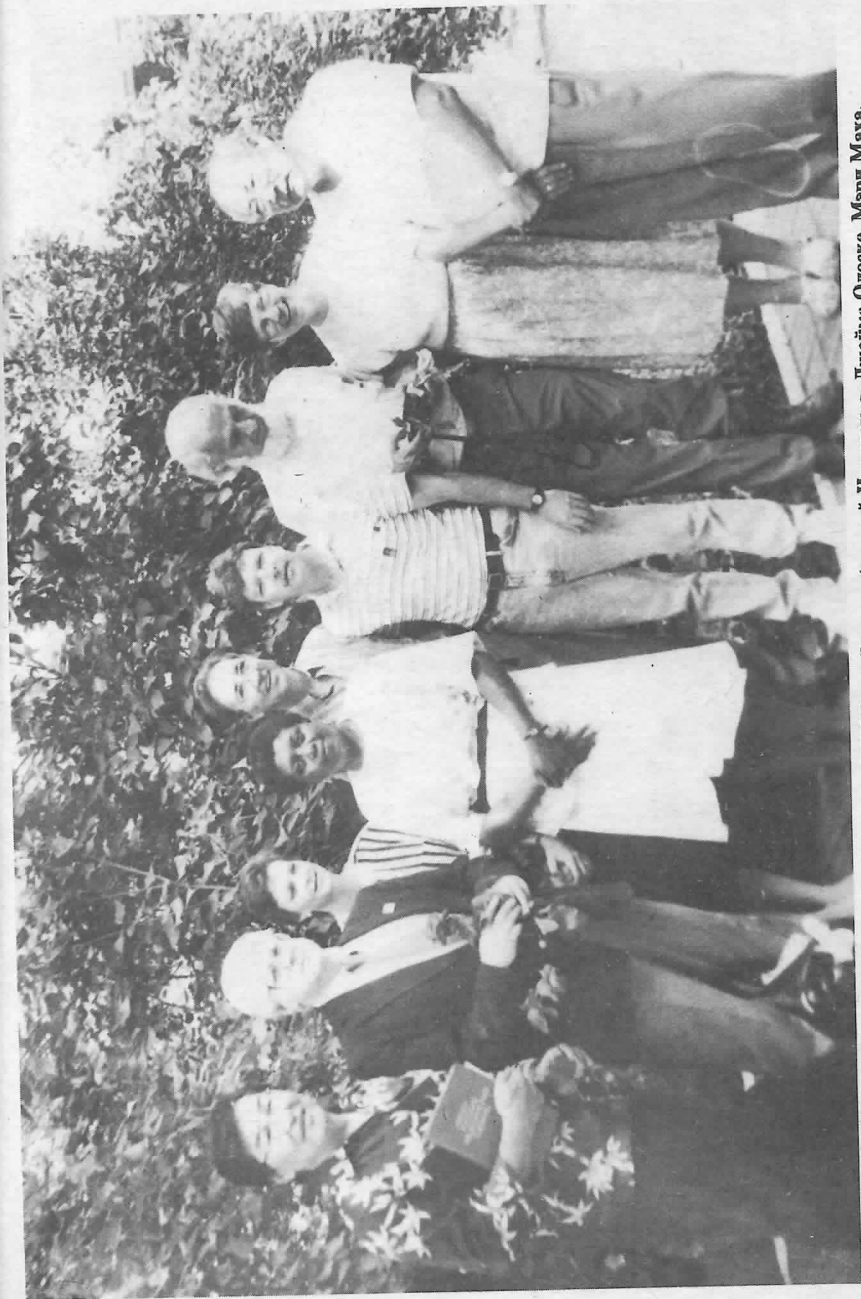
Патрик Танушев (стоит третьим слева) с родственниками: Надеждой Симтоновой, Марией Катушовой, Кимом Катушовым, Екатериной Бадминовной Дорждиновой и Эренженом Джелачиновым.



Американский врач Нима Чурюмов с женой Доржмой в Элисте в 1993 г. Он несколько раз прилетал в Калмыкию для оказания помощи ВИЧ-центру. Скончался в октябре 1994 года.



Джиджа Андреев с учительским коллективом СШ № 17 Элисты после встречи со старшеклассниками.



Американские специалисты по борьбе со СПИДом в Элисте: Алексей Иванчуков, Джеймс Олеске, Мэри Маха, Фей Зеланд, Стивен Торкельсон, Уильми Дженисон, Кристин Хенсен, Вирджиния Андерсен, Нина Чурюмов. 1990 г.



Герой Советского Союза Владимир Мергасов с американцами Алексеем Иванчуковым и Майклом Фергюссоном (мэром Хауэлла) в Элисте, в дни празднования 550-летия "Джангара".



Известный специалист из США Стивен Торкельсон, давший высокую оценку коллективу Элистинского ВИЧ-центра, с главным врачом Диной Санджиевой. 1990 г.



Элистинка Баира, дочь известного художника Очира Кикеева (в центре), с заокеанскими родственниками Ядмой и Лидией. 1996 г.



Австралиец Мизан Зодбинов с двоюродной сестрой Анной Ивановной, племянником Виктором Лиджигоряевым,
поэтом Владимиром Нуровым и др. 1995 г.



124. Профессор Араш Борманджинов с супругой и сыном Лавгой в Элисте. Сентябрь 1996 г.



Тэло Тулку Ринпоче с представителем администрации Далай Ламы и американцами
Джамбиновыми в Элисте.



Американец Церен Хонин (2-ой справа) с родственниками у строящегося с его помощью двухэтажного дома в Элисте.
1996 г.



Тэло Ту

СОДЕРЖАНИЕ

Сколько нас, монголоязычных?

И где мы живем

Ойраты Синьцзяна (КНР) и Монголии

Калмыки США

Французские соотечественники

Соплеменники в фотографиях

Наран Уланович Илишкин

СОРОДИЧИ С РАЗНЫХ КОНТИНЕНТОВ

Ойрат-калмыцкое зарубежье

Ответственный за выпуск *В. Арбакова*

Подписано в печать 16.08.96. Формат 60x84/16.
Печать офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 9,3.
Тираж 3000 экз. Заказ 2646.

АПП "Джангар", 358000, г. Элиста, ул. Ленина, 245.

НАРАН ИЛИШКИН

СОРОДИЧИ

С РАЗНЫХ КОНТИНЕНТОВ

ОЙРАТ - КАЛМЫЦКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ



Элиста, 1996

ББК 63,3. (2Р—6Ка)

ISBN 5-7102-0074-3

© Н. У. Илишкин, 1996